ВАДИМ ПАНОВ

И ДРУГИЕ

НЕПОСТИЖИМАЯ КОНЦЕПЦИЯ

АНКЛАВЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Прошло всего четыре года со Дня Беды, когда высокоэнергетическое Копье пронзило нашу планету насквозь, вызвав ужасающую Катастрофу. Мир изменился до неузнаваемости, а люди… Люди вынуждены были приспособиться. Ведь человек – самая живучая тварь во Вселенной…

Фабрику по производству пищевых брикетов в народе называли просто – Жрать, а ее лидера – Химиком. Химик верил только в Аллаха, голодающим раздавал свою продукцию бесплатно, а против тех, кто отнюдь не голодал, но не прочь был разжиться брикетами на дармовщинку, держал на крыше пулеметы – самые настоящие наукомовские «молотки»…

Вадим Панов, Андрей Фролов, Александр Золотько и другие в уникальном сборнике, продолжающем и развивающем мир «Анклавов Вадима Панова»!

- Вадим Панов и другие
  - Вадим Панов
    - Часть 1
    - Часть 2
  - Андрей Фролов
  - Александр Зимний
    - Часть первая
      - Небо
      - Земля
      - Небо
      - Земля
      - Небо
      - Земля
      - Небо
      - Земля
      - Ад
      - Земля
    - Часть вторая
      -
      - Луна
      - Солнце
      - Луна
      - Солнце
      - Луна
      - Солнце

        - Рассвет
- Виктор Точинов
    - Пролог
    - Харон, перевозчик и проводник
    - Патрик Косталиковски, лаборант и оператор ВЛК
    - Омар Геверниц, дивизионный генерал, военный комендант «зоны Алеф»
    - Стелла Линц, магистр физико-математических наук
    - Геверниц
    - Косталиковски
    - Геверниц
    - Рувим Донован, офицер СБА, анклав Цюрих
    - Косталиковски и Геверниц
    - Стелла
    - Эпилог
- Виталий Абоян
- Александр Золотько
- Андрей Фролов

Вадим Панов и другие
Непостижимая концепция (сборник)

Вадим Панов
Непостижимая концепция

Часть 1
Химик

– Раньше, до Дня Беды, жизнь была иной.

– Спокойной? – не удержался Бергер. Понимал, что совершает ошибку, прерывая Химика на полуслове, но не удержался. Уж больно размеренно и медленно текла речь фабричного лидера, вот и не удержался. – Сытой? Тихой?

– Правильной, – веско объяснил Химик, и парочка здоровяков за его спиной согласно закивала круглыми лысыми головами. Не быстро закивала, но веско, словно подтверждая, что за миг до этого прозвучало великое откровение.

Здоровяки присутствовали при разговоре для ритуала: не мог фабричный лидер, серьезный и авторитетный человек, якшаться с прохожим без охраны, права не имел. Звуков здоровяки не издавали, и, кто из них Ача, а кто Вача, Бергер так и не выяснил. Знал только, что тот, который слева, вяжет узлами металлические прутья. Второй выглядел еще внушительнее.

Только кожа подкачала: кожа у всех фабричных была серой, словно пылью припорошенной, и морщинки на ней казались черными, словно тушью нарисованными. Кожа фабричных навевала мысль о химической аварии.

– Извините, что перебил, – проворчал Бергер, отвечая на укоризненный взгляд Химика. – Больше не повторится.

И зачеркал в блокноте, продолжая стенографировать рассказ лидера.

– Жизнь до Дня Беды была правильной. – Химик чуть качнулся назад и провел крупными ладонями по бедрам. Взгляд его вновь стал рассеянным. – Все было упорядочено, все вершилось согласно древним законам, соблюдение которых и есть основа мира.

Крупными у фабричного лидера удались только ладони да голова – внушительная безволосая тыква с большими ушами и весомым носом. Остальное вызывало усмешку: тельце худенькое, плечи узенькие, ручки и ножки тоненькие – задохлик. Но держался Химик со спокойной уверенностью человека, за которым всегда остается последнее слово. И старый шрам, идущий по правой щеке от скулы до рта, не казался чужеродным и придавал образу законченность, делал лицо жестким.

Хоть и было оно серым, словно пылью припорошенным.

– Земля относится к мирам Срединным, мирам людей, где Время имеет смысл, потому что все мы здесь – гости, а точнее –

дети. Мы знали богов, которые ждут нас наверху, и творили много зла в их честь; мы были жестоки, но боги прощали нас, потому что, когда Время имеет смысл, люди торопятся выбрать простое решение. Люди боятся Времени…

– …а Время боится Пирамид, – машинально закончил Бергер.

Ойкнул, испуганно глядя на Химика, но тот понял, что молодой человек высказался неосознанно, просто въелась в его память старинная пословица. Понял, улыбнулся и спокойно продолжил:

– Люди боятся Времени и всегда мечтали победить его здесь, в Срединном мире, не понимая, что тем нарушат закон. Страх сильнее разума. – Химик прикрыл серые глаза, старые, очень усталые глаза, и Бергер неожиданно почувствовал облегчение. Взгляд фабричного лидера давил, даже когда он смотрел в сторону, например на огонь. – Люди думали, что воюют со страхом, но в действительности пытались сломать закон.

– Закон Времени?

– Закон Мира.

Разговор, несмотря на дневное время, шел у костра, который развели во дворе Фабрики Ача с Вачей; развели, потому что Химик, как успел понять Бергер, был большим любителем открытого огня. Впрочем, последние дни выдались зябкими, и лишнее тепло не мешало.

Фабрикой (то есть как положено) шесть стоящих недалеко от леса корпусов называл только Бергер, а вот местные – жители лежащего в трех верстах поселка – звали логово Химика просто: Жрать.

– Мы отказываемся понять, что миром правят простые законы, в основе которых лежит элементарная логика: каждому отведено свое Царство, и поэтому богам нет хода в Срединный мир, так же, как мертвым. Каждый должен прожить свое Время, а потом совершить путешествие по Великому Древу. Законы просты, а потому неколебимы. Снаружи неколебимы, но не изнутри.

Химик кинул в костер ветку, и пламя бросило на его лицо отблеск, резко выделив шрам. Получилось жестко.

– Каждый мир доверчив к своим обитателям, силен ими и перед ними беззащитен. Могучий колдун этого не знал, он просто хотел все изменить…

– Колдун? – переспросил Федор. Он уловил изменившийся тон и понял, что теперь вопросы разрешены.

– Очень сильный.

– Мертвый?

– Зачем мертвый? – удивился фабричный лидер. – Живой.

– Я слышал сказки, в которых колдуном называют Мертвого, – уточнил Бергер.

– Это какого же?

– Который виновен в Дне Беды.

– Мертвый заслужил, – помолчав, признал Химик. – Но моя история не о Дне Беды, а о законах мира.

– Люди говорят, что Мертвый убил мир, – тут же забросил удочку Федор, чем вызвал еще одну паузу.

– Местные люди? – осведомился Химик, протягивая к огню серые руки.

– Нет, липчане.

– Эти – могут сказать, – улыбнулся фабричный. – Но ведь ты хотел послушать мою историю, а не россказни липчан, так?

– Так.

– Тогда слушай.

Тон погрубел, и молодому человеку оставалось одно:

– Извините.

Бергер действительно хотел слушать, для того и пришел, вот и повинился.

– Колдун, о котором рассказываю сказку я, был очень силен. Он мечтал изменить мир, не понимая, что тем убивает его. Он создал запретную душу…

– Как это?

На этот раз вопрос раздражения не вызвал: Химик его ждал. Скупо усмехнулся и поинтересовался в ответ:

– Что есть человек без души?

– Человека без души нет, – уверенно ответил Федор.

– Потому что таков закон Срединного мира, – подтвердил фабричный лидер. – Другой закон: пускаясь в дальнейшие странствия, человек оставляет тело в Срединном мире. Третий закон: в Срединном мире Время течет. – Пауза. – Колдун покусился на все эти законы.

Полная тишина – верный признак того, что слушатели полностью поглощены рассказом.

– Колдун научился отделять души, помещать их в нелепый зиккурат и так оставлять в Срединном мире. Лишая тела и отнимая Время. В гордыне своей колдун считал, что дарит людям бессмертие.

– Какому богу он поклонялся?

– Он сам хотел стать богом.

– И таким образом бросил им вызов?

Вопрос вызвал у Химика снисходительную улыбку.

– Как можно бросить вызов тем, кого неспособен превзойти?

– Но люди решили, что колдуну удалось, и пошли за ним, –

догадался Федор.

– Человек слаб. Трудно устоять, когда предлагают вечную жизнь.

– В плену зиккурата? Лишившись тела в самом материальном из миров? Потеряв ощущения и чувства?

– Не испытывая боли и голода, не зная принуждения и смерти, отменив смысл Времени, – предъявил свои аргументы Химик.

– То есть колдун творил добро?

И фабричный лидер, к немалому удивлению Бергера, осекся. Впервые за весь разговор, за все их короткое трехчасовое знакомство. Вопрос сбил Химика, и Федор попытался развить тему:

– Если колдун дарил людям покой, он дарил им добро. Так?

– Но разрушал мир. – Фабричный лидер с трудом подыскал аргумент.

– Что есть мир без людей? Что есть мир, наполненный несчастными, озлобленными людьми?

Федор понял, что ему удалось чуть-чуть разжать створки раковины, в которой прятался Химик, и он продолжил напирать. Но фабричный лидер уже пришел в себя.

– Человек слаб, Бергер, человек страшится перехода и хочет невозможного. Иногда он принимает покой за счастье, а добро… – И снова пауза. – Человек не думает, что некоторые законы менять нельзя, человек эгоистичен.

И снова – правда. Не жестокая, но жесткая. Правда о людях. О том, какие они.

– Тот зиккурат был сетью? – уточнил Федор. Он решил ненадолго отступить.

Химик улыбнулся, но не ответил. Продолжил рассказ:

– Вот тогда-то, увидев нарушение Закона, боги рассердились и вонзили в Землю копье.

– Чтобы уничтожить колдуна?

– Чтобы спасти Срединный мир.

Финал получился скомканным, однако Бергер все равно остался доволен: именно такого объяснения Катастрофы в его коллекции еще не было. Как правило, жители дичающих общин – а Шамильский улус был именно таким – объясняли случившуюся четыре года назад Катастрофу проще: пробуждение древних монстров, кара небесная, столкновение с сонмом демонов. Химик же не только изложил ясную причину катаклизма, но и увязал ее с продуманной космогонией.

– Вы действительно верите в это?

– Я? – Фабричный лидер рассмеялся, как закаркал, но

выцветшие его глаза остались холодными. – Ты просил сказку, путник, ты ее получил. – Он поднялся на ноги. – Я же верю только в Аллаха, великого и милосердного.

Возвращение в реальность оказалось настолько стремительным, что Бергер совершенно растерялся: он не понял, что заставило Химика так резко свернуть разговор. И лишь через несколько секунд расслышал гул моторов: к Фабрике подъехала колонна потрепанных мобилей защитного цвета.

* * *

Два из шести зданий Фабрики являлись производственными цехами; их вытянутые, лишенные окон коробки параллельно тянулись по длинной западной стороне, прикрывая обитателей Жрать от леса. Или же закрывая обитателям Жрать обзор на лес: тут уж как посмотреть. Впрочем, как ни смотри, а две пулеметные точки на крыше крайнего цеха присутствовали, и стояли на них самые настоящие «молотки» от «Науком».

Южными воротами оба цеха едва не втыкались в квадратное и высокое хранилище исходного сырья, а северные упирались в склад готовой продукции, который почти всегда пустовал – Химик не рисковал держать на Фабрике запасы дорогостоящего пищевого концентрата. В дальнем восточном углу стояла бойлерная, именно к ней шли электрические кабели от остальных построек. А прямо у главных ворот размещалось здание администрации, ставшее для обитателей Жрать жилым. И именно у администрации бросил якорь караван Расул-бека. Не весь, конечно: грузовики дотарахтели до склада, где встали под погрузку, а вот все четыре внедорожника, защищенные тонкой противопульной броней – другую элетромобили не утянули бы, – припарковались неподалеку от кострища. Боевики рассредоточились по двору, мрачно озирая спокойных обитателей Фабрики – к Аче и Ваче подтянулись еще шестеро, правда, безоружные, – а главный гость подошел к Химику и после приветствия осведомился:

– Голодранцев кормить не надоело?

Вопрос был обязательной частью ритуала встречи: Расул-бек выражал легкое недоумение принципиальной позицией фабричного лидера, бесплатно раздававшего до половины производимого концентрата. Хозяин Шамильского улуса не мог ничего изменить, но не забывал напомнить, что он против.

– Они без меня передохнут, – стандартно ответил Химик.

– Лентяев плодишь.

– Ты сам в это не веришь.

На довольствие фабричный лидер брал только тех, кому и в самом деле приходилось туго, и прекращал помогать, когда люди становились на ноги.

– Товара достаточно? – перешел к делу Расул-бек. – Мне много надо.

– Грузовики забьем под завязку, – пообещал Химик.

– Это хорошо. – Шамильский хозяин зевнул, в последний момент прикрыв разинутую пасть ладонью, и очень тихо сообщил: – В столице еще одна фабрика накрылась, когда починят – неизвестно.

– Я тебя предупреждал, что нельзя технарей в рабство обращать, – хмыкнул фабричный лидер.

– Свободным имеет право быть только воин, – без особой убежденности ответил Расул-бек.

– Конечно. – Химик потер пальцы, словно сомневаясь, стоит ли задавать следующий вопрос, но не удержался: – Ты нашел Тару?

И получил чрезвычайно быстрый ответ:

– Нет.

Такой быстрый, каким может быть только лживый ответ.

– Когда найдешь, не слушай ее – сразу вези ко мне. Она опасна.

– Я помню уговор, – мотнул головой Расул-бек и резко повернулся к Бергеру. – Ты кто такой?

Смена темы произошла с изумительной неуклюжестью, однако Химик сделал вид, что его все устраивает; продолжать разговор насчет Тары фабричный лидер не стал, и Федору пришлось отвечать.

– Этнограф, – угрюмо буркнул Бергер.

Он впервые увидел хозяина улуса в анфас и с удивлением отметил, что правую щеку Расул-бека рвет старый шрам, резко идущий от скулы до рта. Шрам не казался чужеродным на лице боевика, он придавал образу законченность, казалось, Расул-бек рожден с ним.

Так же, как Химик.

– Этнограф – это как? – осведомился тем временем шамильский хозяин.

– Как видишь: две руки, две ноги, одна голова.

– Умный?

– Не дурак.

– Он в обед из леса вышел, – сообщил Химик, задумчиво разглядывая кострище, над которым умирали последние струйки дыма. – Говорит, через Баляль прошел.

– И ты его пустил?

– Мне стало интересно.

– Что?

– То, чем он занимается.

– А чем… – Расул-бек сообразил, что, задавая вопрос Химику, он теряет лицо, резко оборвал фразу, повернулся к Бергеру и выплюнул: – Чем занимаешься?

– Собираю сказки.

Увлеченный беседой этнограф не заметил подошедшего сзади бойца, а потому жестокий удар в голову стал для него полной неожиданностью.

«Козел!»

«Не уважаешь, мразь!»

«Только не убейте!»

Вопли и последующие пинки слились для Бергера в один неприятный процесс. К счастью, довольно кратковременный: меньше чем через минуту упавшего на землю ученого грубо вернули в положение «Стоять», встряхнули, помогая избавиться от шума в голове, и Расул-бек продолжил интервью:

– Зачем тебе сказки?

Судя по всему, во время экзекуции Химик вкратце объяснил любознательному хозяину улуса, чем занимаются этнографы.

– После Катастрофы новые появились, – сипло объяснил Бергер, наблюдая за тем, как подручные Расул-бека потрошат его рюкзак. – Знать их надо.

– Зачем?

– Затем, чтобы жить дальше.

– Чтобы жить – жрать надо, понял?

– Вам виднее.

– Вот именно. – Расул-бек повернулся к проводящим обыск помощникам. – Что у него?

– Шмотки, – один из боевиков пнул ногой пакет с вещами. – Консервы анклавские, концентраты и колеса какие-то…

– Воду обеззараживать, – объяснил Бергер.

– Блокнот, карандаши, аптечка…

– Наркота есть? – оживился Расул-бек. – Качественная?

Вопросы были обращены к подручным, однако Федор ответил сам:

– Есть синтетика, на случай ранения.

– Предусмотрительно… – Шамильский хозяин еще раз оглядел разбросанное имущество, задержав взгляд на легкой, превосходно подходящей для охоты на мелкую дичь винтовке, и протянул: – Ты, я смотрю, предусмотрительный, этнограф… Где связь?

– Нету, – развел руками Бергер.

И получил в печень. Охнул, согнулся, огреб по затылку, а когда вновь оказался на ногах, услышал:

– Где?

– Никакого электричества, – торопливо, не отдышавшись, а потому – фальцетом ответил этнограф. – Я по три-четыре месяца в поле, в самый первый раз брал с собой коммуникатор, а мне его прострелили перед возвращением, вся работа псу под хвост. С тех пор только блокноты.

– Как ты со своими связываешься?

– Никак.

– У него ничего нет, – подтвердил боевик. И еще раз, на всякий, так сказать, случай, тряхнул рюкзак. – Никаких гаджетов.

– Кто тебе платит? – сменил тему Расул-бек. – Кто снаряжает? Кому ты рассказываешь сказки?

– Мертвому.

На этот раз в печень словно кувалдой засветили.

– Да не вру я! – взвыл Бергер.

– Я ему верю, – тихо произнес Химик, глядя Расул-беку в глаза. – Поэтому не убил.

И эта коротенькая фраза наглядно продемонстрировала то необыкновенное влияние, которое имел фабричный лидер на всемогущего хозяина Шамильского улуса. Расул-бек молниеносно успокоился, удивленно поднял брови и хрюкнул:

– Мертвому нужны сказки?

– Да.

– Зачем?

– Мертвый ищет те, которые сбываются, – едва слышно прошелестел фабричный лидер, и шамильский лидер все понял.

Понял, вздрогнул и машинально дотронулся до шрама на правой щеке. И не сдержал сорвавшееся ругательство.

– Сам понимаю, что плохо, – вздохнул Химик.

– Я его заберу, – неожиданно громко и неожиданно уверенно рубанул Расул-бек. И перевел взгляд на Бергера: – Поедешь со мной.

– Зачем? – Фабричный ошеломленно уставился на Расул-бека.

– Этнограф наверняка разведчик, а наземная разведка означает одно: Мертвый близко, – объяснил шамильский хозяин. – Хочу говорить об этом.

– Говори здесь.

– Здесь криво, – отказался Расул-бек, с улыбочкой наблюдая за тем, как его подручные тащат Бергера к головному внедорожнику. – А я хочу ровно.

* * *

Как столица называлась раньше, когда в ней заправляли спившиеся туземцы, теперь никто и не вспоминал. Во времена губернатора Сулима III Благочестивого город стал Шамиль-сараем, и следующие поколения правили уже переименованным улусом. Правили успешно: не прогнулись под Кубанский джамаат, отбили два вторжения орды Рафика Назимова, воинственного министра обороны Центрального федерального округа, и сохранили неплохие отношения с ОКР, единственной скрепой, которой санкт-петербургский президент хоть как-то удерживал наследных демократических губернаторов в федеральном составе.

Катастрофа Шамиль-сарай не затронула, но головы лишила: губернатор Адам VI Головокрут, изволивший отдыхать в своем дворце на Исламской Ривьере, обрушился на новое дно Средиземноморья вместе с семьей и челядью. Между племянниками Головокрута немедленно вспыхнула междоусобица, однако воцарившаяся разруха не позволила никому из них взять верх. Мовлади удерживал пару районов на юго-западе улуса, Магомед – на юго-востоке, а Расул-бек взял все остальное, не предпринимая никаких попыток отбить у родственников владения. Положение Расул-бека выглядело безупречным: ему достались развитые сельскохозяйственные зоны, кое-какие рудники, кое-какое производство, атомная электростанция, а главное – три дядюшкиных арсенала из пяти. Он сидел настолько крепко, что сумел отразить нападение танковой армады Генеральной прокуратуры и даже продвинулся на запад, заполучив под контроль область ответственности бригады Шариатского надзора из Белгородского ханства; и на север, оттяпав три района Умарского улуса у занятых внутренними распрями депутатов тамошнего меджлиса. Все выглядело хорошо, однако вот уже год Расул-бек жил в тревожном ожидании перемен. Анклав Москва уверенно полз на юг, и все говорили одно: Мертвый близко.

– Вы будете меня кормить? – осведомился Бергер из багажника внедорожника, где скрючился на маленьком сиденье.

– Не знаю, – не стал скрывать шамильский хозяин.

– От чего зависит?

– Скажешь правду или нет.

Они были примерно одного роста: около ста девяносто, примерно одинаково одеты: в полевую армейскую форму без знаков различия, и примерно одного возраста: в районе тридцати пяти. А вот дальше начинались различия. Расул-бек был

плечистым, настоящей скалой, а его крупное грубое лицо поросло густой бородой, справа рассеченной шрамом. Жилистый Бергер мощью не отличался, казался тощим, нескладным, и лишь очень опытный глаз мог оценить отточенность его движений: этнограф явно посещал не только библиотеки да лекции. Лицо Бергер имел узкое, с мелкими, «мышиными» чертами и унылым выражением. Во всяком случае сейчас.

Но унылость лица никак не соотносилась со спокойным тоном, каким этнограф вел разговор.

– Я не лгал.

– Что собираешь сказки? Не смеши меня.

Присутствующие в мобиле мордовороты дружно заулыбались.

– Вам смешно, а Химик испугался, – размеренно произнес ученый.

– В отличие от него, я не верю, что Мертвому нужны сказки, – через плечо бросил Расул-бек.

И вздрогнул, услышав спокойное:

– Доктору Кауфману нужна правда.

– Какая?

– После Катастрофы мир стал другим, – вздохнул Бергер. Внедорожник подпрыгнул на очередном ухабе, и Федор врезался головой в потолок. Однако продолжил как ни в чем не бывало: – Доктор Кауфман хочет знать – каким?

– И еще он хочет мою землю, – мрачно произнес Расул-бек. Резко повернулся и вперился в пленника взглядом. – Да?

– Шамильский улус не первый и не последний, – пожал плечами Бергер. – Вы уже должны знать политику доктора Кауфмана: если туземная администрация проявляет разумную покорность, ее оставляют править.

Заявление прозвучало нагло, вызвало злобный скрежет у мордоворотов, однако шамильский хозяин среагировал так, словно услышал ожидаемое: спокойно.

Осведомился лишь:

– То есть ты не скрываешь, что шпион?

И хмыкнул.

– Кому нужен шпион, неспособный принести информацию? – вопросом на вопрос ответил Федор. – К тому же Шамильский район вдоль и поперек изучен с беспилотников. Я видел карты и по ним прокладывал маршрут.

Скрежет мордоворотов стал сильнее, но Расул-бек прекратил его одним движением бровей. И задал следующий вопрос:

– Тогда зачем ты здесь, этно?

– Послушать сказки, пока вас не убили.

– Ты только что говорил, что Мертвый оставит меня у власти.

– Не все соглашаются.

– Почему? – впервые шамильский хозяин продемонстрировал неподдельный интерес. Оно и понятно, ведь дело касалось его коллег. – Почему не все?

– Потому что доктор Кауфман – это не презик Питера, доктору Кауфману вы станете служить по-настоящему. Как собака.

– Как ты? – Расул-бек резко спросил, резко отвернулся к окну и закончил: – Раз ты собака, то жрать будешь объедки, на большее не рассчитывай.

* * *

Аулов, поселений и городков на севере Шамильского улуса хватало даже сейчас, после Катастрофы. Здесь находились столица, переполненная хоть и обветшалыми, но еще крепкими домами, и губернаторский округ, дворец которого с достоинством пережил тяготы последнего времени. Другими словами: было где пожить, но Расул-бек удивил. В столицу он наведывался изредка – самолично вершить суд и собирать с купцов дань. В дворцовом округе появлялся только для того, чтобы поохотиться в заповеднике. А штаб-квартиру устроил в расположении дивизии имени Басаева – своего главного военного кулака. И главного военного кулака всех наследных демократических губернаторов Шамильского улуса.

Незадолго до Катастрофы, словно предчувствуя надвигающиеся проблемы и мечтая сделать племяннику приятное, Адам VI реконструировал городок, превратив его в настоящую крепость, которая до сих пор не растеряла оборонительных достоинств. Мощная стена, доты и пулеметные вышки, укрепленные здания, вкопанные в землю склады и ангары для техники, глубокие бункеры… Басаевку строили спецы из Анклава Москва, и она могла выдержать серьезную осаду.

– Расул!

Молодой женщине, вышедшей из дверей штаба, было не больше двадцати пяти, и выглядела она так, словно только что закончила процедуры в настоящем, еще до Катастрофы созданном и до сих пор действующем СПА-салоне. Высокая эффектная брюнетка восточного типа, с широкими скулами и чуть раскосыми глазами, она обладала великолепной фигурой, на которую с вожделением пялились все окружающие мужики, и властными манерами, достойными принцессы крови. Или фаворитки главы улуса.

– Расул, я соскучилась!

– Меня не было всего два дня.

– А показалось – два года. – Девушка картинно прильнула к плечу шамильского хозяина. – Мне плохо без тебя. Я слабею.

Бергеру поведение девицы показалось фальшивым, но Расул-бек, очевидно, принимал ее слова за чистую монету. Он уверенно обнял красавицу, жадно ответил на поцелуй и лишь после этого крутанул головой в сторону пленника:

– Хочу, чтобы ты о нем сказала.

Девица обернулась, бросила на Федора легкий взгляд, стала поворачиваться к Расулу, но замерла, словно разглядев на израненном лице пленника что-то важное, напряглась, и ее взгляд стал тяжко-пристальным. На секунду. На одно мгновение.

И оно, это самое мгновение, ускользнуло от этнографа.

А в следующий миг красавица рассмеялась:

– Почему ты волнуешься, Расул? Он не выглядит опасным.

– Он странный, – объяснил шамильский хозяин. – Собирает сказки.

– В наше время?

– Ага.

– Интересно… – Девушка, оставаясь в объятиях Расула, поманила пленника пальцем. – Иди сюда. – Бергер сделал шаг и замер, только теперь почувствовав силу черного взгляда красавицы. – Меня зовут Тара.

* * *

Завтракал Расул-бек обычно «на ходу», торопливо запивая бутерброды горячим кофе: зерна купцы стали привозить из Анклава Москва примерно год назад, наглядно показав, что хоть где-то на этой раздолбанной планете жизнь вернулась в нормальное русло. Расул же, за три года озверевший от эрзац-пойла, готов был платить за настоящий кофе любые деньги. И платил.

Обедал хозяин Шамильского улуса в дороге или на инспектируемом объекте, а потому главным приемом пищи почитал ужин, поскольку только вечером мог насладиться едой, не торопясь, под размеренные разговоры с соратниками, и в очередной раз прощупать этих самых соратников, оценить их поведение и уровень демонстрируемой лести.

– Чем занимается? – переспросил Мирза.

– Сказки собирает…

Громыхнуло веселое ржание.

– Прости меня, бек, – попросил Мирза, утирая выступившие слезы. – Просто давно я таких шуток не слышал.

– Я тоже смеялся, – скупо кивнул Расул.

– В женском ходит? – осведомился Сулейман.

– На что люди себя тратят, – покачал головой умный Абдурахман. – Сказки!

– Да какие они люди? – скривился Мирза. – Собаки, свиноеды…

– Трусы, – поддержал друга Аслан. – Защитить себя не могут, псы.

Еще вчера Расул-бек не обратил бы на эти слова внимания, но оброненная Химиком фраза превратила замечание Аслана в тупое бахвальство. Он мог себя защитить, мог напасть и с удовольствием нападал, но что толку?

– Ты нашел технарей? – резко спросил шамильский хозяин. – В столице уже три фабрики стоят.

– Их не искать, их пороть надо, – развязно отмахнулся Аслан, не сообразивший, что над его головой сгущаются тучи. – Я сегодня троих запорол за то, что не починили.

– И из них полезла жратва?

За столом стало тихо.

Ни один отец не хочет своему ребенку плохого, не заставит чадо возиться с отверткой, зная, что богатым и сильным его сделает кинжал. Да и на какое уважение может рассчитывать слесарь, инженер или механик в мире вооруженных автоматами воинов? Живы, и ладно. Губернаторы, надо отдать должное, необходимость в технарях понимали, платили нормальные деньги, селили отдельно, под охраной, запрещали грабить их дома и насиловать женщин. Молодую поросль этот запрет выводил из себя. Подрастающие волчата тупо не понимали, почему нельзя убить попавшего под горячую руку свиноеда, и после смерти Адама залили районы технарей кровью. Инстинкты, что делать…

В результате половина техники оказалась поломанной, инженеров и слесарей приходилось покупать или воровать, а сам шамильский хозяин до сих пор благодарил Аллаха за то, что тот надоумил его отстоять поселок ядерщиков: без опытного персонала станция, обеспечивающая улус электричеством, встала бы или взорвалась.

– Аслан, – тихо произнес Расул-бек, – я велел тебе решить проблему.

– Мне их всех запороть? – не понял джигит.

– Тебе, урод, нужно найти технарей! – взорвался хозяин. – А не убивать тех, кто есть! Ты понял?!

Аслан побледнел. То ли от страха, то ли от злобы.

– Не сумеешь починить фабрики за три дня – я тебя самого запорю!

– Где я возьму технарей?!

– Где хочешь! – отрезал Расул-бек. И тут же, не давая джигиту сказать что-нибудь еще, громко распорядился: – Сказочника сюда!

За столом послышались осторожные смешки. Бандиты поняли, что на этот раз гроза коснулась только Аслана, и расслабились.

– Что я сказал?

– Я здесь. – Бергер, которого грубо втолкнули в комнату, потер плечо и вздохнул: – Что?

– Наглый, – оценил Мирза.

– Наглая собака, – поправил приятеля Сулейман.

– Московский ублюдок, – подытожил Абдурахман.

Аслан промолчал.

Шамильцы не чуяли страха, не видели в глазах этого сказочника покорности и тупой обреченности, характерной для туземцев, и потому бесились. А еще их выводила из себя мысль, что человек из Анклава олицетворял другой мир. Настолько другой, что оставался за пределом их понимания.

– Жрать хочешь? – осведомился Расул-бек, вертя в руках частично обглоданную баранью кость.

– Поел бы, – не стал скрывать Федор.

– Объедки нужно заслужить, – хрюкнул шамильский хозяин и бросил кость собаке. Подручные вновь заржали. – Расскажи мне сказку.

– Страшную? – нахально поинтересовался Бергер.

– Дай, я его резать стану, – взбрыкнул Аслан, которому срочно требовалось выслужиться.

– Не мешай, – распорядился Расул-бек. И с ухмылкой осведомился у пленника: – Для кого твоя сказка страшная?

– Для дураков.

– Тогда рассказывай, я посмеюсь.

– Не сомневался в твоей храбрости.

– Бек!

Теперь не выдержал Сулейман, не понравился командиру дивизии Шариатского надзора самоуверенный тон этнографа, и в возгласе звучало: «Накажи его!» Но Расул только улыбнулся, сделал мягкий жест рукой, мол, пусть резвится, и подручные поняли, что жить наглому москвичу осталось ровно столько, сколько будет звучать его «страшная» сказка.

– О чем вы хотите сказку? – спросил Бергер, разглядывая жующих боевиков.

– О Мертвом!

– О девке той… Пэт!

– О других мирах!

– Я собираю истории о Земле.

– Расскажи о Дне Беды!

– Мертвый построил Станцию! – подал голос Абдурахман. – Все знают, что это он взорвал планету.

– Взорвал? Разве у него получилось?

Но тонкое замечание не нашло благодарных слушателей.

– У меня братья в Урусе жили, они говорили, что Мертвый обычный человек, – припомнил Сулейман. – Только злой очень.

– Мертвый не прост, сука, – добавил Мирза.

– Пусть говорит сказочник, – недовольно распорядился Расул-бек. И добавил: – О Дне Беды.

– Спасибо. – Бергер потер ладони. – Так вот, друзья мои, для нашего вечера я выбрал предание о Страшном Событии, родиной которого считается Архангельск.

– Это где? – растерялся Сулейман. География никогда не была его коньком.

– Далеко, – протянул Абдурахман, в голове которого отыскались смутные воспоминания о расположении российских улусов. И тут же последовал удивленный вопрос: – Ты там был?

– Я собираю сказания уже два с половиной года, – с гордостью поведал этнограф.

– Как же ты туда добрался?

– Так же, как сюда: меня доставляют в нужные улусы вертолетчики «Науком» или московский СБА. – В комнате стало тихо. Федор хладнокровно посмотрел на Расул-бека: – Ты по-прежнему не хочешь усадить меня за стол и накормить, как гостя?

– Нет, – буркнул шамильский хозяин. Он не мог себе позволить потерять лицо. – Не хочу.

– В таком случае – сказка. – Бергер обаятельно улыбнулся.

* * *

– «Тигрица», это «Тигрята». Десять минут до цели. Запрашиваю подтверждение приказа и перехожу в режим радиомолчания.

«Тигрята» – звено ударных вертолетов «Неясыть» – шли в пяти минутах от десантной группы и должны были начать демонстрацию того, что в Шамильский улус пришла новая сила. Уничтожать Расула пока не требовалось: тактика московский СБА предполагала сохранение в определенной под захват территории

центральной власти до тех пор, пока на границе не встанут пехотные части; однако урок приказали преподнести серьезный, чтобы неповадно было трогать гостей.

– Говорит «Тигрица», – негромко произнес полковник Шишкин. – Приказ подтверждаю.

– Вас понял, «Тигрица». Режим радиомолчания.

В одичавшем Шамильском улусе режим радиомолчания казался ненужной перестраховкой, однако офицеры московский СБА не привыкли отступать от протокола проведения боевых операций. Раз сказано – режим радиомолчания непосредственно перед ударом – значит, будет режим радиомолчания. Точка.

Закончив разговор – до следующего сеанса связи оставалось десять минут, – Шишкин выбрался из стоящего за спинами пилотов кресла, прошел в десантный отсек и замер, с удовольствием разглядывая три десятка закованных в «саранчу» безов. Даже двадцать лет службы в боевых подразделениях СБА не изменили его восторженного, совсем мальчишеского отношения к индивидуальным боевым комплектам – современным доспехам современных рыцарей.

Три десятка в машине, всего «толстяков» три, так что на помощь застрявшему у шамильских разбойников этнографу торопилась почти сотня бойцов – огромная сила.

– Главный объект: Федор Бергер, – в очередной и последний раз повторил Шишкин, разглядывая замерших парней. Забрала подняты, так что видны лица, спокойные физиономии московских безов. – Его жизнь – приоритет номер один. Вопросы?

Вопросов, так же, как после предыдущего инструктажа, не возникло. Девяносто парней таращились на фотографию ученого, которую Шишкин принудительно засадил на их наноэкраны, и молчали. Девяносто офицеров – солдатские должности в осназе СБА отсутствовали, – способные взять под контроль средних размеров город. Кое-кто из молодых, возможно, удивился тому, что на спасение «какого-то очкарика» Оперативный штаб «Юг» бросил усиленную мобильную группу, но удивление это проходило под грифом «от скуки»: сомневаться в приказах начальства в московской СБА принято не было.

– Шесть минут до цели, – произнес Шишкин. – Командирам подразделений повторить с подчиненными боевые задачи.

Операцию расписали посекундно, каждый боец знал, куда должен бежать и кого убивать, но, по мнению Шишкина, лишний инструктаж еще никому не вредил.

На глазных наноэкранах возникло изображение Басаевки с указанием всех огневых точек и местонахождением вооруженных людей: съемка в режиме реального времени велась со спутников

«Науком», а обсчитывал информацию и отправлял ее в балалайки осназовцев путешествующий во втором «толстяке» тактический компьютер. Московская СБА оставалась единственной на Земле организацией, чья оснащенность после Катастрофы не только не пострадала, но даже выросла.

– Пять минут!

* * *

– Двадцать! – выкрикнул Абдурахман. – Двадцать минут!

– Нет, – покачал головой Бергер.

– Пять!

– Нет.

– Десять!

Гадать азартные шамильцы могли до бесконечности, поэтому Федор пресек выступления достаточно рано:

– В действительности Катастрофа длилась двенадцать с половиной секунд. Именно столько времени существовало энергетическое копье.

– Которое Мертвый воткнул всем в задницу, – пробубнил Сулейман.

– Копье подняло из Энергоблока прямое попадание крылатой ракеты, – предъявил официальную версию этнограф.

– Люди говорят другое, – уперся Сулейман.

– Люди искренне верят, что доктор Кауфман – могущественный колдун и видит все, происходящее на Земле, – рассмеялся Бергер. В последние несколько минут его настроение значительно улучшилось, а в голосе стали чаще проскакивать нахальные нотки.

– Мы – не верим, – веско бросил Расул-бек.

Шамильский хозяин рассчитывал, что этнограф заткнется, но тот лишь покачал головой:

– Напрасно. – И склонил голову, словно к чему-то прислушиваясь. – В далеких деревнях верят, что доктору Кауфману служат драконы. Они изрыгают огонь…

– Вертолеты! – заорал сообразивший, что происходит, Расул-бек. – Эти сволочи прислали вертолеты!

А еще через секунду на территории крепости взорвалась первая ракета.

* * *

Силовые установки новейших вертолетов «Науком» работали на плазменных преобразователях, что обеспечивало невероятную мощь и, как следствие, большую грузоподъемность.

Каждая «Неясыть» тащила к цели по двадцать управляемых ракет класса «воздух – земля», сорок неуправляемых, две скорострельные пушки с чудовищно большим боекомплектом и шестиствольный пулемет в качестве «вишенки». И все это «богатство» – под защитой надежнейшей брони. Звено ударных вертолетов за три минуты стирало в пыль средних размеров поселок, и Басаевка уцелела только потому, что Оперативный штаб требовал демонстрации силы, а не уничтожения шамильской власти.

Однако разрушения получились серьезными. «Неясыти» отработали по северной части крепости, накрыли склады, ангары с техникой и западное крыло штаба. Затем добавили из пулеметов, не позволяя выскочившим из казарм солдатам прийти на помощь главарю, по-хозяйски зависли над центром и пустили через громкоговорители издевательскую запись:

– Внимание! В районе проходит полицейская операция! Жителям предлагается соблюдать спокойствие и не препятствовать работе СБА! Будьте осторожны: во время операции наши сотрудники имеют право стрелять без предупреждения! Мы не гарантируем безопасность тем, кто будет сопротивляться!

Это был «фирменный» знак москвичей, их послание, текст которого был утвержден задолго до Катастрофы.

– Внимание! В районе проходит полицейская операция…

На севере Басаевки продолжали взрываться склады с боеприпасами и горели мобили. Растерянные солдаты расползлись по убежищам и ждали приказов. Голос из громкоговорителей продолжал убеждать «жителей» не вмешиваться в полицейскую операцию, а из подоспевших «толстяков» посыпались безы в «саранче».

Десант ознаменовал начало второго этапа операции.

* * *

– Сука!
– Я предупреждал, что меня нельзя трогать!
– Мочить свиноеда и мотать!
– Куда мотать?!
– Канализацией уйдем!
– Далеко?
– Дерьмо!

– Что делать?

– Сука!

Образцово-показательный, а главное – совершенно неожиданный налет поверг центральную шамильскую власть в состояние глубокой паники. Только что они сидели за столом с самим Расул-беком, не просто уважаемым и авторитетным человеком, но хозяином окрестных земель. Да и сами они – люди не из последних, привыкли чувствовать себя уверенно. Привыкли никого не бояться, творить все, что заблагорассудится, наводить ужас на безропотных и безоружных рабов и совершенно растерялись под огнем безов.

– Как тебя нашли?!

– У тебя же нет коммуникатора?!

– Маяк?!

– Надо было проверить голову, придурки, – скривился Федор. – У меня действующая «балалайка». Ребята видят все, что вижу я.

– Правда?

– Сука!

– Он во всем виноват!

– Не трогать! – Расул-бек в последний момент отбил руку Аслана, не позволив ему застрелить этнографа. Пистолетная пуля врезалась в стену.

– Все из-за него!

– И ты вознамерился его убить?

– А что?

Тупость молодого джигита настолько изумила Расул-бека, что он не находил ответа несколько секунд. А Бергер, несмотря на сложные обстоятельства, не сдержал улыбки.

– Свиноед! – Сулейман хлестнул этнографа по губам.

– Еще раз так сделаешь, и мои друзья тебе перед смертью пальцы отрежут, – громко произнес Федор, наградив шамильца злым взглядом: ему осточертели тычки.

За окном взорвалось. Аслан инстинктивно пригнулся. Мирза и Абдурахман синхронно выругались, а Сулейман сжал кулаки, не зная, как реагировать на дерзость москвича.

Еще два взрыва и автоматные очереди: безы совсем рядом.

– Если им нужен сказочник, мы его обменяем, – рассудительно произнес Расул-бек, вынимая из кобуры пистолет.

– На что? – удивился Мирза.

– На то, чтобы они отстали!

* * *

К чести шамильских солдат, они не сдались. Им было страшно: а кто бы не испугался, увидев над головой звено ударных вертолетов? Они потеряли управление: все лидеры улуса ужинали с Расул-беком и оказались отрезаны от подчиненных. Некоторые солдаты побежали, некоторые попробовали прорваться к хозяину и были отогнаны огнем «Неясытей», но в основном шамильцы решили драться и заняли оборону там, где застал налет: забаррикадировались в казармах, в ангарах, в госпитале… Каждое строение превратилось в импровизированную крепость, но штурмовать их москвичи не собирались, а потому в проявленной храбрости не было никакого смысла.

Два десятка безов направились к зданию офицерского клуба, а остальные ограничились «поддержанием оперативного контроля за ситуацией», не уничтожая солдат, но и не позволяя им вмешаться в происходящее. Осуществить подобное можно было лишь при условии подавляющего превосходства в оснащении, которое «Науком» обеспечивал своим солдатам.

– Кто главный?! – заорал Расул-бек, как щитом прикрываясь Федором. – Я хочу говорить с командиром! У меня ваш человек!

– Не стреляйте! – добавил Сулейман, рискнувший выйти вместе с хозяином. – Мы не хотим стрелять!

Далеко, однако, не отходили, застыли на пятачке у клуба и по очереди надрывались:

– Кто главный?!

– Не стреляйте!

– Кто…

И одновременно вздрогнули, увидев расплывающиеся в ночном сумраке фигуры. Два осназовца медленно подошли к шамильцам на десять шагов и остановились, демонстративно опустив стволы «мотыг». Впрочем, риска для них не было никакого: защиту «саранчи» пистолетной пулей не пробьешь.

Расул-бек ожидал вопроса, приказа, хоть какого-нибудь звука, одним словом, но безы молчали и тем еще больше нагнетали обстановку.

– Эй…

– Они не хотят тебя убивать, – негромко произнес этнограф.

– Что? – растерялся Сулейман.

– Они говорят с тобой… – понял Расул-бек. Со своим через «балалайку», не размениваясь на переговоры с шамильцем. И это обстоятельство делало положение Расула еще более унизительным. – Скажи им, что я хочу говорить с главным.

– А сплясать не хочешь? – презрительно осведомился Федор, не замечая приставленного к его виску пистолета. – Прямо сейчас тебя держат два снайпера. Так что прячь «дыродел» и поднимай

вверх лапы: война закончилась.

* * *

– Ты крутой, да? – заискивающе спросил Расул-бек. Именно заискивающе, хотя не был связан, избит или… Нет, напуган он все-таки был, и именно поэтому шамильский хозяин говорил с Бергером заискивающе, униженно, ничем не напоминая самого себя двухчасовой давности. – Я сразу понял, что ты крутой, но проверить хотел. Без обид, ладно? Положено проверять крутых. А ты – крутой…

– На вопрос отвечай, – хмуро велел Федор, которому давно осточертели и заискивание, и грубая лесть.

– На какой вопрос?

– Уже забыл?

В ответ раздался театрально-тяжкий вздох.

Допрос страдающего хозяина Шамильского улуса начался не сразу. Сначала остановили бойню: Расул-бек лично объявил своим, что «недоразумение с московской СБА» улажено и безы вскоре покинут гостеприимный улус. Успокоенные солдаты отправились тушить пожары, мрачно поглядывая на зависшие над базой «Неясыти»; их главарей вежливо попросили не покидать обеденный зал, а самого Расула доставили в его собственный кабинет, где на краешке письменного стола в свободной позе сидел Федор.

– Что ты знаешь о Химике?

Вопрос этнограф задавал уже в третий раз, но до сих пор шамильский хозяин уходил от ответа. Шишкин недовольно сопел, намекая, что следует нажать, но Бергер хладнокровия не терял и спокойно возвращался к интересующей теме.

– Что ты знаешь о Химике?

– Ничего, – сдался наконец Расул-бек. – До Катастрофы я в его сторону даже плюнуть побрезговал бы, но люди говорят, что ничего особенного за ним не замечали: работал, как все. Технарь вшивый, всегда и всего боящийся.

– Был директором Фабрики?

– Главным механиком, – уточнил Расул-бек. – Директором Исмаил-оглы Тырдыбердыев числился.

Чувствовалось, что говорить о Химике хозяину улуса не хочется, но он понимал, что неудовольствие полковника Шишкина вот-вот выльется в крупные лично для него, Расул-бека, неприятности, вот и «запел». Без охоты, но правдиво.

– Что изменилось после Катастрофы? Химик стал другим?

– Там все стало другим.

– То есть?

Расул-бек потер шею.

– Люди рассказывали, что после Дня Беды над Жрать двое суток разноцветные молнии полыхали.

– Молнии или всполохи?

– Небо цветным было, – поднапрягшись, выдал Расул. – И ночью, и днем.

– Чушь, – вставил Шишкин.

– Я сам не видел, от людей узнал: прямо над головами полыхало. А уж как именно, этого они не объясняли, дикари тупые.

– Что с людьми случилось? Почему они стали такими серыми?

Странный цвет кожи фабричных не давал Бергеру покоя.

– Не знаю, – признался Расул. – За кожу ничего не знаю, но люди другими стали – факт. Во-первых, те, кто в Жрать под молнии попал, домой ходить перестали, от семей отказались, живут теперь с Химиком. Во-вторых, другие такие же к ним пришли из ближайших деревень.

– Такие же серые?

– Да.

– Они откуда взялись?

– Люди говорят: молнии до нескольких поселков добивали. Оттуда потом и пришли.

– Так… – Федор потер переносицу. – Ты что обнаружил?

Шамильский хозяин прищурился, припоминая историю четырехлетней давности, и продолжил:

– Я в Жрать десятку Ахмада послал – не вернулся никто. Что за хреновина, думаю? Поехал сам. А Химик меня встречает у ворот как брата. Расул, кричит, ждал тебя, еще вчера ждал, пойдем, покажу чего, и за угол отводит. Нагло, да? Я его запороть хотел, но не успел: Химик из рукава бритву вынул и себя по щеке полоснул со всей дури. И ржет. – У Расул-бека заходили желваки, а пальцы его правой руки машинально прикоснулись к старому шраму. – А я смотрю: из меня кровь хлещет. Как у него.

– Что?!

– Полковник, не мешайте! – почти рявкнул подавшийся к Расулу Бергер. Но шамильский хозяин, и не думая реагировать на окрик Шишкина, продолжил рассказ:

– Химик рану зажал и тихо так говорит: «Все, что мне придет, и тебя не забудет». И рукой сделал, словно знак в воздухе начертил. Абдулла грохнуть его собрался, «дыродел» к башке приставил, курок взвел, а я смотрю: смеется заморыш, смеется,

кровь по морде размазывает и на меня смотрит. Пришлось мне Абдуллу кончать… Потому что никто о том колдовстве знать ничего не должен был. – Вот теперь Расул выдержал паузу. Помолчал, продолжая нервно поглаживать шрам, и лишь через полминуты добавил: – С тех пор мы с Химиком типа побратимы.

– Что находится в бойлерной? – осведомился Федор, поняв, что рассказ окончен.

Вопрос вызвал у шамильского хозяина ухмылку:

– Ты не только крутой, но еще и умный, да?

– Я книжки в детстве читал, – объяснил Бергер.

– Что делал?

– Не важно. Я видел, что в бойлерную идут провода от всех остальных зданий, но не слышал звука работающего генератора. И еще видел, что ты всегда стоял к бойлерной лицом, словно боялся чего-то. Так что отвечай на вопрос: что там?

Прозвучало грубовато, но деваться Расул-беку было некуда. Черные его глаза налились злобой, но ответил он спокойно:

– Сила.

– Какая?

– Если бы знал, давно бы от этого гада избавился, – с чувством ответил шамильский лидер.

Не только с чувством, но искренне, и Федор понял, что больше Расул ничего не знает: не по чину. И не по уму.

Пришлось возвращаться к простым темам:

– Почему ты не вернул Тару Химику?

– Откуда о Таре знаешь? – растерялся шамильский хозяин.

– Меньше нужно было болтать, – усмехнулся Бергер. – У меня в голове «балалайка» и куча имплантатов, я ваш с Химиком разговор не слышал, но ребята его вытянули, почистили и мне вернули. – Расул-беку оставалось лишь развести руками. – Так что с девчонкой?

– Она появилась у Химика два года назад. Говорят, откуда-то с юга пришла…

– То есть ты не узнавал?

– А зачем? – В голосе шамильского хозяина послышались исчезнувшие было наглые нотки. – Я ее трахаю, а не болтаю.

Возможно, он так и думал, однако Федор помнил пристальный взгляд Тары, помнил неподдельное беспокойство в голосе Химика и потому распорядился:

– Приведи ее.

Прозвучало предельно унизительно, Расул-бек дернулся, но отвечать на оскорбление не стал, молча поднялся и вышел. А Бергер спокойно повернулся к полковнику:

– Ударная группа и два «толстяка» могут возвращаться

домой. Мне нужен один вертолет и десяток безов на всякий случай.

– На случай? – встрепенулся Шишкин. – Идете на Фабрику?

– Но не собираюсь воевать, – сразу же уточнил Федор. – Там аномалия, а не бандиты.

Полковник потряс головой:

– Какая еще аномалия? Вы и впрямь поверили бредням Расула?

Для кадрового военного рассказ о чудесным образом появившемся шраме прозвучал на редкость неубедительно.

– Думаете, вас на мое спасение просто так бросили? – в голосе Бергера скользнула издевка. Однако долго мучить офицера Федор не стал. Тут же сменил тон на деловой: – Под словом «аномалия» подразумевается нечто необычное, неправильное, не такое, как всегда. Катастрофа изменила наш мир, полковник. Он и до нее был сложным, запутанным, а теперь слегка свихнулся. Доктор Кауфман говорит именно так: свихнулся. И я ему верю. Знаете, что такое «аномалия ноль»?

Шишкин вздрогнул. Слухи об этом сочетании среди военных ходили разные, иногда страшные, иногда таинственные, но доподлинно полковник знал одно: при обнаружении «аномалии ноль» оперативное командование немедленно переходит к яйцеголовым из настолько засекреченного отдела, что его как будто бы даже и не существовало в «Науком».

– Я должен получить инструкции…

– Вы уже их получили и знаете, что обязаны мне подчиняться.

Резкий переход не сбил Шишкина с толку. Он даже решил огрызнуться:

– Потому что так приказал начальник Оперативного штаба «Юг».

И скривился, демонстрируя, что в данном случае не очень-то согласен с мнением прямого руководства.

– На самом деле потому, что кафедра современной этнографии Московского университета изучает то, во что превратился наш мир после Дня Станции, – нравоучительно объяснил Бергер. – И я предполагаю, что Химик способен преподнести нам сюрприз. Ради таких вот Химиков наша кафедра и существует.

– Неужели?

– Поверьте мне, – весело предложил Федор. – Я два с лишним года таскаюсь по радиоактивной помойке, в которую превратилась наша планета, и наконец-то наткнулся на что-то стоящее. Я почти уверен, что мы имеем дело с «аномалией ноль», и не позволю вам все испортить.

– Можно? – Тара заглянула в кабинет осторожно, но без робости. Сверкнула глазами, улыбнулась, смело сделала два шага и замерла, подбоченясь и не сводя глаз с Бергера. – Расул сказал, что вы меня ищете?

– Расскажешь тайны Химика? – в лоб спросил этнограф.

– За пропуск в Анклав и деньги, – прищурилась в ответ девушка. – У тебя есть деньги?

– Деньги – не проблема, – махнул рукой Федор, – но что я получу взамен?

– Тебе будет интересно, – пообещала Тара, делая шаг навстречу. – Таких сказок, какие рассказывает Химик, ты еще не слышал.

Часть 2
Снова химик

– Не хочу ничего слушать, – отрезал Шишкин. – Один вы на Фабрику не пойдете.

– Я там уже был, – огрызнулся Бергер.

– И в результате пришлось вас выручать, – не сдавался полковник. – Существует протокол…

– Приоритетный протокол в СБА один: субординация. – Голос Федора стал жестким. – Поверьте, полковник, мне очень не нравится напоминать вам, но вы не оставляете мне иного выхода.

– Напоминать о чем? – прищурился Шишкин.

– Приказы здесь отдаю я.

Пару секунд этнограф и офицер буравили друг друга взглядами, но напоминание о полученной директиве сделало свое дело: полковник сдался.

– Вы сильно рискуете, Федор, – произнес он, отводя взгляд.

– Не более обыкновенного.

«Толстяк» приземлился примерно в километре от Фабрики, за небольшим лесом, подпирающим ее с запада. Бергер предлагал лететь к самым воротам, однако Шишкин убедил его проявить осторожность; а теперь навязывал в сопровождающие двух безов.

– Поверьте, полковник, я должен пойти один. Так надо.

– Мои ребята останутся у ворот.

– На опушке, – сделал последнее предложение Бергер. – Уверен, я смогу преодолеть двести метров без охраны.

– Если они дадут вам их преодолеть.

– Дадут. – Федор выпрыгнул из вертолета и потянулся. – Не волнуйтесь, полковник, Химик хочет со мной поговорить.

– Откуда вы знаете?

– Чувствую.

Ни рюкзака, ни оружия – даже захудалого пистолета не взял, – ни простенького бронежилета. Этнограф шел к загадочному Химику, как на университетский семинар, и Шишкин не мог не оценить его смелость.

– Чертов сорвиголова…

Проводив скрывшуюся в лесу троицу взглядом, полковник отправил формальный доклад в штаб, официально объявил привал, усмехнулся, глядя на снимающих ИБК безов, и неспешно прошел в дальний отсек, куда Бергер поместил Тару. Прошел, несмотря на строгий запрет этнографа, фактически – нарушив приказ. Однако у Шишкина была цель.

– Я хочу знать, как Фабрика охраняется.

– Зачем? – безразлично осведомилась пленница.

Лгать полковник не собирался:

– Я обязан предусмотреть любое развитие событий.

Перевод с военного: «Возможно, мне придется штурмовать объект»; и такая постановка вопроса девушку устраивала.

– Вы беспокоитесь о Федоре?

– Мне приказано его защищать.

У Тары вспыхнули глаза.

* * *

Массивные бетонные блоки, преграждающие путь к воротам, – серые, с торчащей арматурой и щербатые от пулевых отметин, блоки-ветераны, пережившие не одну атаку на Жрать; весомые стволы «молотков» из щелей двух дотов, походящие на вытянутые зрачки, опасные зрачки, убивающие всех, кого увидят; тишина и ощущение опасности… Все, как в прошлый раз, когда он так же, в одиночку, шел к воротам Фабрики, с той лишь разницей, что не на рассвете, а погожим днем. Вчерашним днем. Бесконечно теперь далеким.

И еще. Вчера его встретили уверенно, по-хозяйски, вчера его встретили люди, полностью контролирующие происходящее. Сегодня в выцветших глазах фабричного лидера пряталась настороженность. Несмотря на то что и тогда, и теперь этнограф появился у ворот один.

– Они все равно рядом, – вздохнул Химик, намекая на оставшихся в «толстяке» безов.

– Недостаточно рядом, чтобы спасти.

– Зато отомстят.

– Для этого их слишком мало.

– Прилетят другие.

Бергер усмехнулся.

Направляясь на Фабрику, он тщательно продумывал возможную модель поведения, выбрал схему «рассеянный ученый», но Химик, судя по всему, уже прознал о преподанном Расул-беку уроке, а значит, имело смысл вести себя по-другому.

И потому усмешка Бергера получилась жесткой.

– Да, прилетят. – И тут же надавил: – Ты меня ждал.

Химик в Шамильском улусе считался лошадкой темной и опасной, все знали о молчаливых и крепких мужиках, что слушаются его беспрекословно, о многочисленных стволах, защищающих Жрать, о том, что сам Расул-бек разговаривает с

ним как с равным. Все знали, и потому никто не рисковал давить на тщедушного хозяина Фабрики. А вот чужак рискнул. Но чужак этот пришел с севера, из Москвы, и Химику пришлось терпеть.

– Расул поведал о нашей маленькой тайне? – с улыбкой осведомился он.

И коснулся рукой старого шрама.

– Поведал, – не стал скрывать Бергер. – Но не удивил.

– Ты не только наблюдательный, но и опытный?

– Я знаю людей, которые могут больше.

– Например?

– Госпожа Патриция, да продлятся ее дни вечно.

– Что ты знаешь о вечности?

Вопрос Химик бросил не подумав, сгоряча, резко бросил, явно принижая Федора, однако этнограф не среагировал на неожиданный выпад, продолжая гнуть свою линию. Демонстрируя знаменитое московское упрямство.

– Сейчас не о вечности, а о том, что ты можешь больше. Не столько, сколько Госпожа, но больше, чем хочешь показать.

– Не боишься мне это говорить? – тихо спросил Химик.

– Чего мне бояться? – «удивился» в ответ Бергер.

– Ну хотя бы того, что десять минут назад три спутника «Науком», которые накрывали эту территорию, неожиданно сменили орбиту. И ты остался без связи.

– Теперь я точно знаю, что пришел куда нужно, – рассмеялся Федор. – Два с лишним года я рыскал по обломкам, изучая преобразившихся местных и беглых генавров, которых одичалые туземцы принимали за колдунов. А теперь сорвал джекпот.

– И что же ты выиграл? – тяжело спросил Химик. Очень тяжело, словно из камня вырезая каждое слово.

– Сказку.

– Сказки бывают страшными.

– Тем интереснее.

Глаза в глаза, слово против слова. Тщедушный Химик стал вдруг напоминать глыбу, окутал их своей аурой, словно в скалу закатал, но Федор не отступал. Понимал, что слабее, но не отступал.

И фабричный был вынужден признать:

– Патриция молодец… умеет подбирать людей. – Не позволил себя перебить, продолжил: – Так почему ты не боишься?

– Потому что теперь от тебя точно не отстанут.

– Но ведь ты будешь мертв.

– За меня расплатятся, ведь убив меня, ты нанесешь оскорбление Госпоже.

– А если я предложу Патриции нечто существенное? –

заинтересовался фабричный. – Что-нибудь такое, что заставит ее позабыть о твоей крови?

– Госпожу нельзя купить, – убежденно ответил Федор.

– Она не человек?

– Она была в Верхнем мире. Она говорила с богами, и боги позволили ей совершить задуманное. Отец моей Госпожи – тот, кто заставил отступить Смерть. Отец моей Госпожи – император, который может захватить Землю, но не хочет. Отец моей Госпожи видел души тысячелетних Традиций и тесал их, придавая им форму своего замысла. Чем, по-твоему, можно купить Патрицию, Химик?

Убежденность.

Убежденность, убежденность и еще раз убежденность. Фабричный разговаривал с Бергером второй раз, но видел этнографа разным: заинтересованным, избитым, осторожным, уверенным, но сейчас перед ним стоял человек предельно убежденный. Очень похожий на фанатика. Человек, считающий себя частью чего-то необыкновенно большого.

В этот раз они вели разговор вдали от административного корпуса, стояли у бойлерной, приземистого бетонного здания обыденно-потрепанного вида, однако взгляды, которые бросал Бергер на ее перекошенные двери, говорили сами за себя.

– Я хочу знать твои тайны.

– Сказка может оказаться страшной.

– Не повторяйся.

Продолжать спор не имело смысла. Химик распахнул двери, и Бергер вздрогнул, увидев за ними плотный оранжевый туман, в сердце которого широкие черные линии складывались в слово «Мир».

* * *

– Смерть, – убежденно повторила Тара, плотно удерживая зачарованного Шишкина в плену своего черного взгляда. – Химик беспощаден, как змея. Смерть – это все, что ему нужно.

– Так не бывает, – едва слышно пролепетал полковник.

Он уже не сопротивлялся девушке, а лишь пытался. Разум Шишкина продолжал инстинктивно противиться грубому вторжению, но изменить что-либо полковник уже не мог. Тихий разговор, на который не обращали никакого внимания отдыхающие безы, сковал несчастного крепче кандалов.

– Химик – сумасшедший.

– Химик – сумасшедший… – послушно повторил Шишкин.

– Химик хочет убивать.

– Химик хочет убивать.

– Химик убьет Бергера…

– Его нужно защитить, – «догадался» полковник.

– Немедленно!

«Глубокая» фаза вторжения завершилась, нужные идеи поселились в голове офицера, и Тара отпустила Шишкина в свободное плавание, знала, что никуда он с заданного фарватера не денется.

– А ведь я говорил, что не следует идти одному! Я предупреждал!

– Ты можешь все исправить.

– Без тебя знаю! – отмахнулся полковник, выскакивая из отсека. – Тревога!

Подскочившие безы недоуменно уставились на взвинченное руководство.

– Яйцеголовый вляпался! – громко объявил Шишкин. – Нужно выручать придурка!

* * *

– Так я остался совсем один. Меня не существовало, но я чувствовал. Потоки боли, омуты забытья, недоумение, страх – все проходило через меня, перетекало, пропитывало, исчезало и возвращалось вновь. Я знал, что умер, но реальность не отпускала. Тогда я испугался, счел себя уродом, но в следующий миг понял, что законы нарушены, мир изменился, а местами спятил. Я был жив, но я умер.

– Для трупа ты неплохо сохранился, – попытался сострить Бергер.

Этнографу показалось, что шутка будет уместной, однако Химику она не понравилась. Он исповедовался и относился к происходящему со всей серьезностью.

Выдержав паузу, он вытянул перед собой левую руку:

– Попробуй найти пульс.

– Это старая шутка.

– Мое сердце не бьется с тех самых пор, как рухнули законы.

– Изменились, – тут же уточнил Федор.

– Мы говорим об одном и том же.

– Госпожа сплела между собой несколько ветвей Древа. Это вмешательство не могло затронуть базовый принцип нашего мира.

– Какой?

– Все умирает, – провозгласил Бергер. – В этом суть Великого Колеса!

Прозвучало несколько пафосно, но с той искренней убежденностью, каковой подкупал этнограф. Громко прозвучало, ярко, и Химику оставалось лишь развести руками:

– А как быть с нами?

И на этот раз ему удалось удивить Федора.

– С вами? – растерялся этнограф. – Разве ты не один?

* * *

– Только разрывными!

– Они их не берут!

– Подствольники!

– В головы бейте!

– Гена! Генку накрыло!

Боевая операция началась в тот момент, когда осназовцы вышли из леса. Чуть раньше отрубило спутниковую связь, сеть легла, превратив «балалайки» в ненужный хлам, но на такую мелочь парни даже внимания не обратили. Заученно активизировали гарнитуры и ушли на радиоканал. А полковник подал последний из предварительных приказов:

– Действовать по плану.

Вот тогда-то и началась операция. И первые двести двадцать три секунды она действительно развивалась в соответствии с планом.

К Фабрике безы подошли быстро, но аккуратно, мастерски используя малейшие укрытия и складки местности. Знали, что их ждут, готовились к бою, к пулям и удивились, услышав холодный голос из замаскированных динамиков:

– Внимание, москва! Вход в Жрать запрещен! Отступите к лесу! Внимание, москва…

Однако предложение запоздало. На девяносто седьмой секунде операции, в тот самый миг, когда механический голос собрался повторить предупреждение, из-за деревьев вынырнул вертолет и поддержал пехоту пулеметом и скорострельной пушкой. Первые снаряды врезались в ближайшую огневую точку защитников, осназовцы, оставив осторожность, резко прибавили, полковник проорал нечто бессвязное, а Тара торжествующе захохотала.

– Западная пара! Не спать!

Сто четырнадцатая секунда.

«Толстяк» обрушил на пулеметное гнездо фабричных такой

шквал огня, что толстые бетонные стены истончались на глазах, превращаясь в ошметки бетонного ничто. В конце концов «молоток» заклинило, расчет разбежался, безы снесли из подствольников маленькую калитку и ворвались во двор Фабрики.

– Мы внутри!

– Поддерживаем Ряху и Кузьму!

К месту прорыва устремляются «северяне», и единственный резерв группы – пятая пара осназовцев. Но секунды утекают слишком быстро, и с каждой из них становится все тяжелее.

* * *

– Сначала приходили те, кто умер от всполохов.

– Из могил выкапывались? – скривился Бергер.

– Их не хоронили, – скупо ответил Химик.

– Боялись?

– Всполохи несли смерть, но не разложение, – объяснил фабричный. – Человек понимал, что умер, но продолжал жить так, как жил. Останавливался на несколько секунд, понимал, что умер, и… и шел на Фабрику. Потому что здесь наш дом.

– В бойлерной?

– Около нее. – Химик криво улыбнулся. – Сила не хотела нас убивать, она не понимала, что творит. Она только касалась нас, но при этом забирала самое главное. Суть нашу забирала. А вся механика продолжала работать. Еда не нужна, питье не нужно – все дает Сила. Мы живем, но мы не живем.

– Удивительно, – прошептал Федор.

Теперь он понял, что фабричный действительно знает о вечности гораздо больше него.

– И страшно, – добавил Химик.

– Потому что вы не живые?

– Потому что не можем умереть, – вздохнул серый мужчина. – Мы можем надолго потерять способность двигаться, но рано или поздно Сила нас восстановит. И это страшно.

– Я хочу ее видеть, – решительно произнес Бергер, которому надоело стоять в оранжевом тумане. – Где эпицентр Силы?

– Прямо здесь, – грустно улыбнулся Химик.

* * *

– Только разрывными!

– Они их не берут!

– Подствольники!

– В головы бейте!

Подствольники опустели, и две «мотыги» рассекают Фабрику потоками смертоносного свинца. Но пули берут местных на изумление плохо. Швыряют на землю, вырывают куски мяса, вышибают суставы, но здоровенные работяги снова поднимаются и прут вперед. Словно боли не чуют. Словно смерти не знают.

– Кузьма?!

– Только в головы!

Потому что иначе местных не остановить.

Разрывные пули летят чуть выше, выцеливают лбы и лица, но поздно, поздно, поздно… Фабричные решили остановить прорыв любой ценой и наваливаются на москвичей отовсюду. Перестрелка превращается в рукопашную.

– Мужики! Подсобите!!!

Приклад «мотыги» раздражает всех осназовцев без исключения. Приклад «мотыги» не складывается, постоянно откуда-то вылезает и дико мешает при десантировании. Но удар им получается увесистый, и Кузьма с Ряхой щедро молотят странных фабричных здоровяков, целя исключительно в серые головы. Разлетающиеся с отвратительным чваканьем.

– У них нет крови! Совсем нет! Какое-то дерьмо внутри!

– Какое дерьмо? – спрашивает бегущий на помощь Петелин.

– Придешь – понюхаешь!

– Отставить болтовню! – приказывает Шишкин.

Но ответить ему никто не успевает, потому что наступает двести двадцать третья секунда боевой операции, «толстяк» получает в бок неуправляемый тычок с земли, подскакивает, ужаленный, и резко идет вниз, перепахивая раскаленной броней окружающие Фабрику поля.

* * *

С горы открывался великолепный вид на прячущееся за горизонт солнце. Розовые облака медленно наливались кровяным красным, но это был единственный символ опасности. Нет! Какая еще опасность? Алое небо наводило на мысль о ярких красках самой Красоты, и никогда еще Федор не чувствовал себя более умиротворенным. Во всяком случае, никогда за последние четыре года.

Катастрофа не просто тряхнула Землю, натыкав радиоактивных помоек и превратив мегаполисы и анклавы в

огромные кладбища; Катастрофа переписала географию, обрушив часть материков в океан, а где-то, напротив, вздыбив из воды новые хребты и острова. Все поменяла, словно пытаясь переписать не только историю, но всю планету.

– Красота… – зачарованно протянул Бергер.

В задрипанной бойлерной, стоящей на окраине забытого богом российского улуса. Внутри неказистой бетонной коробки странная, непостижимая сила создавала по мысленному приказу Федора проекцию в чудо.

– Я могу туда уйти?

– Но не вернешься.

– Где я окажусь?

– Не знаю.

По лицу скользил легкий ветерок, ноздри щекотала растворенная в нем соль, а бирюзовая вода уже успела проникнуть внутрь ботинок. Они стояли на берегу моря. Настоящего и нет одновременно, на берегу материализовавшейся на несколько минут мечты. Двери в мечту. Они стояли там, откуда можно прыгнуть в Неизвестное.

– Здесь разрешено не все, но многое, – негромко произнес Химик. – Но только здесь, в бойлерной.

– Которая способна вырасти до размеров мира.

– Но она все равно останется бойлерной, – вздохнул фабричный. – Новый мир не выйдет за ее пределы. – И улыбнулся: – Понравилось?

– Не отвечу, пока не пойму.

– А если не поймешь?

– Мне не жалко времени. Я хочу разгадать. – Солнце почти скрылось, но красота продолжала щемить сердце, и Бергеру с огромным трудом удалось заставить себя вернуться к делам. – Мне показалось или я слышал взрыв?

– Твои друзья пытаются захватить Фабрику, – спокойно ответил Химик.

– Зачем?!

– Им приказала Тара.

– Девчонка Расула?

– Она не девчонка, – покачал головой фабричный лидер, – совсем не девчонка.

* * *

Жар.

Упругий поток расплавленного воздуха бьет в лицо. Горячая

броня, пламя ракеты, выхлоп гибнущих двигателей, готовящийся взорваться преобразователь – смесь раскаленных запахов обжигает резко, безжалостно, заставляет вскрикнуть и спасает жизнь. Смесь заставляет потерявшую контроль Тару отшатнуться, оступиться и вылететь из распахнутых десантных ворот за несколько мгновений до того, как обреченная машина входит в землю и следует второй взрыв: грохочет боекомплект. Остаются двигатели, но дожидаться их гибели девушка не собирается: кое-как поднимается, бежит к ограждению, и третья, последняя волна, так уж получилось, помогает – швыряет во двор и добрасывает почти до дверей вожделенной бойлерной.

– Я победила!

Теперь помешать ее замыслу мог только Химик, но девушка была уверена, что фабричный лидер занят штурмующими Жрать осназовцами.

«А когда ты опомнишься, будет уже поздно».

Тара смело шагает в оранжевый туман и широко улыбается крупной черной надписи: «ВЛАСТЬ».

* * *

– И зло, – вздохнул Химик. – В ней очень много зла.

– Почему ты с ней возишься?

– Разве недостаточно того, что она несчастный человек?

– Я слишком циничен, чтобы в это поверить.

– Плох не твой цинизм, а то, что ты им бравируешь. – Фабричный лидер выдержал короткую паузу. – Тара – очень сильный осколок одной из Традиций. Она умеет подчинять своей воле, но использует силу неправильно, потому что обижена на сломанную жизнь, на Катастрофу и на весь мир… Тара поражена злом и не изменилась, несмотря на все мои усилия.

– Ты ее пожалел?

– Гм… Возможно. – Химик пошевелил пальцами, подбирая нужное слово. Или же решая, следует ли рассказывать Федору правду. – Тара была первой из живых, кем заинтересовалась Сила. Они понравились друг другу, стали учиться понимать друг друга, но… – Еще один вздох, короткая пауза. – Я не мог допустить, чтобы к Силе прикасалось зло, и попытался сделать Тару добрее…

– Ты? – изумился Бергер.

Хотел посмеяться, хотел напомнить, что добряки не выживают, но вспомнил рассказ Тары и прикусил язык. Химик бескорыстно помогал людям, несколько раз получал в ответ зло,

но не ожесточился, не плюнул, решив, что «все они такие», продолжил помогать, оставляя себе минимум, нужный только на то, чтобы защищать Фабрику от нападений. Вот и получается, что из тех, кого до сих пор встречал Федор, Химик больше всех тянул на добряка.

– Ты слышал о прелатах Мутабор? – неожиданно спросил фабричный лидер.

– Смеешься? Конечно, слышал.

– «Концепция Добра – свеча во мраке». Это самый короткий постулат Милостивого Владыки, но прелаты, бывало, тратили годы на его постижение.

– Откуда ты знаешь?

– Мрака вокруг достаточно, – «не услышал» вопроса Химик. – И мрака внутри. Мир, кажется, соткан из тьмы, но что есть свечи? Поступки? Мы? В каждом ли из нас прячется огонь?

Наверху в очередной раз громыхнуло, и взрыв напомнил Федору, что во дворе Фабрики льется кровь. Ведомые чьим-то приказом осназовцы погибают, пытаясь его «спасти», и их смерть превращает «вечные вопросы» Химика в пафосный бред.

– В вертолете погибли все, – спокойно произнес фабричный лидер, глядя Бергеру в глаза. – Из десятерых пехотинцев живы семеро. Но им лучше уйти.

– Ты мог предотвратить бойню.

– Я запретил москве входить на Фабрику, – ровно ответил Химик. – Они умирают за то, что не послушались.

– А как же концепция Добра?

Химик вздрогнул, провел рукой по короткому ежику волос и признался:

– Я ее не постиг.

* * *

На пятьсот восемьдесят седьмой секунде боевой операции майор Петелин признал поражение.

Прорыв не получился: Кузьма и Ряха сгинули в рукопашной, даже «саранча» не помогла, поскольку защитников оказалось до безумия много. Одетые в одинаковые робы мужчины выскакивали отовсюду. Серые робы, серые лица, плотно сжатые рты и абсолютная, нереальная и непостижимая нечувствительность к боли, к пулям, нереальное презрение к смерти. Далеко не все они оказались вооружены: «дыроделами» и разномастными автоматами могли похвастаться не больше трети серых, остальные обходились ножами, дубинками и лопатами; но

фанатизм делал их страшными.

Кузьма и Ряха получили свое, легли во дворе, лишь обозначив прорыв; пришедшие на выручку врезали из «мотыг» и подствольников, проредили толпу, ухитрившись пробиться к телам, но, увидев, что серые сформировали новый вал, поспешили вернуться за стену. Там попали под огонь восстановленного «молотка» и потеряли еще одного бойца – с такой дистанции против снарядов пулемета «Молотов» даже «саранча» бессильна.

К этому времени погибло уже пятеро осназовцев, подствольники опустели, заканчивались патроны, и Петелин приказал отступать к лесу. Своих не оставили: каждый боец тащил на спине погибшего товарища, а потому отступали в рост. Быстро, но в рост.

И удивлялись тому, что защитники не стреляют вслед.

* * *

Удивление?

Разве способно это легковесное слово передать царящий в душе сумбур? Радостное головокружение, оглушительные фанфары, легкий страх – а вдруг все это сон? – гордость за себя, перспективы, возможности…

«ВЛАСТЬ!»

Стены бойлерной сочились трепещущей силой, неведомой, но впечатляюще мощной. А главное – восхитительно дружелюбной, покладистой, ждущей, чтобы крепкая рука уверенно слепила из нее…

«ВЛАСТЬ!»

В шаге. В миллиметре. В одном движении. В одном желании. Скажи: «Хочу» – и достаточно. Законы мира ничего не значат, законы подчиняются Силе, а Сила жадно дышит со всех сторон, прислушиваясь к эмоциям возбужденной девушки. Сила шепчет: «У тебя получится». Сила обещает: «Я знаю как». Сила пишет на оранжевых стенах: «ВЛАСТЬ!»…

– Еще нет.

– Проклятье!

Химик появился вдруг – была у него такая особенность. Возник, как сплетенный дрожанием Силы, невысокий, но страшный, опасный… Однако облик отчего-то принял расстроенный. Жалобный, словно Тара сделала нечто неожиданное и совершенно невообразимое. Нечто такое, что разбило ему сердце.

– Свеча во мраке, – тихо сказал Химик, и его серое лицо стало совсем тусклым.

– Что? – растерялась девушка. Она ждала окрика, ругани, угроз, но уж никак не шелеста печальных слов.

– Я надеялся, что зажег огонек.

«Он рехнулся?»

Химика часто называли сумасшедшим, в основном, естественно, за бесплатную раздачу еды. Тара знала, что за слухами ничего не стоит: в голове фабричного лидера, безусловно, жили тараканы, но на ясность его суждений они влияния не оказывали. Однако сейчас девушка видела перед собой совсем другого Химика: растерянного, подавленного, жалкого, и непонятный его лепет навел Тару на очевидную мысль.

«Он, наконец, спятил?»

Вот почему Сила столь дружелюбна: она чувствует новую хозяйку!

«ВЛАСТЬ!»

– Я помню тебя напуганной, – продолжил фабричный лидер, – озлобленной и напуганной. Я надеялся срезать шелуху зла, но почему-то сумел избавить тебя только от страха. Почему в тебе осталась злость?

– А почему ты спрашиваешь?

– Хочу разобраться, – объяснил Химик. – Я делал все, что ты хотела, я помогал тебе и учил поступать так же, но в тебе сохранилось зло. Я вижу только один ответ: я знаю концепцию, но не понимаю идею. – Пауза. – Что есть добро? Добро есть отзывчивость?

Молчание.

– Добро есть жалость?

– Что?

Он опустился на землю и вдруг оказался сидящим на мохнатом валуне, вросшем в почву рядом с толстым ясенем. Вокруг расстилалась обширная поляна, влажная зелень травы блестела под лучами яркого летнего солнца.

– Во мне нет жалости, – признался Химик, закрывая глаза. – Я помогаю только потому, что это правильно, ведь иначе они умрут. Я помогаю, но ничего не испытываю, а когда они умирают, мне не жаль. – Пауза. – Значит ли это, что во мне нет добра?

«Зато полным-полно безумия!»

– Я накормил тебя, защитил, дал красоту и здоровье, которые ты не растеряла даже вдали от Силы, но ты все равно преисполнена зла. Чего тебе не хватает?

– Мне надоело тебе подчиняться!

– Гордость есть зло? – принял новую тему Химик. – Любопытно… Однако никто не заставит меня поверить, что добро есть склоненная голова. Отсутствие гордости есть страх, а свеча должна гореть, даже если она одна.

– Я тебя ненавижу!

– За что? – удивился фабричный.

– За то, что ты сильнее!

– Значит, все-таки страх…

– Замолчи!

– Или что? – с едва уловимой издевкой осведомился Химик.

И дружелюбие податливой силы заставило Тару выкрикнуть:

– Или я тебя убью!

«Убью!», «Убью!», «Убью!» – эхом пробежало над поляной злое обещание.

На мгновение у Химика опустились уголки губ, но уже в следующий миг он выдавил из себя улыбку и напомнил:

– Я уже умер. Я умер за тебя и всех, кто жив. Я умер, чтобы умерли те, кто стал мертв в тот день и много позже. Я умер и тем погубил бессчетные жизни, но дал надежду остальным… Я добрый? Или злой?

Ответом стала тишина.

– Какой я?

И девушка вздрогнула, увидев сочащиеся из закрытых глаз слезы.

– Почему смерть обходит меня стороной? Испугалась того, что я натворил? Не справилась с миллионами душ, которые я ей отправил? Или она меня презирает?

– Ты хочешь умереть? – Тара кашлянула, прочищая горло, и закончила уверенно: – Я могу помочь.

И в кулаке ее, подчиняясь воле и желанию, сформировался туманный шарик, переполненный невиданной энергией.

– Ты знаешь, что не можешь.

– Сила со мной, – уверенно произнесла девушка, чувствуя сладкое покалывание энергетических иголочек шара. – Она выбрала живое.

– Она выбирает по другим критериям.

– По каким?

– «За огонек во мраке можно простить все», – процитировал Химик. – Это следующий постулат Милостивого Владыки, но смысл его доступен лишь тем, кто постиг предыдущий.

– Просто поверь, – предложила Тара, медленно приближаясь к сидящему на валуне лидеру.

– Я устал верить, – ответил тот. – Я хочу разобраться.

– В чем?

Она боялась бросать туманный шарик издали, опасалась подвоха и решила подступить как можно ближе. На три или два метра. Решила не рисковать.

– Я не умер, – объяснил Химик.

Девушка сделала шаг.

– И это не просто так. Меня оставили зачем-то. Возможно, что-то исправить… Или понять…

– Ты уверен?

Еще один шаг.

– Пожалей меня, – попросил Химик.

– Что? – растерялась Тара.

– Пожалей меня, – повторил серый. – Пожалуйста. Мне очень тяжело.

– Я могу все это остановить, – пообещала опомнившаяся девушка.

Третий шаг. Пора. Сила бурлит.

– Не тебе решать.

Туманный шарик взвивается в воздух.

И повисает.

Химик распахивает глаза.

А в следующий миг Тара понимает две вещи. Первое: таких глаз, как сейчас у Химика – огромных, втрое больше обыкновенного и пронзительно алых, словно пылающая огнем кровь, – ей еще не доводилось видеть. Второе: Сила отнюдь не дружелюбна.

– Нет… – шепчет девушка.

И падает во тьму, порожденную дьявольскими глазами Химика.

И слышит сквозь гудение смерти заданный ровным тоном вопрос:

«Какой я?»

* * *

– Доложите обстановку!

– Вертушка сгорела, мы заняли позицию на опушке леса, – устало ответил Петелин. – Требуется эвакуация.

– Сколько вас?

– Пятеро. – Короткая пауза. – И пять тел.

– Где полковник Шишкин?

– Погиб.

– Бергер?

– До сих пор на Фабрике.

– Кто приказал начать операцию?

– Шишкин.

На той стороне негромко выругались, после чего чуть тише добавили:

– Продержитесь два часа, помощь идет.

– К ним тоже, – угрюмо заметил капитан Тихонов, кивая на дорогу. – Укрепляются.

Петелин резко обернулся, рассчитывая увидеть вооруженный конвой, а разглядел лишь четыре телеги, медленно приближающиеся к бетонным преградам. К квадратным глыбам, щербатым от пуль, что грызли их несколько минут назад; выпачканным брызгами крови; теплым от взрывов гранат. У третьего блока слева срубило Сокола, там осталась его «мотыга». Но сидящие в телегах люди ничего об этом не знали. И не факт, что открывающие ворота серые им об этом расскажут.

– Это не подмога, – угрюмо произнес Петелин. – Они приехали за едой.

Жизнь продолжалась.

* * *

– Тара думала, что все поняла, поскольку мыслила кубиками, готовыми формами, – медленно произнес Химик, глядя на вышедшего из-за ясеня Бергера. Глаза фабричного стали обыкновенными чуть раньше, когда порожденная ими тьма доглодала девушку. – Тара мыслила так, как требует от вас мозг. Ты ведь знаешь, что мозг – большой лентяй, не так ли?

– Читал об этом.

Расправа не произвела на Бергера особенного впечатления: он знал, что Химик сильнее Тары; но вот философских высказываний не ожидал.

– Поэтому Милостивый Владыка запрещает записывать постулаты: заставляет тренировать мозг, не позволяет успокоиться.

– Чего не поняла Тара?

– То, что я – это место; это место – я. Все, что ты видишь вокруг, – это мир, создавший меня из себя, ибо в нем было слишком много меня. Мы уткнулись в ничто, извернулись, сплелись, напитались, стали сильными, но оказались втиснутыми в бойлерную. Я создатель этого мира, его господин и раб. Я все и никто, но не понимаю: какой я?

– Ты можешь говорить по-русски?

– Ты не удивился, – медленно произнес Химик. – Я показал

тебе место Силы, показал часть ее возможностей, упомянул Владыку… Тебе было интересно, безумно интересно, но ты не удивился. – Пауза. Жесткий взгляд впивается в Федора. – Я не один!

Конечно, нет.

Этнограф потер виски, после чего ответил Химику не менее жестким взглядом:

– Мы прогнозируем существование восьми Точек Отражения.

– Что это такое?

– Они же «аномалия ноль», – добавил Бергер.

– Что это?

– Восемь Врат – восемь зон. Энергии оказалось так много, что хватило не только на создание переходов в другие миры – часть ее вырвалась за пределы Станции и связала точку Земли…

Пауза. Очень долгая пауза.

– С чем? – не выдержал Химик.

– Мы не разобрались, – честно признался этнограф. – Энергетический поток подвергся воздействию, должен был исчезнуть, развеяться, но вместо этого возникли замкнутые, переполненные энергией лакуны, внутри которых нарушены все возможные законы мироздания. Точнее, не нарушены, но поставлены в зависимость от желания… Гм… От желания тех, кто управляет…

И снова пауза. На этот раз еще длиннее, однако на этот раз фабричный не ждал продолжения. Он его знал.

– В каждой Точке живут мои братья.

– Восемь Врат в другие миры, восемь Точек Отражения, восемь прелатов, – угрюмо подтвердил Бергер. – Точнее…

– То, что от нас осталось, – не менее мрачно закончил Химик. И криво улыбнулся: – Я знаю, что мертв.

– А некоторые не знают. Или мстят за то, что мертвы. Или за то, что принесли себя в жертву. Некоторые…

– Замолчи!

– Некоторые потеряли веру и несут зло, – закончил Бергер. – Извини, Химик, но далеко не все твои братья пытаются осмыслить самый короткий постулат Владыки.

– Что ты еще знаешь о нас? – посопев, осведомился фабричный лидер.

– Проявления в каждой аномалии разные, но в основе Точек лежит одна концепция, понять которую мы пока не в силах.

– Даже Патриция?

– Даже Госпожа, – подтвердил Федор. И тут же с гордостью добавил: – Но одну Точку мы уничтожили.

– За что?

– Превышен допустимый уровень агрессии.

– Не поняли, но убили, – вздохнул Химик.

– Главное, что у нас получилось. Точка несла слишком большую опасность, гибли люди.

– Не рассказывай мне о гибели, – попросил фабричный. – Ни мне, ни Патриции. Мы знаем об этом лучше тебя.

– Тогда расскажи, что ты теперь такое? – предложил Бергер.

– Ты ищешь не там, – качнул головой Химик. – Нужно узнавать не что я, а какой я? Какие мы? Ибо это даст ответ на вопрос: для чего мы? – Резкий взгляд и вопрос, будто удар хлыста: – Неужели не понял?

– Мы оба пытаемся постичь то, что лежит за гранью нашего понимания, – тихо и медленно ответил Федор.

– «Концепция Добра – свеча во мраке», – тихо произнес Химик. – Это единственный постулат Милостивого Владыки, который оказался не по зубам многим прелатам. А он улыбался и говорил, что нет ничего сложнее, чем разгонять мрак. – Пауза. – Я хочу постичь концепцию, которая ускользала от меня все эти годы. Я хочу узнать, смогу ли я стать тем, кем еще не понимаю? Сможет ли мертвая свеча гореть там, где отказываются полыхать живые?

– Я расскажу об этом Госпоже, – пообещал Федор.

– Спасибо, – улыбнулся Химик и повторил: – Спасибо.

Андрей Фролов
Облава

Июльский ливень, добрую половину ночи вымывавший жару с улиц анклава, стихал.

По бронированной крыше барабанило все реже. Жирные тучи, отцепившись от небоскребов, уплывали на восток. Прислушиваясь к прощальным аккордам стихии, Доминик Траоре мысленно возблагодарил Богородицу. Суетливым жестом начертил крестик на смолисто-черном лбу, вознес короткую молитву.

Выходить на работу под проливной отравой не хотелось, даже при наличии глухого шлема и плотного прорезиненного комбинезона. Умом Траоре понимал, что его опасения беспочвенны – радиоактивного йода-131 и других ядов за последние пару лет специалисты по бактобезу находили в осадках все меньше.

Однако сердцем француз трепетал – разговоры в казармах ходили такие, что волей-неволей задумаешься. Поверишь. И не захочешь соваться на улицы, когда с небес падают тонны воды, несущей болезни и отложенную во времени смерть…

Слева и справа щелкали магазины – товарищи завершали смотр оружия. Выбросив из головы и дождь, и радиацию, Доминик отстегнул магазин компактного «сарбакана», совместно разработанного «МосТехом» и «Ругером» лет за шесть до Инцидента. Проверил ход затвора, переключатель огня, надежность подключения тонкого шнурка, убегавшего под наплечник, и уже оттуда – в затылок, где гнездилась «балалайка».

Примкнув магазин, поставил винтовку на пол, зажав оружие коленями. Еще раз ощупал подсумки с запасными магазинами, застежку на кобуре с двадцатизарядным «зиг-зауэром». Провел ладонью по гирлянде светошумовых гранат на поясе.

– Готовность две минуты, беспозвоночные! – громыхнуло из кабины, оборудованной как центр управления операцией.

Кто-то хихикнул. Кто-то показал кабине неприличный жест. Уперев черный, с нежно-бежевой подушечкой мизинец в титапластовый наколенник, Доминик двинул курсор по глазному наноэкрану. Пробежался по боевым программам, оценил высокое качество подключения к отрядной сети и скорость развертывания тактических карт.

Прижав указательный палец к нижнему левому веку, осторожно выдвинул из-под него специальную линзу, заслоняя карюю роговицу кругляшом цвета расплавленного серебра.

Активировал тепловизорный режим окуляра, настроил трехкратное увеличение, переключился на фильтр обнаружения бесцветного газа. Настройками остался доволен. Поморгал, позволяя линзе сесть поудобнее, натянул перчатки.

Слева мягко щелкал затвором пистолета напарник Доминика – кучерявый Фазиль Джабир, два года назад переведенный из центрального филиала СБА за происшествие, в котором участвовали два «истинных арийца», нож и привлекательная стриптизерша.

Убедившись, что Джабир всецело поглощен инспекцией оружия, Траоре вынул из-за бронежилета образок Святого Мботы. Поцеловал украдкой, спрятал за горжет доспеха.

Потерять оберег Доминик не имел права, золоченая подвеска была одной из немногих вещей, оставшихся в наследство от матушки. А ведь именно чутью седовласой Мабинтоу Траоре он был обязан тем, что до сих пор топтал землю, в то время как миллионы грешников и праведников почти четыре года назад с одинаковой скоростью отправились к вратам Рая на суд Тринадцати Пантеонов…

Как матушка смогла почувствовать приближение катастрофы, Доминик так и не выяснил. Но когда погожим майским днем скрюченная артритом mammie Мабинтоу безапелляционно приказала покинуть Марсель и перевестись во франкфуртское отделение, искренне любящий сын послушался. Затем «мир содрогнулся», как любили писать бесталанные газетчики. Еще через полгода, уже в анклаве Франкфурт, матушка умерла от новой формы гриппа, кружившего по разрушенной Европе в черном вальсе…

Фазиль церемонию с целованием образка все же заметил. Наблюдательный гад, ему бы в дознании работать… Спрятал оружие в кобуру, с ухмылкой повернулся к напарнику. Правый глаз его лучился исконно немецкой синевой, левый блестел серебряным окуляром.

– Нервничаешь, бро?

– Вот еще, – как можно спокойнее ответствовал Траоре, лениво изгибая бровь. – Не впервой…

– Я тоже нервничаю. – Джабир понимающе кивнул. И добавил тише, чтобы не расслышал сержант Куру, сидящий еще левее: – Надеюсь, «шишки» смогли договориться с бандитами… Знаешь, бро, никогда не мечтал наткнуться на «ревуны», укрытые за баррикадами из мусора…

Доминик нахмурился, проведя рукой по грудине бронежилета, под которой холодил шоколадную кожу темно-желтый амулет. Волнения Траоре действительно не испытывал,

оперативная работа – дело привычное.

Однако и ледяным спокойствием переполняться тоже не спешил, невольно злясь на высоких боссов. Чтобы отыскать одного-единственного человека и не допустить потерь – как среди безов, так и среди мирного населения, – наиболее эффективной представлялась стратегия оцепления и просеивания.

Причина отказа от такого плана была предельно проста – у франкфуртского отделения СБА элементарно не хватало сил. Тут бы за постоянными беспорядками присматривать да производства верхолазов охранять, о какой полномасштабной операции может идти речь?

Внедрить в «Приют» агентов в гражданском, чтобы тихо вывести объект под прикрытие бронемашин? Да, такой подход, с точки зрения Доминика, был более оправдан. Но напоминал тактику Артура Скотта, на которого Траоре работал в марсельском филиале, нежели слабовольного и нерешительного Карла Мэнсона…

– Чтоб тебе пусто было, дурень, – покачал головой Доминик, поднимая руку и на ощупь снимая с крепежа на стене тактический шлем. – Язык без костей…

– Перестань, бро! – презрительно скривившись, отмахнулся Фазиль, тоже снимая со стойки шлем и скрывая темные кудри титапластовой броней. – Что за суеверия? Войдем, найдем, выйдем, делов-то?..

– А ну, рахитные, отставить разговоры!

По ребристому металлическому полу визгливо заголосили подошвы – лейтенант Ледоруб выбрался из командного пункта, вышагивая по фургону и злобно посматривая на подчиненных.

После перевода парни из второго взвода доверительно сообщили Доминику, что это – напускная злость. Что, дескать, своих бойцов Ледоруб любит, словно родных детей. Но проверять достоверность слуха не решался ни сам Траоре, ни кто-то иной. А коллеги из третьего звена любили упоминать, что ожесточение командира обусловлено происхождением. Тот, впрочем, от домыслов отмахивался с только ему присущей экспрессией.

– Я не русский, сколько можно повторять?! – узнавая о предмете обсуждения, рычал Ледоруб, сверкая холодными глазками. – Я москвич, неужели запомнить сложно, одноклеточные?! Еще раз услышу – заставлю неделю патрулировать Сумеречный Квартал!

Разговоры, впрочем, стихали при первом появлении лейтенанта, еще до того, как тот повышал голос. Вот и сейчас бойцы подтянулись, вздернули подбородки, а затем все шестеро уставились в точку перед собой, ожидая напутственного слова.

– Значит, так…

Ледоруб добрался до десантной аппарели в корме фургона. Резко развернулся на пятках, двинулся обратно. Места для прогулки офицера хватало – транспорт был рассчитан на перевозку двадцати оперативников, сейчас не загруженный и наполовину.

– Периметр рвем в трех местах, согласно инструкциям, – пробасил москвич, закладывая руки за спину. – Охрану убираем предельно тихо. Работаем парами, из запланированных секторов ответственности не вырываемся.

Он дошагал до узкой дверцы в командный центр. Включил панель коммуникатора над притолокой, начал тыкать в сенсорный экран крючковатым пальцем. Информацию, одновременно всплывающую на панели и глазных дисплеях отряда, комментировал неторопливо, старательно проговаривая фразы с забавным русским акцентом. Под крышей фургона грозно звенели согласные, сталкивающиеся на стыке слов.

– Цель и сопроводительная информация сброшена в ваши «балалайки». Там же обозначена тактическая задача. – Управляемые извне, в «балалайке» Доминика вскрылись сразу несколько окон с актуальными файлами. Ледоруб увеличил фото объекта, постучав по комму костяшками пальцев. – И помните, криворукие… если с этого парня упадет хоть один волосок, директор Мэнсон снимет мой лысый скальп. Но перед этим я возьму самый тупой нож в арсенале и с удовольствием проскальпирую виновников. Ясно?

Длинный бронированный грузовик СБА взорвался дружным ревом шести глоток. Еще дюжина бойцов, выслушивающих инструктаж на общем отрядном канале, вторили им через сеть, заставляя каждого беза чувствовать себя частью единого целого.

– Да, лейтенант Ледоруб! Так точно!

– Гражданских изолируем по норам, – продолжал тот, и Траоре точно знал, что при всей неторопливости офицер обязательно уложится в несколько оставшихся до высадки минут. – Если нужно, применяем нелетальное оружие. Бандитов чистим, но без фанатизма и лишних жертв. «Головастики» готовы?

Сети как таковой комплекс, конечно, не имел. Но хранил в своем вонючем брюхе немало тех, кто мог наладить собственную сеть наблюдения или систему сигнализации. А это означало, что без поддержки штатных машинистов не обойтись, с каким бы презрением лейтенант к лысоголовым выродкам ни относился…

Машинисты, курирующие операцию, подтвердили готовность. Прямолинейному москвичу они платили той же монетой, даже не

пытаясь имитировать приязнь или уважение.

Траоре почувствовал на себе взгляд напарника.

Он не понимал, каким образом Фазиль вообще сумел посмотреть направо, вместе с остальными изучая пространство перед собой. Но тот совершенно точно покосился на Доминика, словно намекая – «шишки» не договорились, бро, жди беды…

– Это все, дамы! – выключив коммуникатор, Ледоруб повернулся в салон. – Начать операцию, и не заставляйте меня повторять!

С места сорвались одновременно – Траоре и Ханзен, сидящие друг напротив друга ближе всего к аппарели. Та, вздрогнув, плавно и быстро опустилась в июльскую ночь, с легким скрежетом прижимаясь краем к мокрому асфальту.

Шестеро безов, облаченных в черные комбинезоны и темно-серую броню с эмблемами СБА, рысцой выскочили из фургона. Маркеры на карте сообщили, что два других отряда тоже покинули транспорты, колоннами по одному двинувшись к кварталу.

Доминик, подняв «сарбакан» и прильнув к прицелу, шел первым. За его спиной, положив одну руку на плечо напарника, семенил Фазиль.

Жилой массив «Райский приют страждущих» никоим образом не оправдывал пафосного названия. Комплекс разновысотных многоквартирных блоков, соединенных в единую квартальную систему, походил на бесформенную гору обломков, высыпанную на пустырь с огромной высоты. От падения часть секций конструктора покосилась, какие-то остались без рухнувших крыш или обвалившихся внешних стен.

Наиболее уцелевшую после Дня Станции часть муравейника его жители худо-бедно подлатали. С помощью мусорных баррикад, бетонных блоков, листов фанеры и жести они превратили несколько сотен тысяч квадратных метров трущоб в закрытую зону, ставшую домом самым низшим слоям общества. Территорией отщепенцев и изгоев, паразитирующих в системе мегаполиса.

Официально электричества «Райский приют» у анклава почти не требовал. Веерные отключения и пострадавшая в Инциденте сеть электроснабжения украли у «страждущих» последнюю надежду на размеренную цивилизованную жизнь. И тогда местные жители взялись за дело сами. Установили на крышах солнечные накопители. Возвели неустойчивые мачты ветряков. Протянули паутину нелегальных проводов, воруя электричество из магистралей, ведущих к более обеспеченным районам.

На раздачу, что неудивительно, встали бандиты.

Вот уже третий год группировка Стального Рольфа не только отвечала за распределение драгоценной энергии, позволяя муравьям раз в сутки включать микроволновки и водонагреватели. Она также стала нелегальной службой безопасности, взяв под крыло торговлю наркотиками, проституцию и азартные игры, процветавшие в недрах «Райского приюта». «Увальни» Стального Рольфа превратились в полицейских, судьей, налоговых инспекторов и службу санитарного контроля в одном лице.

Безы, так же, как в любых других анклавах мира, в личную кормушку бандитов лезть не спешили. Уличные патрули исправно получали условленную мзду, отшивая от квартала чужие бандформирования. Высшие офицеры время от времени проводили показательные рейды, причем списки отловленных и демонстративно наказуемых составлялись заблаговременно при учете интересов обеих сторон…

Людская цепочка быстро двигалась через переулок, приближаясь к границам «Приюта». На выходе из закоулка Доминик припал на колено, взяв вход в жилой комплекс на прицел. Под ногой плеснуло, он угодил в свежую лужу, брезгливо задумавшись о предстоящем карантине.

Джабир навис над плечом, коротко махнув снайперам. Сержант Куру и его напарник, вооруженные удлиненными винтовками, тут же сместились правее, занимая позиции.

Тепловизоры сообщали Траоре, что на входе в «Райский приют» дежурят двое. Они прогуливались за бетонными блоками, наваленными так, чтобы застопорить крупногабаритную технику, но оставить лазейку мотоциклу или юркому мобилю.

Черные силуэты «дрелей» перечеркивали светящиеся фигуры, не оставляя никаких сомнений о принадлежности и роде занятий мужчин. «Увальни» Рольфа, стерегущие ворота «райских кущ» от чужаков и залетных уголовников, курили и изнывали от влажной ночной духоты.

К северу и юго-востоку от нищего квартала снимать часовых готовились стрелки из второго и третьего отделений. Безов последнего, к зависти и подспудной тревоге Доминика, даже облачили в «саранчу». Почти фронтовую, со специальным маскировочным нанопокрытием, позволявшим регулировать окрас бронекостюма.

Конечно, если Фазиль прав и им предстоит встреча с «ревунами», от разрывных не спасет и ИБК. Но в тактической броне все равно спокойнее, чем в легких бронежилетах и титапластовых наручах-поножах…

– Огонь! – через сеть скомандовал Ледоруб, координирующий

действия групп в режиме реального времени.

Винтовки с усиленными стволами и увеличенной точностью огня щелкнули негромко и сдавленно. Этот звук всегда напоминал Траоре последний «тявк» задавленного мобилем щенка – короткий, жалкий.

Несмотря на то что сторожа Рольфа старались из-за бетонных блоков не высовываться, пули нашли свою цель, с интервалом в долю секунды раздробив головы «увальней». Стрелки южной и северной групп тут же отчитались об успехе.

– Вперед! – приказал Куру, первым двинувшись к опустевшим воротам.

Разбившись на пары – один впереди, второй в правом пеленге на шаг позади, – группа устремилась следом, внимательно осматривая пустой пятачок перед въездом в «Приют». Стояла половина четвертого, так называемый «час волка», безлюдный и наполненный тенями, не имеющими к живым никакого отношения…

Двигаясь колонной, змейка безов втянулась в ворота квартала.

Балкон, сооруженный из старых рекламных щитов, был пуст, как, впрочем, и обнаруженный под ним блиндаж. Переступив через убитых «увальней» – короткие пистолет-пулеметы, украденные с полицейских складов Европейского союза рации, на лицах и руках татуировки преступного клана, – отряд Куру проник в первый внутренний двор.

Рассыпались по периметру, бесшумные и невидимые. Осмотрелись.

Скелет «Райского приюта» его обитатели после Дня Станции восстанавливали как могли. Укрепляли треснувшие стены, монтировали переходные мостки там, где это было наиболее удобно и эффективно, собирали из обгоревших обломков ларьки и палатки, в которых днем торговали едой или нанимали на поденную работу.

Выглядело все примитивно, грубо, угловато, как построенный из одеял и стульев детский домик. Однако примитивизм этого «домика» казался обманчивым даже на первый взгляд – внутри «Приют» являлся настоящим лабиринтом, с многочисленными жилыми зонами, площадками для общих сборов, проездами для электрокаров и «элитными» апартаментами в наиболее уцелевших блоках.

Обитателей не наблюдалось.

Раздавался из открытых окон на четвертом этаже раскатистый богатырский храп, да пьяно спорили на шестом справа от входа.

Траоре повел плечами, словно вместо июля резко угодил в январь.

В Марселе он тоже бывал в рейдах на территории, где скрывались уголовники, беглые заключенные из султаната, торговцы поддельными «балалайками», наркопроизводители и серийные убийцы. Но сейчас, через несколько лет после всемирной катастрофы, очередной притон казался ему Адом на Земле, квинтэссенцией самого мерзкого, багряно-влажного, продажного и циничного, что может воплощать человек.

Он вдруг осознал, что группа Куру только что вошла в нарыв на теле Франкфурта, который стоило удалить, как давно сгнивший зуб…

Фазиль и Ханзен отделились от основного отряда, крепя на стены черные груши «радионянь». Если кому-то из местных приспичит по нужде и он выберется из своей вонючей берлоги, его «таблетка» начнет нестерпимо зудеть. Счастливчики, обладавшие персональными чипами, вступив в радиус охвата «няни», вместо зуда обнаружат несанкционированное звуковое сообщение, поступившее на «балалайку» от передатчика.

– Внимание, сохраняйте спокойствие! – прозвучит в их головах мягкий женский голос. – Вы находитесь в зоне проведения силовой операции местного отделения СБА. Не пытайтесь бежать или сопротивляться. Ложитесь на землю, деактивируйте личный чип, закройте голову руками и ожидайте появления наших сотрудников. Напоминаем, что любые активные действия, как то: резкие жесты, бег, выкрики, бросание предметов или любая демонстрация агрессии – будут расценены сотрудниками СБА как нападение.

Ледоруб негромко вещал на общем канале. Отдавал распоряжения, без которых сержанты вполне могли обойтись. Еще раз напоминал о высочайшей ценности искомого объекта. Не удержавшись, Доминик снова взглянул в лицо на фотографии.

Фас, анфас на фоне ростовой линейки. Худой белый мужчина, на вид лет сорок – сорок пять, но точнее не определить. Длинные светлые волосы, серые глаза, острый подбородок. Фото сделано в цюрихском отделении СБА, а сопроводительные титры гласили, что задержанный по имени Алпай ибн Хугель имеет два привода: за пособничество в изготовлении нелегальных препаратов и сопротивление представителю власти.

Цепь безов распалась на три пары.

Обогнули площадь, внося в трехмерную архитектурную программу чипов изменения, о которых «головастики» не могли знать. Новая лестница вдоль стены, достигающая аж девятого этажа. Три новых подвесных моста, один из которых имеет

раздвижной пролет. Полусобранный из листов пластика гараж на несколько машиномест. Муравейник жил, развивался, строил сам себя…

Посреди площадей и на широких проспектах, не прикрытых тентами, темнели свежие лужи. Пахло прогорклым жиром, паленой резиной и прорванной канализацией. Фазиль, чья рука все еще лежала на плече напарника, пристукнул по бронепластику, направляя Доминика в ближайший поворот.

Заглянули, повели стволами «сарбаканов».

Пусто.

На картах высветились «зоны ответственности» трех отрядов, которые предстояло прочесать. Тихо, по возможности без боя. Предполагаемое месторасположение ибн Хугеля вспыхнуло желтым маячком – центральная зона «Приюта», вероятность нахождения на верхних ярусах 13 %, средних – 46 %. Подвальные помещения – весомые 41 %.

Сквозь тонкие стенки жилых блоков ровным оранжево-красным спектром мерцали силуэты спящих. Доминик отметил их численность, повторно поразившись, как вообще можно жить в настолько грязной и людной коммуне. Словно вши, гнездящиеся в волосах. Словно крысы. Словно улей, полный немытых, ни на что не годных трутней…

Темнокожему безу было жалко этих людей. За их беспомощность, бесполезность, неудачливость и обреченность, с которой они доживали отведенный век, пытались воспитывать детей и добывать пропитание.

– Фазиль?

– Да, бро?

– А чего этот мужик вообще учудил? Ну, Алпай. Ты его приводы видел?

Двое безов медленно брели по левому флангу «зоны ответственности», поглядывая по сторонам, прикрывая остальных и не забывая развешивать передатчики с посланием о начале операции СБА.

– Да бес его знает… – Джабир резко развернулся, одарив проклятием мелькнувшую в прицеле кошку. – Если нас послали, значит, правдивы сплетни. Не станет Ледоруб три тактических звена в логово Рольфа посылать за мелкой сошкой. Просекаешь, бро?

– Тем более знать хочется… – Доминик говорил через «балалайку», трансформирующую тихие голосовые вибрации в членораздельную речь. – Может, он в «Мидгард» подался взрывчатку собирать? Найдем мы его, а у него в комнате шесть тонн напалстера…

– И кто там меня в мнительности обвинял? – Фазиль усмехнулся. – Кое-что слышал, врать не буду. Но за достоверность тоже не поручусь.

Пара продолжала движение, протоколируя численность обнаруженных тепловизорами объектов и стараясь не хрустеть мелким мусором под ногами. Куру дал сигнал остановиться. Замерли, спрятавшись в тени, окончательно растворившей черные силуэты в ночной мгле.

Дуэт Ханзена наткнулся на местных. Двоих бодрствующих. Не бандитов, к счастью, на обычное отребье. Несчастную парочку тут же скрутили, уронив в лужи, сцепили руки, залепили рты.

Группа двинулась дальше. Доминик отметил, что начинает светать.

– Что ты знаешь про синдин? – возобновляя прерванный разговор, поинтересовался Джабир на личном канале их боевой единицы.

– Спросил тоже! – фыркнул француз.

И тут же задумался.

Про наркотик, которым пользовались ломщики, было известно очень много. Книгу написать можно. И в то же время – ничего. Слухи, сплетни, донесения агентов СБА, сухие отчеты врачей, сетевые мифы.

Синдин – это некая отрава, раскрепощающая сознание машинистов до немыслимых пределов. Помогающая «головастикам» творить в виртуальности, достигать нирваны, сливаться с железками в экстазе. Вызывающая привыкание. Вызывающая смертельную болезнь у определенного процента наркозависимых. Болезнь злую, неторопливую, но неизлечимую, несмотря на невероятное развитие медицины.

Состав отравы оставался неизвестен – человек, синтезировавший препарат, давно канул в Лету. Без его секретной рецептуры тритоны лезли на стены, перебиваясь рисковой варкой «динамита».

Свои измышления Траоре негромко озвучил товарищу. Тот согласно хмыкнул.

– Что-то вроде того, бро. Еще я слышал, что он провоцирует бессонницу и от частого приема болт не стоит, но это уже частности…

Двойка обогнула тентовую палатку, где днем жарили шашлыки из крыс. Куру и его напарник на другой стороне улицы скрутили одетую в лохмотья тетку, выбравшуюся из покосившегося шалаша с утра пораньше на сбор мусора. В остальном «Приют» оставался вымершим, будто детский летний лагерь после команды «отбой». Траоре задумался, что после

крушения благ цивилизации немалая часть человечества вернулась к ритму жизни, характерному для пещерных людей…

– Так вот, бро, – продолжил Фазиль, когда связанную женщину аккуратно спрятали под ребристый лист шифера. – Говорят, наш парень научился лечить смертельно больных торчков, просекаешь?

– Да ладно?!

Доминик даже остановился, вложив в короткую фразу все испытываемое им недоверие. Джабир, однако, совсем не собирался критиковать напарника за эту заминку. Привалился к стене, сканируя третий и четвертый этажи жилого блока напротив.

– Ага. – Он пожал плечами, но бронежилет не позволил движению стать естественным. – Говорят, его пасли по всем ночлежкам анклава. И сегодня вечером, точно перед ливнем, засекли в «Приюте». Потому и спешка…

– Святые Пантеоны… – Траоре закусил губу, радуясь, что забрало шлема скрывает его растерянность. – Так ведь если это *правда*, нужно было посылать сюда целый батальон.

– Наверное, ты прав, бро. – Фазиль вернул портативный сканер на пояс. – Но директор Мэнсон никогда не любил шумиху. В общем, как было сказано ранее – войдем, обнаружим, схватим и вытащим…

– Внимание! – распорядился сержант. – Распределяемся по уровням. Моя пара идет под землей. Ханзен – средние этажи. Траоре, двигайте наверх.

Двойки тут же рассредоточились.

Доминик и Фазиль, по-прежнему держась литым двухголовым существом, свернули на лестницу, по внешней стене блока поднимаясь к переходным мосткам над улицей. Миновали помещение, в котором когда-то располагался спортивный зал. Прошли сквозь пустую анфиладу, в прошлом состоящую из молельных разных конфессий.

Навстречу попался мужчина.

Вывернул из пролома, проделанного в стене и выводящего на балкон, оказавшись с безами нос к носу. «Увалень», о чем красноречиво сообщала кожаная сбруя с двумя «дыроделами» и широким ножом.

Доминик тут же рванулся вперед, не позволяя бандиту опомниться. Ударил ребром ладони в кадык, скользнул противнику за спину, зажал ладонью рот и пальцами вцепился в горло. Джабир четко, как на тренировке, ухватил «увальня» за руки спереди, не позволяя сбросить захват напарника, дотянуться до ножа или рации.

Страж «Приюта» бился, мыча и задыхаясь, почти минуту. Затем обмяк, потяжелел. Сорвав с пояса прорезиненную затяжку, Доминик перехватил кисти «увальня» у него за спиной. Фазиль шлепнул на губы бандита липкую накладку, мгновенно присохшую к усам. Бесшумно уложив тело на решетки балкона, напарники сунулись в дверь. И тут же столкнулись с приятелем оглушенного…

Удар самодельного, брутального мачете пришелся Фазилю в шлем. Скользнул по обтекаемому сферокону, лязгнул по левому наплечнику. А затем бандит отпрыгнул и дико закричал, продолжая выписывать клинком замысловатые восьмерки.

Крик прокатился по коридорам блока.

Проник в комнаты, выплеснулся наружу, отразился от бетонных стен.

Ругаясь, Джабир бросился в атаку, сокращая дистанцию и метя прикладом в голову. Промахнулся, получил еще один удар в прикрытое пластиной бедро. Доминик, через чип активировав подствольник, тут же всадил в грудь «увальня» заряд шокера.

Крупный, похожий на пулю XIX века эллипс по сути был крохотной батарейкой Ллейтона. Только вот привычные аккумуляторы, соприкасаясь с препятствием, хранимую энергию не выплескивали. Сотня киловольт, перетекшие в вооруженного мачете бандита, разом оборвали и вопль, и блеск оружия. Выронив корявый, выточенный из листового титана клинок, мужик рухнул навзничь.

– Слабохарактерный ты, бро! – Фазиль подскочил к обездвиженному противнику, вминая носок армейского сабатона в хрустнувшие ребра. – Надо было пулей, этих не жалко…

А затем Доминик заметил, что тревогу умудрились поднять не только они…

На карте вспыхнуло сразу в двух местах – третье отделение тоже вступило в боевой контакт. Замигали маркеры, в ушах зарокотал акцент Ледоруба. Стало слышно, как на юго-востоке комплекса заработали винтовки.

Улей всколыхнулся, словно ждал повода, только притворяясь спящим.

Загудел, застонал, вышвырнул из комнат перепуганных людишек. Самые умные вжимались в продавленные матрасы, прикрывая головы. Поглупее рвались наружу, сталкиваясь в проходах и расшибая лбы. «Увальни» Рольфа врубили гнусавую сирену, в которой уже не было нужды – на экране тепловизора Доминик видел десятки вооруженных, бегущих к заранее определенным при налете постам…

Стадия скрытного проникновения завершилась, и со всех

сторон тут же загрохотало – не успевшие разобраться в происходящем, разъяренные наглостью безов, взбудораженные вторжением «увальни» принялись стрелять, не обращая внимания на предупреждения «радионянь».

– Началось, просекаешь? – хохотнул Фазиль, ловя в прицел то одного, то другого местного, выбегавшего из квартир. – А ну, доходяги, на пол! Быстро на пол, выродки, а то перестреляю! Куда?! Лежать, я сказал…

Они проникли глубоко внутрь жилого блока и теперь едва успевали грозить жителям «Приюта» винтовками, вынуждая падать на животы и закрываться руками. Над одним из них Джабир присел на колено, выдергивая из-под наруча гибкий лист электронной бумаги. На нем, как и у остальных членов облавы, виднелся портрет ибн Хугеля.

– Сюда смотреть, гаденыш! – Оставив «сарбакан» висеть на груди стволом вниз, Фазиль ухватил аборигена за сальные волосы, запрокидывая голову и ткнув в фото носом. – Знаешь его? Где живет, дерьмо ослиное?! Отвечать быстро, не задумываться! Быстро говори, сволочь, а то башку снесу!

Житель «Райского приюта», спросонья перепуганный до икоты, сначала лишь подвывал и пускал слюнявые пузыри. Но когда без дернул за патлы, чуть не свернув шею, все же обрел голос:

– Видел его, видел! Только не бей, командир!.. Все скажу… Он в лепрозории!

– Где?! – Фазиль откинул забрало шлема, чтобы несчастному были видны его налитые кровью глаза. – Что за лепрозорий?!

– Центральная башня, где «увальни» живут… – Пленник зарыдал, кусая губы. – Там наверху Стальной Рольф минусов поселил, много… Использует для своих делишек, «динамитом» качает, пока совсем не сгнивают…

– Час лежать, не двигаться! – рявкнул Фазиль, вжимая голову допрошенного в пол. – Кто встанет, завалю! – Последний приказ предназначался всем, кто имел неосторожность оказаться в коридоре. – Внимание, это рядовой Джабир…

Без вышел на общий канал, передавая разведанную информацию всем соединениям и лейтенанту. Отметил на карте предполагаемое укрытие объекта, в немалой степени совпадавшее с версиями аналитиков. Доминик, все это время контролировавший коридор и выходы из квартир, поднялся с колена. Пара продолжила движение, рыча на всякого, кто попадался навстречу…

Новорожденный рассвет за окнами отрезало – на квартал надвинулась тень патрульного дирижабля. Наползла, подминая

предрассветную таинственность угольной чернотой, сконцентрированной под брюхом сигаровидной гондолы. Из динамиков по «Приюту страждущих» ударило:

– Внимание, сохраняйте спокойствие! Вы находитесь в зоне проведения силовой операции местного отделения СБА…

Кто-то из «увальней» снаружи принялся стрелять вверх. Из гаража, замаскированного листами жести, с жужжанием мотора вырвался электрифицированный пикап, в кузове которого – Фазиль, наблюдавший за происходящим через многочисленные камеры цеппелина, едко выругался – вертелся штативный «ревун». Орудийные системы воздушного гиганта тут же распознали тяжелое вооружение, и на площадку перед гаражом рухнула управляемая ракета…

Доминик и Фазиль миновали жилой блок.

Поднялись еще на два уровня, стараясь не отрываться от двойки Ханзена, прочесывающей «Приют» четырьмя этажами ниже. Там стреляли, причем часто и не жалея боеприпасов. А вскоре нажать на спусковой крючок довелось и Траоре.

Двое вооруженных ружьями бандитов выскочили из двери, выводящей на подвесной мост. Бросились к внутренней лестнице, лишь в самый последний момент заметив черные тени, притаившиеся в дальнем углу холла. Винтовки безов тихо застрекотали, по бетону запрыгали гильзы. Оба «увальня» повалились кулями. По количеству угодивших в тело пуль они могли соревноваться с куропатками, угодившими под залп охотничьей дроби.

Поочередно сменив магазины «сарбаканов», безы продолжили движение.

– Фазиль? А ты веришь, что этот дохляк мог найти лекарство от «синдиновой чумки»?

Они прочесали еще два помещения, где жители коммуны готовили еду. Вдоль стены – держась вместе и сохраняя физический контакт, – засеменили к выходу на подвесной мост.

Первая кровь раззадорила напарника Траоре, заставляя говорить с придыханием:

– Чего бы и нет? Слышал про Сорок Два? Говорят, дерьмо человечишка был… А Троицу открыл, причем случайно, просекаешь?

– Думаешь, ибн Хугель такой же?

– А кто его знает, бро? Вообще-то его десять лет назад из итальянского отделения «Фармы» выгнали, почитай в досье…

Посменно напарники перебежали мост. Вошли в башню, обозначенную «центральной».

И тут же угодили в засаду, устроенную парнями Стального

Рольфа.

Бандитов, как сообщила Доминику «балалайка», оказалось пятеро. Прикрывал всех здоровенный мужчина с огромным листом железа, к которому на манер тактического полицейского щита приварили рукоятки. Наблюдая за легавыми через узкую горизонтальную прорезь, он проворно смещался из стороны в сторону, когда это было удобно стрелкам. А те – двое с «дрелями», один с допотопным ружьем и еще один с «дыроделом», причем откровенно самопальным, – патроны экономить не собирались.

Едва двойка безов переступила порог, втягиваясь в помещение химической лабы, «увальни» тут же открыли огонь, прячась за перевернутыми столами, колоннами и самоделкой щитоносца.

Фазиль юркнул влево, присаживаясь за бетонный столб.

А вот Доминика ружейная пуля нашла, ужалив в левое предплечье. Брони не пробила, но удар был такой, что Траоре крутануло вокруг собственной оси, и он упал, не успев выстрелить в ответ. Быстро, насколько позволяла немеющая рука, отполз за соседнюю колонну, поднял винтовку.

– Граната, – предупредил Джабир, опуская забрало.

Особенно не целясь, швырнул баллончик по дуге. Кто-то закричал, а через миг рвануло, обрушив с потолка сотню сонных ручейков пыли. Помещение затопил свет. Ударная волна прокатилась от стены к стене, корежа барабанные перепонки. Светофильтры шлемов сработали, обезопасив зрение стражей порядка; специальные накладки подшлемника снизили уровень шума.

– Пошли! – скомандовал Доминик, непослушной рукой подхватывая цевье.

Вынырнули из укрытий, стреляя по заранее распределенным через «балалайки» целям. Били отнюдь не шокерными, не того масштаба потеха началась. Траоре метил в бойницу в верхней половине металлического щита. Джабир – по стрелкам с «дрелями». Скосил обоих.

Затем из-за переносного укрытия заревели, будто за листом жести прятался медведь. Туша бандита грохнулась на пол с такой силой, что с потолка снова посыпалось. Загремел уроненный щит.

Поднимаясь с колена, Доминик добил оставшихся противников, яростно трущих глаза и вертящих башками, словно новорожденные крысята. Подскочив к баррикаде, Фазиль в упор расстрелял щитоносца, и не подумавшего умирать даже после ранения в голову.

– Ваших матерей нужно было в детстве стерилизовать! – Он

снова вскинул забрало, хоть это и запрещалось уставом. Смачно плюнул на трупы. – Гниль человеческая…

Доминик, на выходку напарника не отреагировав, сориентировался по карте.

Отчеты от юго-восточной и северной групп сообщали, что среди безов есть двое раненых. По трехмерным картам двигались маячки коллег Траоре, вычищавших улей еще с двух направлений. Бесновался, подгоняя «ленивых овцетрахов», Ледоруб. Сержант Куру забрел в тупик, специально устроенный жителями «Приюта», чтобы оградить комплекс от проникновений из подземки.

Над районом надрывались громкоговорители дирижабля. Прожекторы ощупывали открытые пространства. Где дотягивались, очаги сопротивления подавлялись тяжелыми пулеметами.

Миновав точку, в которой пятеро «увальней» пытались защитить нарколабу, Траоре и Джабир поднялись на несколько этажей. Подстрелили еще двоих бандитов, так и не сообразивших, что происходит снаружи.

Встреченных на пути безоружных обитателей трущоб Фазиль тряс, как пес – резиновую игрушку-пищалку. Безжалостно, с нескрываемой злобой, легко выбивая необходимую информацию и получив еще одно подтверждение, что искомый ими объект находится в «лепрозории».

А затем они узнали, что имелось в виду под этим страшным названием…

Стальной Рольф, собравший в стенах личного квартала не один десяток ломщиков-наркоманов, отличился щедростью шейха. На апартаменты, в которых разместились торчки, страдающие от синдиновой ломки, был выделен целый этаж. Просторный, поделенный на комнаты, коридоры и холлы, превращенные в вонючее общежитие.

Вдоль стен валялись матрасы, между которыми громоздились пластиковые коробки и ящики. Среди них белели медицинские койки с прочными эластичными путами. Возле каждого лежбища виднелись ведро под блевотину, большая бутыль с водой и разнообразный личный хлам, принадлежавший «пациенту». И почти на каждом из спальных мест – Фазиль выругался, а Доминик вздрогнул – лежал коротко остриженный человек.

Мужчины и женщины, молодые и старые – их было очень много, глупцов, познавших глубину Цифры, где течение холоднее льда и водятся тонкоусые, лупоглазые и безжалостные к человеку рыбины.

Напарники прошли мимо юноши, едва отпраздновавшего

совершеннолетие в год Инцидента. Мимо девушки с телом модели и лицом старухи. Безвольные, сонные, стремительно умирающие каждую секунду, обитатели лепрозория провожали двух безов безразличными взглядами.

Конечно, они слышали пальбу. Слышали голос с небес, предписывающий сдаться. Слышали топот, ругань бандитов Рольфа, звуки баррикадирования наиболее ценных отсеков жилого блока. Однако казалось, что происходящее не интересует больных тритонов – большинство из них смотрело в окна с видом скучающих стариков. Кто-то и вовсе продолжал спать, ворочаясь, пуская слюни и вскрикивая от кошмаров, в которых уже никогда не мог подключиться к сети…

Ни свечей, ни химических фонарей тритоны не зажигали, отчего лепрозорий был погружен в серый полумрак. Рассекая его, безы двинулись через комнаты, всматриваясь в лица.

– Видела его?!

Фазиль очутился возле худосочной девчушки с жестоко расцарапанными руками и затылком. Показал фото. Потянулся ухватить субнормалку за шею и как следует встряхнуть, но побрезговал.

Та всмотрелась в портрет. С губ сорвались несвязные звуки, в глазах не отразилось ни проблеска понимания. Кашлянув, она забрызгала ботинки Джабира капельками крови, отчего тот пришел в ярость и едва не врезал тритонше прикладом.

Замер, заметив стоящую в дверях фигуру. Высокую, хрупкую, одетую в грязный медицинский халат, среди окружавшей грязи и антисанитарии смотревшийся крайне неуместно.

– Вероятно, вы ищете меня? – спросил Алпай ибн Хугель, предусмотрительно поднимая руки и демонстрируя раскрытые ладони.

Безы взяли мужчину на прицел. Фазиль включил тактический фонарь, направив яркий луч точно в лицо Алпая и заставив того болезненно зажмуриться. «Балалайки» напарников тут же выдали 98 % совпадения с заложенными в них данными.

– Нашли, – отчитался Доминик лейтенанту, обходя объект по дуге, будто под серым халатом действительно скрывалась бомба. – Центральный блок, одиннадцатый этаж. Приступаем к задержанию.

– Не нужно насилия, – словно услышав сброшенный по сети отчет, покачал головой ибн Хугель. – Если весь сыр-бор из-за меня, я пойду добровольно.

– Без тебя решим! – сквозь зубы, словно говорил, как минимум, с маньяком-убийцей детей, оборвал его Фазиль. – Встать на колени, руки за голову!

Алпай покорно опустился на грязный пол под сонными взглядами тех, кого спасал.

– Значит, – наблюдая, как напарник снимает с пояса наручники, поинтересовался Доминик, – ты вправду нашел рецепт избавления от «синдиновой чумы»?

Ибн Хугель, ждущий приближающегося Джабира со смесью любопытства и иронии, посмотрел на второго беза. Лежащие вдоль стен тритоны молчали. Время от времени кто-то из них заходился в жутком, вырывающем внутренности кашле.

– Возможно, – пожал плечами Алпай. И вдруг улыбнулся. – А это вообще возможно?

– Тебе виднее, «головастик», – процедил Фазиль. – Руки за спину опусти…

– Так как? – продолжал настаивать Траоре, вдруг почувствовав, что действительно желает знать.

– Уникальное сочетание нанов и современных препаратов, – охотно ответил ученый, если Алпай ибн Хугель вообще имел право на такой статус. – Еще помогло наследие Мутабор, обнаруженное в филиалах после тотального исчезновения корпорации…

– Не всем помогают твои снадобья, докторишка, – хмыкнул Джабир, и только теперь Доминик заметил, что часть лежавших повсюду людей тепловизор не высвечивает.

Он судорожно втянул затхлый воздух. Перед ним на коленях, безропотно закладывая руки за спину и опустив голову, стоял тот, кому удалось повторить «подвиг» Сорок Два. Выходит, врачеватель «страждущих» действительно открыл неизвестное доселе сочетание нанов и лекарств? Пусть даже помогавшее не всем, если судить по окружавшим напарников трупам?

Теперь Траоре понимал, отчего так беснуется Ледоруб, напоминая о необходимости вывести объект целым и невредимым…

Уперев ствол «сарбакана» в затылок Алпая, Фазиль скользящими движениями ощупал бока ученого, подтвердив его безоружность. И уже почти набросил самозатягивающийся жгут на тощие запястья ибн Хугеля, когда кусок стены, слева от безов, упал внутрь комнаты. С грохотом и столбом пыли, ровно очерченный по нужной форме крохотными зарядами взрывчатки.

Еще секунду назад Траоре не видел опасности. Распознанные тепловизором силуэты по-прежнему занимали койки и лежанки, этажом ниже хаотично мелькали в панике, искали безопасные норы. И вот фрагмент стены вваливается внутрь, а за ним врываются трое.

Джабир вскрикнул, ногой толкая Алпая в спину и заставляя

растянуться на полу, отпрыгнул в сторону. Доминик метнулся за ближайшую колонну, чуть не споткнувшись о лежащего под ней тритона.

Глухие тактические доспехи, скрывавшие неидентифицированных бойцов, на первый взгляд казались «саранчой», но при внимательном рассмотрении обнаруживали большую обтекаемость и пластичность, напоминая скафандры из фантастических стереокартин. В руках нападавшие держали автоматы, которыми воспользовались не позже, чем начала оседать взбудораженная направленным взрывом пыль.

– Бес тебя задери! – Фазиль метнулся в дверной проем, откуда чуть раньше появился ученый. – Это не титапласт! Их броня не пропускает тепло! – И добавил еще что-то емкое, определенно сленговое, с чем не справился даже переводчик Доминика.

По колонне, за которой укрылся Траоре, полоснула автоматная очередь. Бесшумная, словно выпущенная из «сарбакана». За ней еще одна. Сориентировавшись в наставлениях боевой программы, он упал на сонного минуса, выкатываясь и открывая ответный огонь.

– Контакт с неизвестным противником! – выкрикнул Доминик, представляя, как вытянулось лицо Ледоруба. – Задержание сорвалось!

Словно подтверждая его слова, один из бронированных стрелков нагнулся над Алпаем, хватая ученого за загривок. Усиленные то ли механизмами ИБК, то ли протезами мускулы без труда вздернули ибн Хугеля в воздух.

Двое других боевиков, явившихся из облака пыли, продолжали прицельно бить по укрытиям безов. Пули вонзались в бетон, в матрасы, пластали воющих тритонов, только теперь бросившихся врассыпную.

– Мы агенты СБА, приказываю прекратить стрельбу! – соблюдая устав, выкрикнул Фазиль, при этом не переставая бить в ответ. Его пули ударили в броню ближайшего противника, срикошетили в стену, высекли искры. – Бросайте оружие!

Не произнеся ни слова, трое автоматчиков в модифицированной «саранче» отступили в пролом, унося открывателя неизвестного человечеству лекарства. Тот, безвольно болтаясь в бронированной руке, почти не касался ногами пола.

– Объект уходит! Повторяю, объект уходит! Даю координаты!

Доминик отказывался верить произошедшему. Ни одна бандитская группировка Франкфурта не могла похвастаться таким уровнем экипировки! А если и могла, то уж точно не Стальной Рольф и его дармоеды.

– Кто это был, твою мать? – Голос Траоре невольно дрогнул.

Выбравшись из укрытий, безы медленно наступали на пролом в стене с разных сторон, отключив бесполезные тепловизоры и прощупывая пылевую тучу лучами фонарей. Джабир пинком отшвырнул подвернувшегося тритона, прильнул к стене возле дыры.

– Наемники, – прошипел он, рывком выглядывая наружу. – Корпоративные солдаты. Пришельцы, мать их во всех позах. Я не знаю, бро, просекаешь? И знать не хочу. Но эти ублюдки увели добычу, и я не могу возвращаться к лейтенанту с пустыми руками…

Тот, легок на помине, рычал и швырял виртуальные молнии, кроя отделение Куру таким слоем ругательств, что становилось тошно. Доминик добрался до провала, прижимаясь к рваному бетонному краю напротив напарника.

– Эй, мразь! – Фазиль ухватил за ногу тритона, в пороховом дыму и завихрениях пыли ползущего к выходу на подвесные мосты. – Туда! Драпай, дрянь наркоманская, тут опасно!

И заботливо дернул его в сторону бесформенного провала, за которым виднелась лестничная клетка и убегавшие вниз пролеты. Минус, будто одурманенный, послушно сунулся в пролом. Через секунду безы услышали писк сработавшей мины, и жилой блок сотряс новый взрыв. Бетонные перекрытия загудели, заскрипели, а Доминику показалось, что вся конструкция качнулась, как при землетрясении.

– Граната! – предупредил Джабир, швыряя на лестницу миниатюрный цилиндр.

Когда в дыре расцвела новорожденная сверхновая, бросился вперед. Доминик последовал за ним, перепрыгивая через бетонные обломки и останки несчастного тритона, выбравшего неверный путь к бегству…

Спускались быстро, вычищая путь огнем. И если Траоре еще пытался сортировать встречных, обитателей «Приюта» вырубая исключительно шокером, то его напарник бил всех без разбора. Преследовать неизвестных позволял тепловой след Алпая, дергавшийся так, словно его все время толкало в спину что-то невидимое.

Передышка наступила тремя этажами ниже, когда световое пятно ибн Хугеля остановилось, сжимаясь и падая. Убедившись, что коридор и прилегающие комнаты пусты, Фазиль подобрался к дверному проему, ведущему в помещение с ученым. Отстегнул от винтовки электронный видоискатель, аккуратно выставил прибор из-за косяка.

Картинка тут же поступила на «балалайку» Доминика: двое

штурмовиков, умыкнувших Алпая из-под носа безов, заняли круговую оборону, взяв под прицел оба входа в комнату. Мебели почти не было, и лишь возвышались вдоль стен сооруженные из пластиковых ящиков пирамиды.

Третий наемник, открыв забрало шлема, с кем-то негромко совещался. Вероятнее всего, докладывал начальству, готовясь покинуть «Райский приют». Сам ибн Хугель лежал на полу со связанными за спиной руками, снизу вверх глядя на похитителя с легкой улыбкой. Закончив беседу, тот присел на корточки, ладонью в латной перчатке шлепнув ученого по щеке.

– Лыбишься? – Он презрительно оскалился. Говорил на араспанто, с ощутимым британским акцентом. – Значит, ты и есть кудесник, за которого фармацевты всего мира готовы отвалить бешеные бабки?..

– Все возможно, – безмятежно улыбаясь, словно не заметил пощечины, кивнул Алпай. – Но для познания моего секрета вовсе не обязательно применять силу… Я готов поделиться…

– Вот как? – Глаза наемника превратились в щелки. – Ну так делись.

Остальные боевики, сидящие спиной к спине и не спускающие глаз со входов, хохотнули так, что стало слышно сквозь глухие шлемы. Анализируя получаемую с визора картинку, боевые программы Траоре и Джабира тщетно искали в их бронекостюмах уязвимые места…

– Видишь эти коробки? – полулежащий на полу ученый мотнул головой в сторону. – Это дрянные сырные пастилки, продукт пищевой фабрики анклава. Два месяца назад Стальной Рольф украл две тысячи упаковок, обеспечив «Приют» неприкосновенным запасом пищи…

– Если он еще раз откроет пасть, я завалю всех четверых, – злобно предупредил Фазиль, все еще насилующий «балалайку» в поисках наиболее оптимальной стратегии штурма.

– Лечишь «синдиновый сифилис» искусственным сыром? – хохотнул британец, нависая над Алпаем.

– Нет-нет… – Тот дернулся, ожидая очередной оплеухи. – Но я добился у Рольфа позволения освятить часть провизии в соборе Тринадцати Пантеонов европейского отделения Католического Вуду… Там я испросил милости у мюнхенского епископа, и тот благословил меня лечить людей. Духи Лоа помогают мне. И теперь это – благословленная святыми пища, излечивающая измученные тела страдальцев…

Глаза Доминика полезли на лоб, а на загривке приподнялись волоски. Взглянул на напарника, сидящего по другую сторону от дверного проема, но не смог разглядеть его реакции из-за бликов

на лицевом щитке. Тот, впрочем, сам подал голос.

– Интересно, кому он долбит мозг? – совершенно спокойно спросил Фазиль, аккуратно отстегивая от пояса светошумовую гранату. – Нам, рассказав про новых нанов, или этим головорезам?

– Святые облатки спасают людей от смертельного кашля? – Британец склонился над Алпаем, сунув ему под нос теплый автоматный ствол. – Много я слышал баек, но таких… Вставай, малыш, пора прогуляться…

Он рывком поднял ученого с пола. Автоматчики, держащие входы под прицелами, тоже встали с колен, готовые продолжать движение.

Фазиль вскинул кулак, призывая напарника готовиться. Если на чаше весов лежала ярость Ледоруба, ему хватало даже мизерных шансов уязвить наемников через едва заметные сочленения в ИБК…

Но Траоре вдруг раскрыл ладонь, требуя оставаться на месте.

Осененный, демонстративно побарабанил пальцами по шокеру под стволом «сарбакана». Джабир усмехнулся, демонстративно хлопнув себя по налобнику шлема. Покивал, активируя бесполезное, с его точки зрения, при *настоящих* облавах оружие. И бросил в комнату приготовленную заранее гранату.

Полноценного эффекта взрыв на наемников не произвел. Светофильтры обтекаемых шлемов погасили вспышку, аналогичные безовским подшлемники не дали оглохнуть. Из строя вышел только один из трех – тот самый британец, что допрашивал ибн Хугеля и самонадеянно открыл забрало. Но и секундного замешательства остальных Доминику с Фазилем хватило.

Одновременно показавшись в дверном проеме, они ухватили цели. Стреляли по два раза в каждого, наблюдая, как по полихитиновым пластинам прокатываются едва заметные искрящиеся волны. И если первого заряда оказалось достаточно лишь для сжигания электроники модифицированных ИБК, то дополнительные эллипсы вышибли сознание из всех троих наемников…

– Иду! – крикнул Фазиль, бросаясь внутрь.

Держась строго за ним, следом ринулся и Доминик.

Боевиков, познавших секрет освященных пастилок суррогатного сыра, скосило наглухо. Новейшая бронеткань, отлично скрывавшая тепловое излучение, к их несчастью, все же проводила ток… Джабир сунулся к ближнему бойцу, ногой переворачивая на живот и целя «сарбаканом» в уязвимые точки на

спине.

Но Траоре выстрелить не позволил.

– Ледоруб будет рад взять их живыми, – выпалил он первое, что пришло в голову.

Джабир неохотно опустил оружие, признав правоту напарника. И тут же принялся торопливо проверять степень отключки противников и срывать с бронекостюмов автоматы и пистолетные кобуры. Траоре склонился над пленником.

– Жив?

Будто пристукнутый, Алпай мотал головой и часто моргал, стараясь справиться со слепотой. Все его попытки встать были неудачны, и он несколько раз заваливался на живот, вдыхая густую бетонную пыль. Подхватив ученого под локоть, Доминик помог ему подняться. Убеждать ибн Хугеля, что эффект от действия гранаты скоро пройдет, было бесполезно – Траоре на собственном опыте знал, что уши пленника забиты плотной ватой.

Не мешкая, безы потащили Алпая прочь. Выбрались на лестницу, начали подниматься. Тактическая программа координации отрядных действий сообщала, что вниз по блоку сержант Куру и его напарник все еще ведут бой с «увальнями» Рольфа.

– Выбирайтесь на крышу, – велел просиявший Ледоруб, едва Фазиль сообщил о возврате утраченного трофея. – Парни с дирижабля прикроют, пока мы не расчистим коридор отступления. Куру заберет наемников…

Через три этажа вверх Алпай вдруг упал, мокрым угрем выскользнув из хватки Доминика. Дышал тяжело, хрипло, но в глаза возвращалась осмысленность – пусть сполохи от взрыва еще плясали в зрачках ученого, зрение постепенно восстанавливалось.

– Ну, гаденыш? – Фазиль, держа под прицелом верхние пролеты лестницы, бросил на Алпая взгляд, наполненный таким презрением, что тот проникал через непрозрачное забрало. – Колись, кого из нас ты решил одурачить?

– Ох… – Перевернувшись, чтобы сесть удобнее, тот оперся спиной и скованными за ней руками о шершавую стену. – Неужели это так важно?

Сверху скатились двое «увальней», никак не ожидавшие наткнуться на безов в самой сердцевине «центральной башни». Джабир тут же открыл огонь, ранив одного и убив второго. Доминик, подключившись к схватке, добил противника.

– Замена! – выдохнул Фазиль, меняя магазин винтовки.

– Веду! – среагировал напарник, целя на лестницу и занимая позицию так, чтобы краем глаза видеть пленного.

– Готов.

– Замена. – Теперь оружие перезарядил и Траоре.

Под ногами хрустело стекло, напоминавшее, что когда-то слепые провалы, местами превращенные в выходы на подвесные мостки, были обыкновенными окнами.

– А что, если я ударю тебя в живот? – вдруг поинтересовался Джабир, поворачиваясь к ученому и возобновляя беседу. – Может быть, даже ножом… Тогда ты скажешь правду?

– Не нужно… – Алпай ибн Хугель стремительно побледнел. – Правду я не сказал ни вам, ни наемникам фармацевтов… – И поспешно добавил, заметив, что беза такой ответ не удовлетворил и тот тянется к ножнам на левом плече: – Вода… Вы видели канистры с водой, когда входили в лепрозорий?..

– Вода? – В голосе Фазиля сквозило недоверие.

Доминик нахмурился, бросив на странного ученого косой взгляд.

– Да, вода из других миров… – Если бы руки Алпая были развязаны, он бы наверняка прикрылся от угрожавшего ему законника. Затараторил: – Стальной Рольф смог внедрить своих людей на черный рынок, где торгуют минералами с открытых «Наукомом» планет. Удалось раздобыть кое-что из груза, который везли в Университет Абдус Салама. После серии экспериментов я выяснил, что вода с «Мира-1» изгоняет недуг, вызванный приемом синдина…

Теперь Траоре по-настоящему опешил. Фазиль, казалось, тоже. Во всяком случае, к ножу больше не тянулся.

– Вставай, хватит прохлаждаться… – Он рванул Алпая вверх, чуть не вывихнув ему плечо. – Шагай, «головастик». Уверен, твои изыскания оценят по заслугам так же, как пособничество контрабандистам.

Миновали еще три этажа.

Сначала поднимались по той же лестнице, затем обогнули жилой блок по внешнему балкону, выходя на последний «чердачный» этаж. Внизу, на улицах и крохотных площадях «Райского приюта» все еще шел бой, хоть и затихающий. Подразделение в «саранче» давило последние очаги сопротивления «увальней», Куру пеленал вырубленных шокерами наемников.

– Все, «головастик». – Джабир, тащивший ученого позади напарника, с облегчением швырнул Алпая среди обломков старой мебели. – Чердак. Бежать некуда. Выше только небо и пулеметы дирижабля СБА.

Траоре устроился у входа на этаж, внимательно рассматривая мечущиеся под ногами фигуры через линзу тепловизора.

Похожими разноцветными тенями в его душе кружились и сталкивались самые противоречивые мысли. И все они касались Алпая ибн Хугеля, обнаруженного во время вылазки на территорию банды Стального Рольфа.

– Ты ведь так и не сказал нам всей правды?

Понимая, что тоже нарушает устав, Доминик открыл забрало. Повернулся, внимательно посмотрев на бледного, изможденного и покрытого серой пылью пленника.

– Ты обманул нас дважды, я прав?

Джабир, с непониманием прислушиваясь к напарнику, хрустнул пальцами правой руки, кладя ладонь на рукоять «сарбакана». Палец его прикоснулся к спусковому крючку.

В дальнем углу этажа торопливо зашелестели голубиные крылья. Перепуганные вторжением птицы метались от стены к стене, пытаясь найти выход и никак не попадая в ведущие на крышу люки и дверные проемы.

– Вам не понять, – ответил человек, ради которого в трущобы ввели почти два десятка безов. – Этот мир полон *удивительного*. О чем, к сожалению, крайне редко задумываются люди вроде вас…

– Да что ты знаешь обо мне? – Фазиль возмущенно взмахнул свободной рукой, словно призывая в свидетели Аллаха. – Попридержи-ка язык, чудила!

– Немало, если подумать… – спокойно произнес тот, снизу вверх покосившись на разозленного пленителя. Впрочем, теперь без особого страха. – Вот ты, уголек… – Его взгляд нацелился на Доминика, отчего тому вдруг стало неуютно. – Афроевропеец в четвертом или пятом поколении. Верующий в Католическое Вуду…

Траоре вздрогнул, словно кто-то дотронулся до висящего на шее образка.

– В меру набожный, в меру прагматик. Любящий сын, мог бы стать хорошим мужем… А ты, носатый, – пришла очередь Фазиля, стиснувшего кулак, будто в желании врезать Алпаю, – немец с турецкими корнями. Прожигатель жизни, кутила и атеист. Если бы не служба в СБА, тебя бы завербовали бандитские группировки. Скажите, что я выдумал все это, или воздайте должное тому, что неспособны постичь…

– Бро, да он нам зубы заговаривает, просекаешь?! – Джабир фыркнул, но по его голосу Доминик слышал, что слова ибн Хугеля попали в цель. Напугали, затронули глубоко спрятанные струны. – Хватай ублюдка – и выходим!

– Мир никогда не изменится, – продолжил тем временем «ублюдок», будто кто-то попросил его закончить недосказанную

мысль. – Всегда в нем найдутся те, кто хочет прибрать к рукам ценное, непонятное, таинственное. Захочет возвыситься, получить власть. Бандиты использовали меня, как приманку для утративших надежду тритонов, как сыр в мышеловке… Наемники фармацевтической корпорации пытались выкрасть, чтобы их боссы разработали новое лекарство, на котором заработают миллиарды. Вы устроили облаву, потому что кто-то из офицеров СБА тоже захотел кусочек пирога…

– Хватит!

Джабир шагнул вперед.

Траоре положил руку на плечо товарища, призывая потерпеть еще мгновение. Он с удивлением заметил, что затаил дыхание.

– Этот мир всегда будет жить по закону сильного, первым хватающего блестяшку и только после этого задумывающегося, так ли она ценна…

Замолчав, ибн Хугель с тоской взглянул на распахнутую дверь в конце короткой лестницы на крышу, из-за которой еще доносились звуки боя.

– Так я все-таки прав? – Траоре невесело усмехнулся, подходя к ученому и нависая над ним темной скалой. – Все эти сырные пастилки… вода из других миров, благословение епископа, уникальные наны – все это брехня?

Алпай крепко сжал губы, с уважением посмотрев на темнокожего беза. Сначала Доминик подумал, что тот вообще не собирается отвечать, но затем ибн Хугель заговорил. Устало, но проникновенно:

– А вы действительно считаете, что живущий в трущобах доктор… который уже много лет вовсе не доктор… нашел лекарство от неизлечимой болезни, от гнойного наследства Сорок Два?

Он сухо рассмеялся, почти закашлял, совершенно напрасно не замечая, что Фазиль тоже поднял забрало, и теперь его лицо заливает краска злости.

– И в чем же твой секрет? – Траоре встал так, чтобы заслонять ученого от боевого товарища. Он старался говорить вкрадчиво, будто приманивал дикую лань. – Он вообще существует?

– Все, что я сказал, было правдой. – Алпай вздохнул, неловко усаживаясь и чуть не опрокинувшись на спину. – Святые сырные облатки, вода с иных планет, лекарства и наны… Все эти средства действительно снимают боль, даже если я даю подопечным обыкновенный аспирин. Они дарят надежду. Позволяют уходить *полноценными*. После победы над раком и СПИДом человечество успело забыть, каково это – услышать смертельный диагноз. Провожать день за днем, ожидая конца. Изобретатель синдина

отнял у этих несчастных надежду на будущее. Я возвращаю ее тритонам. Даже если по утрам нахожу пациентов хладными трупами…

Какое-то время молчали все трое. Фазиль – в святой уверенности, что ученый издевается над ними. Доминик – задумавшись о личном и вспомнив мать. О чем размышлял Алпай, сидящий на полу между напарниками, знать мог только он.

Наконец Джабир со щелчком опустил забрало. Наклонился, грубовато, но без лишней агрессии поднимая пленника на ноги. Траоре тоже закрыл шлем, молча направившись к лестнице.

Служебная «балалайка» исправно писала все диалоги с задержанными. И Доминик был уверен, что в будущем еще не раз прокрутит разговор со странным человеком по фамилии ибн Хугель, в предельно антисанитарных условиях безвозмездно врачевавшего души тритонов…

Француз первым выбрался на крышу.

Присел за вентиляционным коробом, осмотревшись и анализируя ситуацию. Дал знак Фазилю, после чего на площадке показались остальные участники их небольшой процессии.

Ледоруб что-то радостно мычал на общем канале; парни из третьего взвода еще вели перестрелку; сержант Куру умудрился схлопотать пулю. Усадив Алпая за угловатый солнечный накопитель, Доминик связался с дирижаблем, запрашивая расчистку коридора эвакуации.

…Боевики Стального Рольфа, все еще отбивающиеся на верхних этажах соседнего блока, заметили ученого первыми. Связались с боссом, передав, что чокнутого Алпая выводят на крышу двое легавых. Получили резкие, безжалостные приказы, вскрывая резервный ящик с зарядами для подствольных гранатометов…

Пулеметчики СБА, сидящие в пуленепробиваемых прозрачных капсулах под брюхом малого дирижабля разведки и координации наземных операций, взяли мужчину в грязном халате под прицел сразу двух «ревунов». Идентифицировали рядовых Джабира и Траоре, подтвердили личность ибн Хугеля, ожидая дальнейших инструкций, поступавших к ним не от лейтенанта Ледоруба, но значительно «более сверху»…

Два снайпера на балконе соседнего небоскреба проделали абсолютно идентичный набор действий, позволив заказчику лично оценить ситуацию через онлайновое соединение. Выставленные, чтобы прикрывать отход крохотной, но безупречно экипированной группы, проникшей в недра «Приюта» во время

ливня, они потеряли связь с троицей еще десять минут назад. Сделали соответствующие выводы, готовясь сворачивать операцию и подчищать следы. Наблюдая за безами и ученым, один наемник запросил указания на дальнейшие действия. Получив директивы, второй приник к прицелу винтовки, активируя электронную систему наведения…

Алпай ибн Хугель взглянул вверх, прищурившись, когда восходящее июльское солнце заиграло на хромированных элементах цеппелина. Перевел взгляд на соседнее здание «Райского приюта страждущих», где в окнах мелькали «увальни». Обернулся, оценивающе осмотрев угловатый небоскреб в квартале от «Приюта», наследие сытого мира до Дня Станции.

Пожал плечами, словно только что выиграл мысленный спор, который вел сам с собой, и грустно улыбнулся…

Александр Зимний
Эволюция

Часть первая

Небо

– …В случае, когда количество переходит в качество, мы получаем… – Спокойный и негромкий голос лектора убаюкивал, и Саид не сразу сообразил, что пришло сообщение. В левом углу напыленного на глаза наноэкрана мигала иконка почты. Парень активировал вживленную в палец мышь, навел курсор и послание открылось. Короткое письмо: «Сегодня, 5:15 у «Рогатки». Н.».

Студент четвертого курса, отличник, не так давно подписавший предварительный контракт с одним из подразделений «Фармы-1», очень серьезный молодой человек, в жизни которого была только наука, улыбнулся, став похожим на влюбленного подростка.

После окончания лекции он еще некоторое время поболтал с однокурсниками, обсуждая прошедший недавно Бал, затем догнал профессора Жукова, у которого собирался писать дипломную работу, задал пару вопросов и только потом неспешно отправился на место встречи. Купил цветы – обязательно живые, – добрался до кафе «Рогатка» на мобиле. Вышел на углу и огляделся.

Обычно Саид являлся на их встречи первым, но не в этот раз. Парень издалека заметил стройную фигуру девушки, скользнул взглядом по наномаске и подошел, протягивая букет из голубых тюльпанов. Она улыбнулась и тихо прошептала:

– Спасибо, – опуская лицо. А он приобнял любимую за талию и увлек к мобилю.

Нэда всегда приходила в наномаске. Для их общей безопасности, как говорила она, и Саид соглашался. Однако одежда девушки – тонкие облегающие брюки, идеально сидящие на длинных сильных ногах, короткий топ с горлом и расстегнутая до половины куртка – никогда не менялась. Впрочем, парень свою девушку узнал бы даже в глухом черном балахоне. Во всяком случае, Саид в этом был полностью уверен.

Мобиль привез их к небольшому частному дому. Парень вышел, обойдя машину, подал руку спутнице. Они прошли по узкой дорожке, мощенной камнем, Саид открыл двери, пропуская спутницу первой в просторную и хорошо обставленную гостиную. И только там, наконец, девушка Саида избавилась от маски. Улыбнулась ему – тепло и ласково, прижалась, целуя любимого.

– Я соскучилась. – Устроившись на диване, в кольце рук

Саида, Нэда потерлась носом о его шею.

– Я тоже. Где ты была эту неделю?

– В разных местах. – Нэда никогда прямо не отвечала на этот вопрос, но Саиду этого не требовалось. У них за время знакомства появились неписаные правила общения – она не говорит, где бывает, а ему достаточно того, что сейчас она рядом. Значит, справилась. Значит, в этот раз никто не сумел достать хищную девушку. Но было и несколько кодовых слов, потому что Нэде тоже хотелось делиться тем, что у нее происходит. «Дома» означало, что не покидала пределов анклава. «В разных местах» – где угодно на Земле.

– И как?

– Жива, – коротко ответила девушка, поднимая глаза на Саида, – и даже не ранена и не поцарапана.

– Вот я и проверю… – ответил Саид, начиная покрывать поцелуями лицо Нэды. Аккуратно, дюйм за дюймом, стараясь никак не коснуться двух тонких трубок, наполовину вживленных в кожу и идущих в ноздри девушки. – Прямо сейчас…

– Проверь, – рассмеялась прятка, змеей выскользнув из одежды. – Прямо сейчас проверь…

Если бы еще месяц назад Саиду кто-нибудь сказал, что он окажется один, в стельку пьяным на улице, – он бы рассмеялся этому «кому-нибудь» в лицо. Если бы ему продолжили рассказывать и поведали, что его начнут избивать черенки, желающие сразу и сейчас денег и зрелищ, а спасет его хрупкая на вид, но очень быстрая и опасная девушка, – Саид, наверное, даже прибавил бы, что этот «кто-то» накурился или обкололся чем-нибудь новомодным. Словом, сын успешного капера, потомственный химик, а в будущем непременно совершающий гениальные открытия сотрудник «Фармы-1», не мог и в страшном сне представить события того вечера.

Десять минут назад он вышел из модного в этом сезоне у студентов бара. Свернул, как говорится, немного не туда, а теперь вынужден отбиваться от агрессивных подростков, которые почуяли свежую добычу. Паника охватила Саида, превратила в жертву с единственной и в общем-то правильной мыслью «бежать!». Однако, чтобы бежать, нужно было как-то пробиться через нескольких черенков, а у них дубинки и, что хуже, ножи.

Его успели ударить несколько раз, прежде чем он понял, что прикрываться больше не от кого – трое стонут на асфальте, оставшиеся семеро убегают, поскольку боевому генавру десяток черенков – совсем не противник.

Он постарался подняться сам. И у него даже почти получилось…

Очнулся Саид в постели.

Рядом сидела та самая девушка. В маске, закрывающей пол-лица, в обтягивающем комбинезоне из кевлайкры. И с обеспокоенным взглядом. Первое, что она спросила, было:

– Что ты там забыл?

Саид сел, морщась от боли в сломанном ребре – ботинок черенка, – и благодарно посмотрел на прятку.

– Сам не знаю. Свернул не туда. – Помолчал несколько мгновений и спросил: – Почему ты меня спасла?

– Нэда, – вместо ответа представилась девушка и встала. – Пойдем, посажу на мобиль. Тебе нужно к врачу.

Земля

«Пять сорок пять. Время расчетное».

Для непосвященного зрителя или наблюдателя это была обычная открытка от гордой за себя дочери. В открытке было пять роз и приписанное от руки: «хорошо» и «отлично» – автоматика и управление!

У Морта, который получил эту открытку, на самом деле была дочь. Она действительно училась в Университете. И у нее были сегодня два экзамена. Правда, программа-шпион, аккуратно установленная на «балалайку» девушки, знать не знала, на что экзамены были сданы, но это ведь маскировка не для углубленной проверки.

Зато теперь Морт знал, что нужный объект вышел из Университета и направляется домой. Он передал сигнал дальше и задумался. Ни на мгновение он не сомневался, что, получив от него сообщение с коротким словом «Да», группа захвата начнет действовать.

Время работы группы – пять минут. Без лишнего шума поймать «комплект органов в сборе» и отправить на базу до дальнейших распоряжений менеджера. Дело заурядное, речь идет даже не о верхолазе, поэтому сюрпризов не будет.

Сюрпризов и не было, но Морт, как только понял, что девушка оказалась в нужных руках, налил себе полстакана виски и выпил залпом. С каждым новым сообщением ему требовалось все больше времени, чтобы прийти в себя и забыть, что именно он снабжает Ассоциацию сведениями. Не только он, правда, но каждый же думает только о себе, верно?

– Вот и представь себе, Карповский, у нас среди бела дня похитили дочку Саймона Рута, а Служба безопасности узнает об этом только от самого Рута… – капитан Цодоков выбил дробь

пальцами по столешнице и посмотрел на сидящего по ту сторону стола дознавателя. Петр Карповский спокойно кивнул, продолжая изучать те данные, что перекинул ему шеф три минуты назад. И хотя внешне Петр выглядел невозмутимым, внутри он просто кипел от злости. Кажется, где-то завелась «крыса» в Службе безопасности. Или дело проще, и речь идет об осведомителе… Но в любом случае, нужно выяснить, кто мог сдать девчонку Ассоциации. Кто мог сообщить о ее расписании, о маршруте…

Хотя, учитывая досье, прилетевшее к нему вдогонку и которое он уже бегло проглядел, Камилла была заурядной студенткой. На общие вечеринки не ходила, после занятий не задерживалась – уезжала домой с личным шофером. Все свободное время проводила дома или у отца в корпорации, где уже числилась стажером в одной из лабораторий «Фармы-1». Обычная девочка, обычное похищение…

– Да, засада, – кивнул дознаватель. – Мы должны сидеть тихо или ты мне дашь два дня?

– Саймон будет платить за дочку. Обычное дело. – Дмитрий Цодоков плеснул себе воды в стакан и залпом выпил. – Никаких показательных расправ устраивать не будем, если Камиллу вернут в целости и сохранности… – Он помолчал. – Но мне нужна эта «крыса». Понимаешь?

Петр чуть пожал плечами:

– А если просто кто-то решил подработать на мясников?

– Все равно. Я хочу знать, кто это. У нас на носу отчеты по всему периоду. И даже такое обыденное дело, как похищение… Особенно нераскрытое похищение, может существенно испортить статистику. Но искать следует тихо.

– Понимаю. – Петр посмотрел в глаза шефу. – Найду.

Из кабинета Карповский вышел спустя десять минут и сразу же направился в Университет. Переодевшись в более дешевый костюм и переставив «балалайку», дознаватель нацепил на физиономию скучающее выражение и ступил на территорию альма-матер тысяч будущих служащих Корпорации. Легко прошел проверку, представившись Алексом Грувером, аудитором «СаузСинтез», идущим на курсы повышения квалификации (информация о нем в базах появилась за десять минут до прихода, машинисты сработали на «отлично»), и направился к главному корпусу. В Университете в последний раз он был год назад, тоже по работе, но прекрасно помнил все закоулки огромного комплекса. Не потребовалась даже карта, подсунутая теми же машинистами.

В архив его пустили по той же «балалайке». Петру повезло – в

архиве работал его давний приятель, и поэтому не пришлось извещать о визите кого-либо еще. Шеф попросил провести расследование тихо – значит, чтобы не повредить переговорам и не взбаламутить общественность. Тихо так тихо. Нужно служащему СБА в спокойной обстановке просмотреть личные дела преподавателей и студентов определенного курса – нет проблем. Только несколько купюр как благодарность и намек на пикник в выходные – тоже «спасибо», но неформальное. По-приятельски.

Карповский поставил «балалайку» в режим записи и перекидывал в нее наиболее интересные досье. Ему не нравилось то, что он находил. Слишком много вариантов. Даже при том, что он проанализировал, кто мог бы видеть выход Камиллы из аудитории, из кампуса, с территории Университета. Быть может, одногруппники? Или кто-то со стороны? Нет. Не со стороны – такие вещи тщательно контролируются теми, кто близко.

Дознаватель вывел для себя в работу три списка – студентов, преподавателей и тех, кто имел доступ к камерам в Университете. С безами, что следили за камерами, можно было поступить проще всего – инициировав внутреннюю проверку, одна из которых как раз и была запланирована в ближайшее время и не вызовет никакого удивления.

Список студентов оказался велик, и его Петр сразу оставил напоследок. Там необходимо провести тщательное расследование: богатые родители – не гарантия того, что студенту хватает денег на наркотики, например, или какие-то иные развлечения.

Перешел к преподавателям. Этот список был куда меньше… Но каждого преподавателя, в любом случае, придется проверять отдельно. В Ассоциации сидят толковые ребята: кого-то покупают за деньги, кого-то за помощь, кого-то шантажом. Последнего меньше, но ведь может понадобиться и такой шаг… Кто-то, бывает, и сам приходит. Но это редкость.

Петр встал, прошелся по помещению, посмотрел в окно с высоты десятого этажа на двор внизу. Там как раз к воротам шла группа студентов. Кто-то смеялся, кто-то в чем-то убеждал друзей, яростно размахивая руками, кто-то явно что-то перечитывал – судя по тому, как шел.

Вот так вчера и осведомитель стоял, наблюдая за Камиллой Рут. Камеры зафиксировали только то, как девушка покинула территорию Университета, села в мобиль и уехала в сторону дома. А на полпути их протаранил другой мобиль. И еще спустя несколько секунд девушку перетащили в фургон и куда-то увезли.

Быстро сработали. Профессионально.

Дознаватель выругался, возвращаясь к досье. КАК это сделали – потом. Это вообще не его дело. Его дело – «крыса». Когда обижают кого-то из Корпорации, за это полагается наказание. И так понятно, что Саймон не обеднеет, заплатив выкуп – Ассоциация обычно предельно точно вычисляла, сколько денег жертва может отдать безболезненно, – но Рута обидели. А Рут – не просто сотрудник «Фармы-1». Точнее – не рядовой сотрудник. И это – серьезно.

Злой Карповский снова стал вгрызаться в досье. Что дает Ассоциация своим осведомителям? Пожалуй, «крыса» может хотя бы не волноваться о том, что окажется в такой ситуации одна. «Крыса» в Университете, в месте, где потенциальных «комплектов» довольно много, – важная, нужная, полезная работорговцам тварь.

Значит, для начала отберем тех, у кого есть свои дети. И кто работает поблизости от основного здания химиков.

Затем начнем шерстить по одному.

Петр скинул одиннадцать файлов на «балалайку» и покинул архив. Интуиция, отточенная еще на учебе в Академии и закаленная годами службы, подсказывала – у него есть шанс отыскать осведомителя как раз в первой партии. По горячим следам.

Небо

После секса они оба всегда еще долго лежали на постели, и Саид рассматривал красивое лицо Нэды. Водил по скулам пальцами, едва касаясь, поражаясь мягкости и шелковистости кожи прятки. Девушка улыбалась, вытянувшись на смятых простынях, и он видел по ее глазам, что Нэда счастлива.

– Может, убежим?

Прятка вздрогнула, тут же отводя взгляд.

– Куда? И как?

Саид мягко накрыл ладонь девушки своей и усмехнулся:

– Я химик, Нэда. Я сумею получить формулу катализатора.

– Этого не могут сделать уже очень давно. Никто. «Фарма-1» сдалась, а Мутабор никому и никогда не раскроет его тайну.

Парень упрямо сжал губы. Катализатор, жидкость, текущая по трубочкам от емкости на затылке девушки к носу, – суть дыхания прятки. Иначе дышать они не могли. Боевые генавры Храма Истинной Эволюции были полностью зависимы от своей Корпорации. И поэтому убежать Нэда тоже не могла – катализатор закончится, и она погибнет.

Саид чуть оскалился:

– Я хочу попробовать. Или проникнуть в Мутабор и украсть часть катализатора. Или…

– Нет. – Нэда редко говорила с любимым так жестко и четко. Но сейчас она даже села и смотрела на своего мужчину со спокойствием, достойным прелатов Храма. – Мутабор убьет любого, кто найдет формулу катализатора. Я служу Владыке, и меня это устраивает.

– Это не устраивает меня! – Саид подскочил с постели. – Ты прятка, ты – воин. В любой момент ты встанешь под пулю и погибнешь.

– У тебя есть не меньше шансов умереть от того, что свернешь не туда и попадешь под случайный выстрел «дрели».

Саид покачал головой:

– Случайности бывают всегда, а ты рискуешь собой намеренно. Мне не нравится такое. Я хочу тебя освободить.

– Освободить от судьбы невозможно. И глупо пытаться это сделать. – Нэда вздохнула, покачав головой. – Ты пытаешься убедить себя или меня, что мне плохо жить так, как я живу?

– Тебя. Я сам убежден. Не может быть хорошей жизнь, когда через пять минут тебе скажут, что ты должна умереть.

– Если скажут, значит, такова воля Милостивого Владыки. Это будет правильно.

Парень заметался по комнате, не в силах найти правильного, грамотного и, главное, не грубого ответа. Ответа, который убедит девушку в его правоте. В конце концов он сдался, садясь на постель и обнимая Нэду.

– Извини.

– Я понимаю. – Она потянулась к его губам. И Саид ответил на поцелуй.

В его взгляде затаилась упрямая решимость, и поэтому он закрыл глаза, увлекая любовницу на постель.

Ему нужна была только капля. Одна капля катализатора, и он, улучив момент, когда утомленная девушка уснула, принес из кабинета отца небольшой шприц с тонкой иглой, что умела запечатывать прокол. Аккуратно вонзил иглу в трубочку, рядом с ухом Нэды. Получив нужное, Саид мгновенно унес ценную жидкость в сейф.

Прятка открыла глаза, проводила взглядом любовника и тихо вздохнула.

Когда Саид вернулся, ее не было.

«Срочный вызов. Буду скучать. Напишу. Твоя Н.», – гласила записка на подушке, еще хранящей тепло девушки.

…В лаборатории Университета он бы не смог проводить такие исследования. Разумеется, там было куда лучше оснащение

и все реактивы в наличии. И микроскопы, и куча техники. Но и наблюдение. И копирование всей базы данных на сервер Университета, где его в любой момент может просмотреть СБА. И хотя СБА как раз вряд ли бы имела что-то против того, что формула катализатора появится не только у Мутабор, Саид чувствовал, что эту тайну лучше оставить только себе. Отец как раз в командировке в другом анклаве и не помешает…

Промежуточную стадию он нашел через двадцать часов. Случайно. И понял, что дальше мощности отцовской лаборатории не хватит.

Сообщения от Нэды до сих пор не поступало. И он кинул ей вопрос на коммуникатор, которым пользовалась девушка специально для связи с ним: «Я волнуюсь. С.».

Земля

Петр шел просто по алфавиту. На пятом претенденте едва не споткнулся. Очень он показался дознавателю подозрительным. Карповский не спал сутки с момента получения задания. Стимуляторы и кофе уже казались просто едой, но они не срабатывали, когда нужно было проявить повышенное внимание. Двадцать четыре часа на восьмерых – много. Но он изучал каждого со вниманием наноскопа и не беседуя с ними лично. «Ты ищешь тихо, понимаешь?»

– Понимаю.

Дознаватель откинул в сторону свернутый из бумаги шарик и забраковал девятое досье. Осталось два претендента и странный пятый, на котором он едва не оступился. Молодой, судя по фото – красивый мужчина, уже профессор. Жена, двое дочерей – старшая учится в Университете на факультете административного управления. Вторая дочь совсем маленькая. На него есть где надавить. Его есть чем соблазнить.

Но Карповский забраковал этот вариант. Он сделал вызов профессору, представился офицером СБА, вызвал на разговор о его дочери. Сказал, что это профилактические меры, просто предосторожность. Но все это время следил за взглядом, за движениями губ, за руками. Нет, не этот. Этот не сможет сдать на фабрику биоресурсов чужую дочь. Будет видеть в ней свою. Или не будет?

Петр налил еще кофе и встал из-за стола. Подумал, вышел на улицу и отправился в Университет. Снова.

Посмотреть, подумать, поискать…

– Как продвигаются переговоры?

– Разве это имеет для тебя значение? Ты свое дело сделал.

Морт незаметно сжал кулаки. Ему не нравилось, как протекал разговор. Он уже не раз делал то, что от него требовали. Он сполна оплатил свой долг. И пора бы поговорить о последнем задании.

– Имеет. Я хочу знать, как все идет. Я в этом завязан, и если… если кто-то выйдет на меня…

– Не дергайся – и не выйдет. Думаешь, они смогут тебя найти? Зачем им ты?

– Я сдал девушку.

– У нас десятки осведомителей только в твоей точке. Сиди тихо, и тебе ничего не будет грозить.

Морт прищурился. Морт – это был псевдоним, который его вполне устраивал, и когда на него вышла Ассоциация, он назвал его. Впрочем, им было все равно, как его называть.

– Ясно. Что-нибудь еще от меня требуется?

– У тебя есть еще один хороший лакомый кусочек. Теперь совсем рядом с тобой.

– Так быстро? Я…

– Нам понадобится только один сигнал. Предварительный. Окончательный будет не от тебя. У тебя в этот день должен быть выходной. Ясно?

– Ясно. Сколько?

– Столько же.

– Идет. Но это в последний…

В двери постучались, и Морт спешно прекратил разговор.

– Да, войдите.

– Папа, можно?..

…Пройти в здание Университета ночью не составило дознавателю труда. В этот раз он показал удостоверение офицера СБА. На аллеях пусто. Почти нигде в учебных корпусах не было света. Кроме корпуса естественных наук.

Ничего странного – большинство опытов требуют и дополнительного времени, и круглосуточного наблюдения. Правда, просто заглянуть туда – заодно и подумать о разном – не помешает. Петр спокойным шагом направился к зданию, взлетел на лифте на нужный этаж и прошелся по коридору. «Балалайка» услужливо подсказывала названия кабинетов и за кем в это время они закреплены. В том числе выдавала список студентов, получивших ночной допуск в лаборатории. Список был не очень длинным, но странным офицеру показалось в нем то, что одно имя туда было внесено совсем недавно – пару часов назад.

Может быть, у него просто появилась мысль, и ее срочно

требовалось проверить. Скорее всего, студент вовсе не имеет отношения к делу, но…

Дознаватель скользнул к дверному проему, затем неслышно проник в само огромное помещение и остановился, не замеченный высоким худощавым юношей, который напряженно что-то смешивал в тонких колбах.

Петр дождался, пока тот закончит вливать одну жидкость в другую, и тихо спросил:

– Что ты тут делаешь?

А программа «балалайки» бойко вывела на наноэкран имя парня и его досье. Саид Дюворье, двадцать один год, сын Амира Дюворье, ведущего химика местного отделения «Фармы-1». Вопрос, что он тут делает, можно было снимать, но Карповский хотел увидеть, как отреагирует студент на его появление. Он не ожидал, что тот вздрогнет, роняя колбу. И после секунды оцепенения и осознания, что светло-зеленая маслянистая жидкость вся оказалась на полу, в груде осколков, парень просто кинулся, рыча, на незнакомого мужчину в простом костюме.

Отбился Петр машинально. Блокировав неумелый удар, уйдя в сторону, откинув студента от себя. Тот не стал больше атаковать. Неизвестно, что он подумал, но кинулся бежать Саид с прытью, достойной спринтера. Карповский рванул за ним и понял, что тот ушел на скоростном лифте. Оглянулся на пол, где медленно испарялась зеленая жидкость, и решил, что парень никуда не денется.

Наркотики он тут, что ли, синтезировал?

Дознаватель мягко собрал в небольшую пипетку то, что еще оставалось, мазнул пальцем по тонкому слою препарата, растер между большим и указательным. Принюхался. Не пахнет ни одним знакомым наркотиком, но нужно проверить детально. Раньше времени трогать местных безов Карповский не желал, чтобы не вызывать ненужного внимания даже у своих.

До тех пор, пока он не нашел «крысу».

А студент далеко не уйдет. Куда ему…

Дознаватель аккуратно убрал осколки и прочее с пола, погасил свет в лаборатории и пешком, так же, как пришел, вернулся к себе. И уже там взял мобиль и отправился в «Фарму-1». А где еще, в самом деле, можно проверить подозрительную жидкость?

Небо

Саид бежал не разбирая дороги. Из корпуса Университета он вылетел просто машинально, затем устремился к выходу и только

на дорожке оглянулся. Рискнул оглядеться и понял, что незнакомый мужчина с холодными зелеными глазами его не преследует. Взяв себя в руки, прошел через пост охраны, даже минуту поболтал с охранником, который на всякий случай просветил его наноскопом, и уже на улице, не рискнув брать свой мобиль, прошел два квартала и взял машину напрокат.

Пальцы подрагивали. Колени – тоже. Саид до сих пор не мог успокоить отчаянно бьющееся сердце. Только отъехав на десяток кварталов, по сути оказавшись в другом районе, он подумал о наномаске. Торопливо нашел в кармане оную – всегда носил с собой после встречи с Нэдой – и натянул. Снова огляделся, понимая, правда, что это глупо. Надо будет – его найдут и так.

Делая катализатор, продолжая шаг за шагом приближаться к разгадке, Саид все больше нервничал. Приехав в Университет, он сильно рисковал. Он чувствовал это и по реакции Нэды на его слова видел, что Мутабор так просто не отпустит своих воинов. Не зря поговаривали, что Милостивый Владыка создал секту имени себя. Не зря расписывали, что сумасшедшие последователи заучивают его слова, знают назубок откровения и готовы по его слову в огонь и в воду. Было дико слышать и видеть, как Нэда, любимая Нэда, со смирением и спокойствием говорит о собственной гибели: «Значит, так нужно Владыке». Это было настолько неправильно, что Саида воротило при мысли о том, что сейчас его дорогая прятка где-то в Храме, получает свою дозу жидкой жизни.

Появление в лаборатории странного мужчины с холодными глазами и цепким взглядом заставило Саида вздрогнуть. Результат многочасовой работы оказался на полу, а студента прошила единственная мысль: «Мутабор!» И он напал. Видя, как профессионально отбивается незнакомец, Саид понял, что не ошибся, и бросился бежать.

Наверное, зря. Наверное, он мог бы и убить шпиона Мутабор, показать им, что силен, но… На самом деле силен он не был.

Саид отправил сообщение Нэде: «Я в беде. Прости. Люблю. Не ищи меня. С.» – и свернул в сторону мест, где никто ничего не спрашивает. Наличные у него с собой были… А «балалайку» он вынул сразу в машине. Вышел на окраине, бросив мобиль просто на дороге.

Ближайший доходный дом показался ему вполне приемлемым. Саид заплатил за неделю вперед, поднялся в маленькую комнатку с одним узким окном у самого потолка, запер двери, подпер их колченогим стулом и завалился спать.

Несмотря на все потрясения ночи, уснул парень мгновенно. Даже не успев обдумать произошедшее.

…И проснулся от истошного визга. Глянул машинально на часы и, только не увидев цифр в левом нижнем углу, вспомнил, где находится и на каком положении.

Он теперь беглец. Он в опасности.

Зато он почти сделал…

Саид упал обратно на постель, с болью вспоминая, что маслянистая жидкость осталась на полу. Все записи были в «балалайке», он мог бы их воспроизвести, но это потребует времени. И того озарения, что накрыло его дома, когда он создал старт для катализатора.

Его сбили.

Парень понимал, что ход мыслей, всю четкую схему того, куда и как нужно добавить, чтобы через определенное время получить дыхание Нэды, – все это он больше не воссоздаст. Вдобавок теперь за ним ведется охота. Кто, зачем и, главное, – каким образом они узнали о его работе? Неужели прятка сдала его Мутабор?

Саид обхватил голову руками, застонав.

Нет-нет, любимая, красивая, единственная и неповторимая Нэда не могла его сдать. Она не стала бы. Даже если бы у него получилось.

Студент нащупал в кармане снятую ранее «балалайку», посмотрел на нее и вернул обратно, не рискуя вставлять обратно. Без нее… Безопаснее.

Саид спустился вниз в наномаске, расплатился наличными за скупой завтрак в лавке неподалеку. Вернулся обратно и начал жевать безвкусную лапшу, уставившись в обшарпанную стену. Он раздумывал, что делать дальше. Куда идти? Как быть? Может, его уже ищет отец? Ему-то наверняка пожаловались…

Парень осторожно выглянул на улицу. Для этого ему пришлось подтянуться к окошку и повернуть голову набок. Никого похожего на вчерашнего незнакомца там не было, и Саид решил сменить место дислокации. Даже ему, выросшему в тепличных условиях сыну капера, было ясно, что долго оставаться на одном месте нельзя.

О том, что он и так прилично наследил, Саид предпочел не задумываться.

Ему бы покинуть анклав…

– Привет.

Саид подскочил, услышав знакомый голос. А в дверях застыла Нэда. В прочном и удобном костюме из кевлайкры. В наномаске и, судя по глухо звучащему голосу, в защитной маске пряток. Она вошла-втекла в комнату одним движением, запирая за собой двери.

– Что ты натворил? Что случилось?

Саид кинулся к ней, сначала просто прижал к себе и сам прижался, понимая, что ведет себя как тряпка, но ему было плевать. А затем выпрямился, сдернул с себя страх, как ненужную одежду, и посмотрел в глаза любимой женщине.

– Я почти сделал катализатор. Но на меня напали.

Земля

– Где объект?

– С утра не появился.

– Что-то случилось?

– Я не узнавал, чтобы не привлекать внимания.

– Хорошо. Мы сами его найдем. По характеристикам объект может прогулять занятия?

– Нет. Не его стиль.

Морт отвечал на вопросы сдержанно, четко, без единой лишней фразы. Отвечал спокойно и не показывал, что руки ходят ходуном. Потому что с утра, час назад, к нему заглянул спокойный мужчина с ледяными зелеными глазами и расспрашивал об «объекте». Придирчиво, цепляясь к каждой фразе, переспрашивая, стараясь на чем-то то ли поймать, то ли что-то выяснить для себя. За время разговора с Морта сошло семь потов. Виртуальных.

В реальности Морт улыбался, был вежлив, предупредителен, внимателен и готов к общению. Студент не пришел на занятия? Нет, раньше такого не было. Разве что вчера он отсутствовал – но предупредил заранее. С кем студент общался? Да вот как обычно – с другими студентами. Девушки у него не было, ни с кем не встречался. Что вы, какие бандиты? Нет, ничего подобного. Наркотики? Он даже не курил и не пил кофе. Какие наркотики…

Вопросы и ответы. Сухие, безжизненные, каждый – как лезвием по коже, каждый – возможный шаг в бездну.

Что натворил этот поганец? Что он натворил, если им заинтересовалась СБА? С кем связался?

– Хорошо. Если появится – держите нас в курсе.

– Да, разумеется. И… парнем интересуется СБА.

– Почему?

– Мне они не отчитываются.

Морт услышал в трубке молчание. Задумчивое молчание. Удивленное молчание. Молчание, которое принимало решение.

– Все равно. Наблюдение за объектом продолжаем.

Осведомитель стиснул зубы и подтвердил свое согласие участвовать в этом.

…Когда аналитики прислали первый отчет, Карповский как раз принимал душ. Мокрый, он наскоро вытерся – Петр терпеть не мог ощущения высыхающей кожи – и вывел отчет для прочтения. И хмыкнул.

И государства, и корпорации грезят созданием катализатора для дыхания пряток. Хотя бы затем, чтобы получить призрачный шанс подтянуть генавров в свои ряды. Или же выработать яд, который уничтожал бы катализатор. Или, в крайнем случае, приводил в сочетании с ним воина Мутабор к смерти. Однако редко когда студенты начинают работать над созданием катализатора. Слишком сложен процесс, слишком много нужно продумать и понять. Химики Корпорации уже несколько раз подходили близко к созданию катализатора. Почти создавали его. Почти идеальный образец, на 80 % соответствующий тому, чем дышали прятки. Но, как и искусственный синдин, искусственный катализатор не был правильным. Наркотик убивал машинистов, а катализатор душил генавров. И это был тупик.

Странным было скорее то, что студент Университета оказался при этом как раз на уровне химиков «Фармы-1». Он почти закончил ту стадию катализатора, к которой приближались лаборатории. И, возможно, поэтому он занервничал? Испугался, что Петр может его убить?

Дознаватель сел на диван и потер переносицу. Запросил подтверждения результатов, получил их и вздохнул.

След был очень интересный. Очень важный. Но это не был след к «крысе».

Петр отправил сообщение коллегам через «балалайку» и попросил найти Саида Дюворье, сославшись на то, что студент устроил пьяный дебош в баре и после этого пропал. Приложил фото юного Дюворье и дал указание: как только найдут – установить слежку.

Сначала Карповский разделается с осведомителем, а потом возьмется за мальчишку.

– Он найден.
– Что должен делать я?
– Ждать.
– Чего ждать?!
– Вы туда поедете.
– Зачем?
– Вы же хотели закончить общение?
– Да, но..
– Но?

– Нет, я поеду.

Морт облизал пересохшие губы, как только собеседник отключился. Посмотрел на фотографию дочерей на столе и глубоко задумался. Это – последний. Этого хватит, чтобы оградить семью от лап Ассоциации. Должно хватить.

И надо проследить, чтобы на него не вышла СБА. Хорошо, если девчонку уже вернули – СБА ведь не будет искать простого информатора.

Небо

Нэда вела его переулками, какими-то странными тропами. Она отлично знала весь анклав. Нэда шла впереди, в шаге от него, и не оглядывалась. Она его слышала – Саид не сомневался. Девушка вышла на одну из улиц и указала на мобиль:

– Садимся. Дальше – поедем.

Где-то в ста метрах от них по улице шли несколько безов. Саид оглянулся на них и кивнул.

– Едем!

За руль села Нэда.

– Куда мы едем? – тут же уточнил парень.

– В безопасное место.

– В Мутабор?

– Да.

– Но…

– Я не сказала никому о том, чего ты хочешь добиться. Но там можно укрыться. Тебе – позволят.

Саид кивнул и снова оглянулся. Теперь, когда стало ясно, что тот мужчина был не от храмовников, студента начало мелко потряхивать. Что ему было нужно? Зачем он пришел?

Впереди раскинулся квартал Мутабор. Им оставалось проехать всего пару километров.

Когда наперерез выскочил фургон, прятка почти успела повернуть мобиль, чтобы избежать столкновения.

Почти успела.

Земля

Петр получил сигнал, что неподалеку от Мутабор началась перестрелка, глянул на карту и запрыгнул в вертолет. Заодно запустил поиск по «балалайке» вероятного осведомителя и даже не удивился, когда обнаружил его в том же месте, где стреляли по старенькому «Опелю», который левым боком врезался в не менее старый и потрепанный фургон той же марки.

Официально здесь Карповский был, чтобы расследовать пропажу сына капера. Неофициально он уже получил разрешение на убийство.

Вертолет сделал круг над местом столкновения, и дознаватель выпрыгнул из него на ближайшую крышу.

Ад

Саид сумел-таки удержаться на сиденье при аварии, но едва мобиль застыл, прятка выкинула его на улицу и сама оказалась рядом, держа в руках «дыродел». Девушка двигалась быстро, несколько раз уже успела выстрелить, когда вокруг завизжали, зачиркали по асфальту и металлу чужие пули. Саид закрыл голову руками, делая ровно то, что говорила Нэда. Делая машинально, но очень правильно. Где-то наверху застрекотал вертолет СБА. Чужие голоса, крики боли, шум, грохот.

И страх, парализующий страх по венам.

В ушах визги пуль, кажется, что это никогда не закончится, кажется, что еще чуть чуть, и одна из пуль окажется в нем. Или в Нэде.

То, что прятка уже ранена, Саид не заметил. Рана несмертельная, пустяковая, прятке она даже не очень мешает – генавры выносливы, – но Саид не видел и не понимал даже этого. Когда рядом возникло несколько человек из СБА, Нэда даже расслабилась. Но рано.

– Саид! – как-то неожиданно около студента возник…

– Профессор Саммерс?! – Парень от неожиданности растерялся настолько, что забыл, где находится. – Что вы тут делаете?

– Мимо шел и… тебя искал. Твой отец сбился с ног. А я как раз подумал, что…

– Лежать! – Над головой студента и преподавателя просвистела пуля, и они оба, не сговариваясь, кинулись на землю.

…Петр осторожно продвигался к Саиду, который прятался за мобилем. Он не стрелял сам, он следил за редкими прохожими, еще остававшимися на улице, за поведением студента, за тем, что ему помогает прятка – вот откуда был образец, – за группой СБА и за нападавшими арабами. Им явно заплатила Ассоциация, не зря их агент где-то рядом. Численный перевес был на стороне арабов. А вот удача явно склонялась к безам.

Петр еще раз глянул в сторону Саида и довольно ухмыльнулся. Осведомители тоже ошибаются.

– …Не вставать! – проревел над ухом голос рослого безопасника, и Саид от неожиданности едва не ударился носом об

асфальт. Ему казалось, что стреляют уже долго, но на самом деле не прошло и трех минут. Профессор Саммерс, лежащий рядом, внезапно подскочил…

Точнее, не сам подскочил, его вздернул наверх тот самый мужчина, что напугал Саида в лаборатории. Он смотрел в глаза студенту, ухмылялся, а Саммерс замер, попытался обернуться, но не успел – его грудь вспороли четыре пули подряд. Подонок использовал профессора как живой щит!

Не помня себя, Саид рванулся вперед. Как недавно – уничтожить, убить, растерзать.

…Глаза прятки способны воспринимать реальность в замедленном времени. И поэтому Нэда уловила момент, когда пуля разорвала рубашку на теле любимого, увидела, как ввинтилась она в беззащитную плоть. Девушка почувствовала его боль как свою.

Нэда взвыла, выпуская последние пули по ублюдку, убившему Саида. Откинула в сторону ставший ненужным пистолет и кинулась к Саиду. Положила его голову себе на плечо, гладя лицо и без всяких врачей зная, что уже ничего не поможет. Что ему жить осталось две минуты. В ее ладонь ткнулись пальцы Саида. Ткнулись, что-то впихивая, и прятка машинально сжала небольшой предмет. Чип. «Балалайку»!

– Я… соврал тебе, – на губах студента пузырилась кровь. – Я нашел формулу. Она там. Пароль – твое имя. Настоящее имя…

Нэда подняла невидящий взгляд к небу и снова закричала.

Земля

– Что случилось с осведомителем?

– Оказался не в том месте не в то время.

– Есть другие?

– Есть.

Он вынул «балалайку», отложил в сторону и вставил свою обычную. Легальную.

В этих играх на Ассоциацию и против нее было что-то завораживающее.

Дознаватель встал из-за стола, потянувшись, налил себе кофе и поздравил с успешной сдачей новой «крысы». Лояльность подтверждена. Он никогда не ошибался и никогда сам не вызывал подозрений. Он слишком хорошо знал, что ищут, чтобы суметь обойти систему. Никто не говорит, что это просто. Никто не говорит, что это сможет кто-то повторить. Но Карповский смог. Говоря с «крысами» только по чужой «балалайке» мертвого человека, которого система считала просто без вести пропавшим.

Говоря только из одного места, где связь защищалась ото всех видов слежки. И говоря всегда коротко и по делу, он координировал, где и кого похищали. И никогда не мешал Ассоциации. Но устранял время от времени осведомителей.

Вероятно, у него есть шанс оказаться когда-нибудь на прицеле у коллег. Но пока нет – он будет играть свою игру.

Петр усмехнулся своему отражению. Как он когда-то говорил новичкам своей группы СБА, в Ассоциацию люди попадают по разным причинам – кого-то влекут деньги, кого-то приводят шантажом. А кто-то приходит сам.

Потому что так интереснее жить.

Часть вторая

Воздуха отчаянно не хватало, в груди разлилась горячая, тянущая боль. Легкие вот-вот разорвутся от наполнившей их крови. Хотелось вдохнуть, просто выпустить глоток воздуха в истерзанное тело, но что-то мешало. Это что-то властвовало и над разумом, скручивая мысли в тугие жгуты, теряющие всякий смысл при попытке в них как-то разобраться, и над телом, не позволяя даже дернуться. И боль. Да, боль была сейчас худшим ощущением, и, чтобы изгнать ее, пришлось бы, пожалуй, умереть. Но отчаянно, до одури, хотелось жить…

…Он резко дернулся, просыпаясь. Сел, тяжело дыша, сминая пальцами простынь и ошалело разглядывая незнакомую комнату. Светло-серые стены, искусно скрытые в нишах светильники, создающие эффект мягкого рассеянного света…

Молодой мужчина потрясенно оглядел себя, схватился за живот, сильно надавливая, провел руками по солнечному сплетению. Постарался достать спину, куда когда-то впился выстрел «дрели», и понял, что здоров. Словно не было боли, ран, смерти.

Он еще раз лихорадочно ощупал себя и выдохнул. Не снится. Не бредит. Жив. Здоров.

Упал лицом в ладони, закрывая глаза, и набрал полные легкие воздуха. И замер.

А потом понял, что лучше бы он умер.

Словно зная его чувства в этот момент, понимая его состояние, в открывшемся проеме двери появилась невысокая красивая девушка. Она подошла к постели и села рядом, обнимая за плечи:

– Все хорошо. Главное, что ты жив.

Мужчина вздрогнул, поднимая взгляд, изучая красивые черты лица вошедшей прятки, из ноздрей которой тянулись такие же, наполовину вживленные в кожу трубочки, как теперь у него.

– Зачем… Зачем я здесь?

– Ты умирал. И прелаты смогли тебя спасти. Им пришлось сделать больше пяти операций. Ты у нас уже два месяца.

Шок был слишком силен, чтобы он сумел радоваться простому факту, что не остался трупом на асфальте.

– А мои родители? Они – знают? – Саид мгновенно представил себе реакцию семьи на то, что с ним произошло, и ему стало не по себе.

– Мы им не говорили. Они думают, что ты мертв. Теперь ты сам можешь их порадовать. Если захочешь.

– Нэда… – он зажмурился, резко притягивая к себе девушку. – Зачем так? Зачем – пряткой?

Она запустила пальцы в его волосы, ласково поглаживая по затылку.

– Только генавр мог выжить в той операции и после нее. Только генавр может по-настоящему понять генавра. И только прятка сумеет за себя отомстить, Саид. У тебя впереди долгий и интересный путь – зачем начинать его с сожалений?

…Выйдя от снова уснувшего любовника, Нэда на мгновение замерла у дверей, стоя в коридоре, а затем быстрым шагом устремилась к одной из комнат неподалеку. Вошла, поклонившись прелату с неестественно большими, без белков, черными глазами.

Прелат посмотрел на прятку:

– Он не сумеет принять Путь Истинной Эволюции. Он слишком человечен.

Приговор или предположение? Уверен досточтимый Афус Ренг в своих словах или указывает путь? Несколько месяцев назад прелат необычайно увлекся, принял неожиданный вызов: превратить в прятку почти развившегося мужчину и тем избавить его от неминуемой смерти. Несколько месяцев назад досточтимый Афус Ренг решил сыграть во всемогущество и одержал победу. Он не мог не знать, что спасает обычного, далекого от истинной веры человека. Что теперь?

Нэда, не поднимая головы, тихо ответила:

– Я готова за него поручиться. Дайте только время. Немного времени.

Прелат молчал. Девушка не двигалась. Прошло не меньше четверти часа, прежде чем хрупкий на вид собеседник прятки снова подал голос. Все это время Нэда даже дыханием и эмоциями не выдавала своего глубокого волнения и ожидания.

– У него будет два месяца, чтобы стать одним из нас. Если за два месяца он не поймет, как ему повезло, ему придется умереть.

Нэда на мгновение подняла взгляд, а потом снова поклонилась:

– Благодарю, досточтимый.

Луна

Дома было пусто. Дома было хорошо, и как раз это позволило Джейми закрыться в комнате, улечься на постель и выпить сразу две таблетки. Он закрыл глаза, предчувствуя, как в кровь проникнет то, что подарит ему яркий мир.

Ощущение пришло не сразу. Через несколько секунд, после того как ожидание стало томительным, Джейми прерывисто вздохнул, поскольку перед глазами мелькнула яркая картинка. Не получалось сразу осознать увиденное, поэтому он просто успокоился и привычно повернулся набок – обычно именно так юноша видел самые прекрасные картины.

Наслаждение пришло, как всегда, внезапно и резко. Джейми задохнулся от волны, накрывшей его, и тихо застонал, потому что в этот раз необыкновенное чувство полета было куда сильнее обычного.

Ему было хорошо. Его несло на волнах удовольствия куда-то вдаль, и ему было плевать, что происходит вокруг, что творится с его бренным телом. Он был духом, он был призраком, он был тем, кого ласкает сам лунный свет.

Джейми раскинул руки в стороны и взлетел под самую кромку неба, к звездам. В распахнутое где-то далеко внизу окно ветер вносил шум дороги и шелест листьев. Покалывало пальцы морозным звездным воздухом.

И вдруг резко стало темно.

Джейми моргнул, но темнота не исчезла. На грудь словно упала тяжелая плита, придавившая и не дающая взлететь выше. Он стремительно начал терять высоту, и, самое главное, от него ускользал сквозь пальцы такой горячий, такой желанный лунный свет.

Рука сама скользнула к флакончику с веселой этикеткой и всыпала горсть таблеток – приторно-сладких – в рот. И Джейми снова взлетел. Все выше и выше.

К яркой и самой прекрасной в мире Луне…

– Еще один за последнюю неделю. Восемь с начала месяца. Везде – передозировка. Наркотик новый, привыкание вызывает не ранее девятой попытки, но в процессе часть жертв закидывают в рот все, что у них есть. Нам пока не удалось выйти на распространителя, но известно, что он находится в районе Университета.

В переговорной собрались следователи и дознаватели отдела СБА, который отвечал за безопасность в данном районе. Говорил руководитель отдела, капитан Дмитрий Цодоков. Говорил сдержанно и спокойно, но никто не обманывался – капитан был зол и явно за прошедшую неделю спал, в лучшем случае, часов двадцать.

– Откуда известно? – уточнил один из следователей. Дмитрий коротко на него глянул:

– Потому что всех, кто принимал наркотик, объединяет

только учеба в Университете.

– Глупо гадить там, где живешь. – заметил Петр задумчиво. Цодоков кивнул, соглашаясь, и продолжил:

– Именно поэтому искать надо быстро. И брать живого. Мы не можем допустить появления в массах нового наркотика. Чем раньше мы эту «дурь» уничтожим, тем проще нам будет жить потом. Итак – искать надо в Университете. Искать так, чтобы не спугнуть. Знаю, задача трудная, но если число мертвецов по этому делу перевалит за десять – мы все дружной компанией отправимся на интервью в Пирамидом. Вопросы есть?

Вопросов не было. В частности, вопросы были только у Петра, но он их задал, когда все разошлись.

– Мне отменить отпуск?

Дмитрий кивнул, садясь в свое кресло:

– Да, пожалуй. Закончим с этим делом, и тогда поедешь.

Петр задумчиво посмотрел в окно, за которым собирались серые тучи.

– У меня есть одно соображение насчет этих… смертей. Правда, оно перекликается с выводами аналитиков, но кое-что я могу добавить от себя.

– Ближе к теме. – Когда Цодоков находился в крайней степени раздражения, он стремился к максимальной экономии времени. Карповский продолжил:

– Аналитики считают, что распространитель в Университете. Аналитики считают, что распространитель тестирует наркотик – поскольку тот еще не отработан и есть побочные эффекты. И мы ловим распространителя, чтобы выйти на производителя. Все по отработанной схеме.

– Верно. – Дмитрий внимательно смотрел на дознавателя.

– Так вот… Мне кажется, что никакого распространителя нет.

– Поясни.

– Изготовитель – кто-то из студентов. Нашел интересный наркотик и начал баловаться. Остальные подхватили.

Дмитрий покачал головой:

– Не сходится. С самого начала не сходится. Университет – это билет в будущее. Туда не всякий поступит, не всякий сможет там учиться. И подсаживаться на наркотик, губить себя и карьеру – бред. Ладно бы модный синдин. Но вот эта отрава…

– Отрава, – согласился Петр. – Но, возможно, они и не думают, что это отрава. Наркотик, как мы уже знаем, вызывает привыкание довольно поздно. Побочный эффект у тех, кто его набирает горстями в рот, – это допустимая погрешность. Но мы не знаем, сколько на самом деле студентов его сейчас используют. Мы не знаем, кто сейчас принимает тихо и спокойно

и без «побочки» – пятую, седьмую дозу.

Цодоков задумался, а Карповский продолжил гнуть свою линию:

– Что нам известно об этой дряни? То, что это таблетки. То, что они рассасываются в течение восьми минут, но действовать начинают еще в пищеводе. Знаем, что в какой-то момент, ориентировочно на восьмой раз, почти на грани у кого-то из студентов наркотик вызывает парааллергию, приводящую к тому, что они заглатывают в себя все, что есть рядом. Передозировка вызывает у организма токсический шок на фоне продолжающихся видений. Поэтому, даже если теоретически человека можно было бы спасти, сделать это попросту некому. Он сам считает, что все хорошо. А наркотиком закидывается без свидетелей.

– Я видел выкладки доктора Террана…

– Да, я знаю. Идем дальше. – Петр потер переносицу. – Но чем вызвано желание заглотать побольше таблеток?.. Нужная доза достигнута, и нашего студента хватает за горло спазм. Он не может вдохнуть – но мозгу все равно. Мозг не желает терять кайф, и поэтому ему хочется добавить «топлива». А дальше интоксикация по полной программе.

– Это тоже уже предположил Клайв.

– Знаешь, за последние триста лет количество случаев анафилактического шока увеличилось в пять раз. Не пять на сто тысяч, как было раньше, а двадцать пять, – внезапно произнес Петр.

– И восемь из них у нас в Университете учатся?! – фыркнул Цодоков. – Кажется, ты немного отклонился от темы.

– Нет-нет. Я просто еще не закончил. Я подозреваю, что тот, кто запустил наркотик, не случайно выбрал Университет. Дело в том, что анафилактический шок – высшее проявление аллергических реакций, в том числе и парааллергии. А она возникает у тех, кто генетически к ней предрасположен. А значит, я могу предположить, что наркотик, распространяемый в среде молодежи, которая будет элитой – если повезет, – это способ убрать неполноценных по одному из признаков особей.

– Ты забрался в какие-то дебри. Делать наркотик, рисковать свободой… Ну, по сути жизнью, ради того, чтобы произвести отбор среди студентов, и то по признаку аллергической реакции, – бред. – Дмитрий встал, начиная расхаживать по кабинету. – Нет, я думаю, что это действительно только побочный эффект. Но вообще, мне все равно, как и по каким предпосылкам ты будешь его искать, – но найди мне ту тварь, что травит студентов. И раньше, чем умрет кто-то еще. Ясно?

Петр кивнул, поднимаясь с кресла и подходя к дверям:

– А наши медики не говорили, что испытывает человек, который его принимает?

Цодоков пожал плечами:

– Эйфорию и счастье. Если поймаешь кого-то, кто недавно употребил, – спроси, что он видит.

Солнце

Для Саида последние недели слились в одну большую и длинную тренировку. Уже на следующий день после первого пробуждения Нэда пришла снова. Кинула ему костюм из кевлайкры и велела надеть. Саид, попытавшийся было что-то возразить или хотя бы как следует проснуться, наткнулся на удивительно холодный и отстраненный взгляд любимой женщины.

– Вставай, у нас мало времени, – повторила Нэда и сдернула с молодого мужчины одеяло.

Облаченный в прочный гибкий костюм, Саид чувствовал себя на редкость глупо и неуютно. А Нэда, уже схватив за руку, повела его по коридорам. Саид многое слышал о Мутабор – и про странные стены, живые, дышащие, и про то, что изнутри все храмы – живое существо. И про то, что если человек тут ходит один – то он рискует сойти с ума. Но он-то больше не человек, он генавр. И его, наверное, эти стены не сожрут. Впрочем, как раз стены, светильники, даже пол – все здесь было обычное и привычное. И это на мгновение отвлекло Саида от мыслей о том, что его ждет.

Нэда остановилась перед высокой двустворчатой дверью.

– Слушай меня внимательно, Саид. Ты теперь – боевой генавр, прятка. И ты должен будешь стать лучше их всех. Станешь?

Саид покачал головой:

– Я не хотел быть пряткой. Как ты можешь требовать от меня стать лучшим?

– Прелаты могли спасти тебя, только совсем изменив. Они решили так – значит, так на самом деле лучше для тебя, – спокойно ответила Нэда, не торопя его в этот момент.

– Почему они решили, что мне лучше – так? Я химик, Нэда. Я не воин, я не боец, я даже не представляю, что мне делать, когда на меня нападут. Или еще что. Как… Как я могу быть пряткой?

– Ты можешь по-прежнему оставаться химиком. В свободное время. Но разве уметь защитить свою жизнь – плохо? Разве уметь постоять за себя – плохо? – Девушка искренне удивлялась, и Саид вздохнул. Он не знал, как ей можно объяснить, что он чувствует.

А собственно, что он чувствует? Ему страшно… Ему просто до одури страшно, потому что там, за дверью, боль и все совершенно незнакомое. И это короткое мгновение его молчания Нэда использовала для последнего удара:

– Сейчас ты – новорожденный. Следовательно, мне лучше знать, что тебе нужно. Как твоей любимой… – Она распахнула двери, и Саид увидел огромный тренировочный зал. Высокие потолки, стены где-то далеко, замысловатая полоса препятствий – и ни единого существа, кроме их двоих. – И как твоему командиру, – добавила она. – Заходи.

…Та первая тренировка наедине с Нэдой, в пустом зале была только выяснением его возможностей. Он прошел ее совсем позорно, как мог бы пройти в прошлом, как нетренированный человек, каким и оставался в душе. Нэда спокойно смотрела на все его попытки взобраться на четырехметровую стену, абсолютно гладкую, а потом буквально взлетела на нее одним прыжком. Оседлала, свесив стройные ноги, и усмехнулась. Саид тогда, помнится, тихо зарычал, едва не высказав обиженное: «Ну ты же прятка!» – как внезапно понял: они теперь равны.

А дальше ему показали границы его новых возможностей, научили не бояться боли и блокировать ее, научили, что своему телу можно доверять и можно его слушаться. Или же наоборот – приказать ему, и оно сделает.

Катализатор – суть дыхания прятки, маслянистая жидкость, что ползла по трубкам, от затылка к носу, – оказался свежее горного воздуха. Он бодрил – едва вдохнешь поглубже. И хватало его на несколько дней, но Нэда сразу приучила Саида к тому, чтобы он получал катализатор, едва запас достигнет половины.

И это поразило Саида до глубины души. Все прятки верили в Милостивого Владыку, знали его постулаты и, без сомнений, были готовы принять его решение или решение одного из прелатов. И Мутабор доверял им. Доверял своим воинам. Никто не держал боевых генавров на коротком поводке, никто не следил за ними – не считая моментов, когда они были нужны на посту. Никто не шантажировал воинов катализатором. Эта жидкость была для всех сразу просто стимулятором, дыханием и способом всегда ощущать себя частью чего-то большего.

Оказавшись, наверное, первым человеком, который мог наблюдать и чувствовать пряток изнутри, видеть изнутри Мутабор настолько открыто, Саид поражался тому, как мало на самом деле вовне понимали, что такое Храм Истинной Эволюции. Потому что если бы кто-то знал, как все устроено за высокими стенами кварталов храмовников… он бы просто попытался все это уничтожить.

Мутабор был непобедим. В Мутабор не было шпионов и предателей. Те, кто когда-то был заброшен сюда, приняли путь или оказались мертвы. Те, кто пытался вербовать пряток, как он когда-то, обещая свободу от катализатора, не понимали – генаврам не нужна свобода, потому что они свободнее, чем кто угодно на этой чертовой планете.

Это было тем, что тянуло Саида смириться со своим новым положением, с тем, что он теперь больше не человек. Ему оставалось только убедить свое тело, что на самом деле оно может намного больше, чем он привык думать.

И Саид тренировался. Ему нравилось, что он с каждым днем становился сильнее. Что он мог сделать то, что ранее никогда не умел и даже не мог помыслить об этом. Пробежать тридцать километров за смехотворно маленькое время, после этого сразиться с пятью вооруженными противниками и как завершение – пройти полосу препятствий с водой, пулями, огнем и барьерами, едва-едва запыхавшись.

А Нэда… Он никогда не задумывался, да и она не говорила, кто она такая на самом деле. Да, прятка. Да, сильный боевой генавр. Но, оказывается, она командовала целым отрядом таких же пряток и ее уважали и любили. Нэда была лучшей среди них. Она была более быстрая, более сильная, более умелая, чем любой в ее отряде. И каждый стремился догнать командира, чтобы быть не хуже.

И что особенно удивляло Саида – тут не было места злобе и вражде. Здоровое соперничество, желание показать, что ты – лучший, яркое стремление к совершенству – этого хоть отбавляй. А вот зависти он не почувствовал ни разу.

Однако ночами, когда Нэды не было рядом, Саиду снилось прошлое. Он ходил в Университет. Он встречал отца с работы и спрашивал, как дела в Корпорации. Ему нравилось сидеть с ним за одним столом, ужинать и беседовать об опытах, о фармакологии или спорить насчет какой-нибудь новой статьи в профильных журналах. Чем больше Саид учился, тем больше он понимал. И тем интереснее были разговоры с отцом…

Сны начинались по-разному, но всегда с обычной жизни, в которой он был студентом. И… человеком. А заканчивались одинаково – на его лице появлялись трубки с катализатором, и во взгляде отца был ужас.

И призывы бежать, освободиться, помочь разработать формулу для дыхания. Все это повторялось теми же словами, которыми сам Саид когда-то уговаривал Нэду.

И в этих снах он всегда соглашался уйти.

…Шестая неделя пребывания в Мутабор для Саида началась с

того, что Нэда, проснувшись рано утром, разбудила его поцелуем. Потом, ласково мурлыкнув, обняла его.

– У тебя сегодня очень интересный день. В полдень заступишь на пост охраны. Внешней охраны.

– Я? – До этого Саид блаженно щурился, памятуя, что до подъема еще полчаса и можно лениво просыпаться, а тут резко подскочил. – Но я разве готов?

– Я считаю, что готов. В конце концов, там нет ничего сложного. Просто охранять. На нас не нападают.

Саид потер глаза и лоб, как делал, когда волновался, потом кивнул:

– Как скажешь, – он лег обратно, обнимая прятку. – А ты сегодня куда?

– Я останусь в анклаве – у меня небольшое задание.

Она мягко погладила его по груди, успокаивая:

– Все будет хорошо. И там будут прятки из моего отряда, а значит – за тобой присмотрят и подскажут, что делать.

Саид чуть приподнялся на локте и накрыл губы девушки своими, прошептав за мгновение до того:

– Я верю тебе…

Луна

Каждый искал по-своему. Следователи аккуратно опрашивали студентов – под разными, совсем не ведущими к истинной цели поиска предлогами. Дознаватели изучали личные дела и прочее. Петр, впервые за все время своей двойной жизни, воспользовался «дополнительным каналом» получения информации. Он запросил Ассоциацию и, по сути, попросил некоторой помощи. В конце концов, поставщики биоресурсов не менее заинтересованы в наличии здоровых тел для покупателей. Разговор с координатором состоялся у Карповского через полчаса после выхода из офиса СБА, и он остался доволен итогами.

Ему дали разрешение использовать своих осведомителей для сбора нужной информации, и он подключил и их к поиску кого-нибудь, мало-мальски знающего о новом наркотике.

Идея о некоем отборе до сих пор не давала Петру покоя. Он понимал, что у него нет ничего, говорившего о ее правильности, но интуиция подсказывала – он на верном пути. Ведь если понять, какова итоговая цель создателя наркотика, можно выйти на него самого.

Идеология, взгляды, мелкие оговорки и жесты – все это отражается в окружении человека. Все его поступки и слова – их кто-то видит, кто-то может запомнить и случайно оброненную

фразу, и какие-то действия. Защититься от этого можно, только если ты знаешь, что нужно скрываться, и хочешь скрыться. На полноценное сокрытие части своей жизни – чтобы никто по обрывкам ниточек не понял, что скрывает личность, – правда, способны немногие. Для этого необходима невероятная сила воли и умение владеть своим лицом.

Карповский рассчитывал, что не так уж много студентов способны скрыть свои увлечения наркотиком. А двое-трое из них на допросе точно раскроются. Оставалась сложность в виде мамочек-папочек, которые не позволят увести свое чадо на допрос без видимой причины. Даже если отсечь часть тех, кто прибыл из государств и за них не будут вступаться, – остается приличное количество детей богатых каперов. Просматривая дела студентов, все дознаватели сразу машинально откладывали в сторону те, которые принадлежали выходцам из анклава. Эти – в группе риска. Им меньше придется терять в случае зависимости.

Петр оглядел списки, выбрал среди них не отработанные другими и глянул на распечатку списка студентов, вероятнее всего подсевших на новую «дурь», от своих осведомителей. Список был не очень большой. Порядка сорока человек. Карповский отметил нескольких и подал запрос в медицинскую часть Университета с просьбой взять кровь на анализ у некоторых студентов…

И стал ждать результатов.

Пока ждал, отправил первый краткий отчет Цодокову, добавил туда список от своих осведомителей, убрав для проформы пару имен и добавив из списка неотработанных.

Первое сообщение пришло через пятнадцать минут – это был ответ Дмитрия. Он дал разрешение на проверку всех на наркотики. Также дал санкцию на передачу основных симптомов и показателей крови медпункту Университета. Петр отправил информацию вдогонку к просьбе взять кровь, присовокупил все четыре десятка имен и сообщение, что он подъедет в течение получаса.

Одевшись, спустился в гараж за мобилем.

Университет встретил Петра хмуро и неприветливо. Он словно ощетинился кустами, деревьями и даже травой на клумбах. Возможно, просто Карповский никак не мог забыть события почти трехмесячной давности. Свою ошибку, приведшую к смерти студента. Донора отличного комплекта органов…

Карповский прошелся по дорожке, заглядывая в окна корпусов. Сегодня он явился сюда по своей «балалайке» и даже без легенды. Просто поприветствовал охрану на входе, сказав, что у него дела.

Медпункт он нашел довольно быстро – даже не подглядывая в схему «балалайки» – и, поднявшись на восьмой этаж на лифте, на короткое мгновение задумался. Ведь ему придется вывести на чистую воду студентов и сделать это так, чтобы они сами выложили нужную информацию. И все здесь, в Университете. Несмотря на данные Цодоковым полномочия, Петр не хотел куда-то вывозить студентов. Шум пойдет, слухи ненужные…

Значит, надо постараться сделать все аккуратно.

Когда он вошел в медпункт, его ждал доктор Салазар, с которым он общался по поводу анализов, и несколько медсестер. Петр поприветствовал их и сразу перешел к делу:

– Как результаты?

– Из тридцати двух проверенных студентов у тринадцати мы обнаружили в крови следы наркотика. Но если бы вы не сказали, что искать, мы бы не заметили столь незначительные отклонения от двух параметров.

– Вы определили только по ним? – сразу уточнил Карповский.

– Заметили это, а потом проверили уже по остаткам продуктов распада наркотика, – кивнул врач. – Вы будете беседовать тут или заберете их с собой?

– У вас есть отдельный свободный кабинет? Я бы побеседовал там. Перешлите мне результаты. И я вам назову имя того, с кого хотел бы начать. Они в курсе, на что их проверяли?

– Нет, – ответила одна из медсестер. – Им сообщили о выборочной проверке, которая у нас иногда производится. Мы же заботимся о своих студентах.

– Подозрений это не вызвало? – уточнил Карповский. Он получил файл на «балалайку» и переслал медикам СБА. Теперь ждал от них решения – кто из ребят позднее всех принимал «дурь».

– Нет, тем более что они все с разных курсов и факультетов.

Дознаватель кивнул. Он до сих пор не мог понять – что именно объединяло этих студентов. Почему именно они начали пробовать наркотик? Впрочем, после беседы все прояснится. Пришло сообщение. Короткое, с именами трех студентов – две девушки и один парень. Петр, подумав, выбрал одну из дам.

– Я хочу поговорить с Лилиан Стагев. Проводите меня в кабинет и попросите ее туда зайти.

Доктор Салазар кивнул одной из медсестр, и женщина, мило улыбнувшись дознавателю, предложила пойти за ним.

Лилиан Стагев оказалась высокой, ослепительно красивой брюнеткой с яркими зелеными глазами. Она вошла в кабинет, огляделась задумчиво и, увидев Петра, улыбнулась.

– Добрый день. А вы кто?

Петр улыбнулся в ответ, предложил ей сесть в кресло рядом со столом, за которым он расположился. Ему не давал покоя вопрос: «Чего же тебе не хватало? Чего не хватает в этой жизни, если ты закидываешься наркотиком?»

– Я Петр Карповский, дознаватель СБА.

Ее проняло сразу же. До этого уверенная в себе, спокойная, несколько высокомерная, она как-то сразу съежилась, испуганно взирая на мужчину перед собой.

– Зачем вы здесь?

Петр покачал головой:

– Вопросы здесь задаю я. А вы – отвечаете. Ясно? – Он не повысил голос, только чуть изменил тон, делая его из доброжелательного холодным. Нет, он пока не угрожал, и даже не допускал тень угрозы, но четко обозначил границы их общения.

– Ясно, но я ничего…

– Помолчите, – и вновь Петр не позволил себе даже тени угрозы, но Лилиан поспешно закрыла рот, только кивнув. И дознаватель продолжил: – В вашей крови наркотик. Новый наркотик, убивший за месяц восемь человек. И целый месяц мы пытаемся выйти на распространителя. К сожалению, только сейчас наши врачи закончили изучать эту «дурь» и смогли предоставить нам возможность найти тех, кто на этой гадости сидит. И вы – одна из них. По моим данным, вы принимали эти таблетки шесть-семь раз. Это так?

Лилиан молчала. Петр не смутился.

– Вам двадцать лет, вы в самом начале жизненного пути… И зачем вам наркотики? Просто скажите – зачем?

Она дрогнула, но, опустив голову, продолжала молчать.

Дознаватель пожал плечами, откидываясь на спинку кресла и вызывая на наноэкран досье девушки. Пробежался взглядом по медицинским показателям и чуть вскинул бровь.

– У вас ведь есть аллергия на клубнику. Верно?

– Да, есть… – Она ответила, потому что удивилась вопросу.

– Наркотик убивает аллергиков. Вы об этом знаете? На восьмой-девятый прием.

– Почему аллергиков? – кажется, ему удалось ее зацепить. Она теперь не сводит напряженного взгляда с его лица. И пытается понять – врет он или нет? Ей кажется, что нет, и она начинает бояться.

– Не знаю. Но в какой-то момент наркоман чувствует спазм, не может вдохнуть – это просыпается парааллергия, а в следующий момент наркоману хочется продолжить летать в сладких грезах и он залпом проглатывает все имеющиеся у него

таблетки. Никто из вас не знает, что надо убирать коробку от себя подальше. А если и знает… Третий и шестой труп, до того как стать собственно трупами, в наркотическом бреду перерыли свое жилище, но таблетки нашли. А пятая жертва, девушка вашего возраста, не нашла наркотик – у нее его просто больше не было – и потому закинула в рот все лекарства, что нашла дома.

– Правда?

– Ну а зачем мне врать? – удивился Карповский. – Мне нужно найти того, кто раздает эту дрянь, и оградить таких, как ты, детей от сладостной эйфории смерти.

– Я приняла только четыре раза. Я… не умру?

– Ну, пока вы живы, а если не будете больше принимать, то и не умрете. Но…

– Но?

– Кто-то другой может умереть, – закончил Петр. Он продолжал спокойно, но уже теплее смотреть на Лилиан, а внутри удивлялся – редко когда бывает, что так везет. Но спокойно – это еще не везение. Это только начало. Девушка еще не сказала, где она брала таблетки…

– Ну… они же сами знают, что делают.

– А вы знали? – Карповский чуть приблизился к ней. – Вы знали, что вы в паре шагов от смерти? Скажите, где вы брали эти таблетки? И сколько их осталось у вас?

– Мы их… сами делали. – По лицу и по глазам Петр видел, что она не врет. Но как? Сделать наркотик дома? И они начали, и они делали?

– Расскажите мне все, – попросил дознаватель, и теперь его голос стал мягким и доверительным. – Расскажите мне все, Лилиан.

…После беседы с Лилиан Стагев Петр отказался беседовать с кем-либо еще и попросил девушку ничего не говорить другим студентам. Важно не упустить момент, не упустить того, кто заварил эту кашу, убеждал он несостоявшуюся наркоманку и, похоже, убедил.

А после остался один – подумать. Осознать.

«Балалайка» сообщила о вызове, и Карповский ответил:

– Слушаю.

Дмитрий Цодоков, появившись на наноэкране, сразу начал с места в карьер:

– Когда у тебя будут распространители?

Петр поморщился.

– Не будет. Нет распространителей. Точнее, есть… Еще точнее – одна. Она же создатель, и она делилась некоторыми… соображениями с остальными. Чуть помогала. Но она не

распространяла наркотики.

– Не понимаю.

– Я собираюсь поговорить с ней и прояснить ситуацию. Я могу пока что сказать только то, что они сами готовили таблетки. Каждый сам себе.

– Вот как… – Цодоков помолчал. – Хорошо. Поговори тогда с этой «создательницей» и сразу ко мне с докладом.

Дознаватель отключил связь и встал, подходя к окну. Вызвал на наноэкран расписание нужной группы. Еще несколько минут помедлил, а потом направился к выходу. У него есть как раз пятнадцать минут, чтобы спокойно добраться до нужной аудитории.

Чем ближе было здание, в которое он направлялся, тем все меньше Петру нравилась идея просто поговорить. Возможно, формально там не будет никаких шансов сразу надеть наручники на студентку, но как же ему хотелось это сделать…

Карповский остро помнил, как его родители в какой-то момент начали употреблять какой-то модный тогда наркотик. Как за полгода счастливая семья стала похожа на ад. Как ему, семилетнему мальчишке, отец пытался вколоть в руку эту дрянь, чтобы «сынок словил кайф». И как он вырвался из его скрюченных пальцев и сбежал из дома, направившись прямо в патруль СБА. И попросился в детский дом. И с тех самых пор отношение к тем, кто связан с наркотиками, у него было особое. Он их убивал, когда выдавалась возможность.

Студенты хлынули из аудитории, а Карповский, дождавшись, пока в дверях покажется нужная девушка, скользнул к ней:

– СБА, нам необходимо побеседовать.

Она окинула его взглядом – с головы до ног – и кивнула:

– Пойдемте.

Петр направился к достаточно неприметному углу в другом конце коридора и, когда она остановилась рядом, сказал:

– Вы слышали что-нибудь о новом наркотике на территории Университета?

Девушка пожала плечами. Ее звали Мария Назарова. У нее был высокий лоб, красивые скулы, пухлые губы, которые, впрочем, не портили ее. Рыжие волнистые волосы странно смотрелись рядом с черными глазами. Петр сравнил ее с фотографией в досье и понял, что фотография вовсе не отражает реальность… В досье у нее был открытый невинный взгляд и смущенная улыбка. А сейчас черные глаза изучали самого дознавателя, разбирали по косточкам, почти не хуже, чем он сам мог это проделать с другими. Не дождавшись ответа, Петр принял решение:

– Вы пойдете со мной.

– Нет, – очень спокойно возразила Мария. Она отступила на шаг от Петра и улыбнулась. Холодно, равнодушно, спокойно. – Я никуда с вами не пойду. Я не сделала ничего плохого.

– Вы уверены в своей невиновности?

– Разумеется, так же, как вы в своей, – отозвалась девушка. – Приходите ко мне с ордером или любым другим документом, и тогда поговорим. А сейчас я пойду – у меня еще лекция.

Дознаватель не стал ее сейчас задерживать. И стоял, глядя ей вслед. Его что-то очень сильно настораживало в этой красавице. Не считая того, что она, как оказалось, прекрасно умеет владеть собой.

Но что именно – он сразу не понял.

Петр связался с оперативниками и следователями и попросил установить слежку за девушкой. А потом поехал на доклад к Цодокову.

…Вышедший от Дмитрия дознаватель почти сразу запросил местонахождение Марии Назаровой и, получив неожиданный ответ, что она направляется на своем мобиле в квартал Мутабор, кинулся следом. Ему не повезло, девушка оказалась принята храмовниками до того, как Петр успел ее перехватить. Ему осталось только подойти к тем же дверям, разглядывая молодого прятку, и попытаться как-то выяснить, зачем Мария приезжала и в первый ли раз. Прятка, чье лицо было скрыто под маской, отвечал, как-то странно его рассматривая.

Дознаватель в какой-то момент даже замер и открытым текстом спросил, что же он там видит необычного. А парень только хмыкнул в ответ, словно полностью теряя к нему интерес, и предложил подождать девушку снаружи. Потом сам окликнул Петра, спросив, что же такого в этой студентке, что даже офицер СБА примчался за нею. Карповский в ответ сослался на тайну расследования и вернулся к своему мобилю – ждать.

…Пока он ехал к Дмитрию, он тщательно изучил досье Марии и понял, что же его так насторожило. Помимо того, что она превосходно владела собой, у нее был просто отличный актерский талант. И она легко примеряла на себя любую роль. Но крайне неохотно показывала истинный характер.

Отличница, красавица, активистка, участвующая в научной и светской жизни Университета, получающая высокую стипендию. Такой она была, и такой видели ее преподаватели. А вот однокурсники знали ее как жесткого, авторитарного лидера, собравшего вокруг себя компанию, состоящую из парней, готовых ради нее на все. Она могла прогнать кого-то, и он покорно уходил, пока Мария снова не звала его к себе, чтобы он мог

носить ее сумку, водить по ресторанам и магазинам. Однако ни с кем из «свиты» Назарова не была замечена в интимных отношениях. Девушка использовала всех знакомых ей мужчин расчетливо и умело. Было в этом покровительстве и что-то хорошее – всех своих любимцев, между прочим с различных факультетов и курсов, Мария заставляла учиться на «отлично» и рвать жилы ради этого. И ни один из них не употреблял наркотики. Очень косвенная улика… Но, тем не менее, хоть какая-то.

Чем больше Петр о ней узнавал, тем сильнее ему хотелось вывести девушку на чистую воду. Но по досье у нее не было никаких предпосылок создавать наркотик, а визит в Мутабор, даже после разговора с ним, – не доказательство. Странным было только то, что она так в открытую отправилась туда. Она же не могла не понимать, что за ней установлена слежка? Значит, то, что кто-то знает о ее связях с Мутабор, девушку не волнует. Это может означать что угодно. Прицепиться не к чему. Слова Лилиан являются достаточно важной информацией, но без каких-либо доказательств – это просто слова. Ничего более…

Сидя напротив въезда в Мутабор, Петр быстро переставил «балалайки» и связался с особо доверенным человеком из Ассоциации. Ему были нужны доказательства прямо сейчас и без разрешений. Он не видел, но знал, что спустя пятнадцать минут после того, как ему сообщили, что «заказ» принят, в квартире Назаровой оказался неприметный человек в наномаске, который быстро и очень умело провел обыск.

Результаты обыска очень обрадовали Петра. Он поздравил себя с тем, что нащупал нужную нить, и осталось по ней аккуратно, шаг за шагом, распутать весь клубок.

И как раз в этот момент в дверях, спустя два с половиной часа после входа в Мутабор, показалась Мария Назарова. Карповский вышел из машины, направляясь к ней, одновременно отправляя запрос на проведение официального обыска в квартире студентки, но замер.

Рядом с Назаровой шли двое пряток. Они ее охраняли.

Солнце

Первые пятнадцать минут было страшно. Саид боялся не нападения кого-то на пост или весь Мутабор, он боялся, что просто сделает что-то не так. В себе он был уверен. То, что еще полтора месяца назад приводило его в ужас, теперь было легче легкого. Он и сам бы мог легко раскидать вооруженных черенков, которые когда-то на него напали.

А вот через несколько часов стало откровенно скучно. Саид попробовал себя развлечь прорабатыванием формулы катализатора, которая – теперь он знал – была верной, но никогда бы не заменила Нэде настоящей жидкости. Поскольку было еще то, что делало катализатор именно дыханием, что могло дарить жизнь, наполняя легкие прятки живительным кислородом. И это было настолько чуждым стандартной науке, что далеко не сразу Саид сам поверил, будто существо, похожее на небольшого хамелеона, безо рта и глаз, с одной уродливой ноздрей и дыркой… самой натуральной дыркой в боку, преобразует то, что сумел сделать химик, в то, что не способен сделать никто.

До этой технологии, до этой тонкости не могли додуматься лучшие умы Корпорации. А еще Саид теперь знал, что храмовники используют синдин. Зачем и для чего, он не понял. Но однажды свернул не в ту комнату и тут же отчетливо почувствовал, как в ноздри закрался знакомый тонкий аромат – как всякий любознательный химик, знакомый с машинистами, он уже знал этот запах. Правда, никогда не пробовал наркотик, но определял его безошибочно.

Зачем Храму Истинной Эволюции синдин? Для машинистов, что ли?

Мысли об этом в какой-то момент заставили Саида отвлечься от наблюдения, и он со стыдом очнулся в тот момент, когда его напарник разговаривал с невысокой красивой рыжеволосой девушкой. Саид моргнул, обругав себя, а в следующее мгновение узнал ее. И порадовался, что на нем маска.

Подошел чуть ближе, прислушиваясь к разговору прятки и человека:

– Мне нужно пройти и поговорить с кем-либо, кто может принимать решения.

– По какому вопросу? У нас есть достаточно лавок, в которых вы можете выбрать себе замысловатого питомца на свой вкус, – прятка говорил спокойно, но Саид чувствовал, что он неприкрыто издевается над девушкой. Он и сам начал постепенно перенимать легкое презрение к людям, к тем, кто не способен понять, что означает Путь Истинной Эволюции… А сам он что, получается, уже способен? Саид запнулся на своих же мыслях и снова вслушался в диалог.

– Мне есть что предложить в обмен на защиту.

– Тебе нужна защита? – теперь удивился даже напарник Саида. Девушка кивнула.

– Да, нужна, пропустите. И дайте поговорить с тем, кто может принимать решения, – повторила она.

– Останься здесь. – Прятка посмотрел на Саида и велел

девушке следовать за ним. Саид снова замер, оглядывая местность.

Защита? Почему одной из лучших студенток Университета внезапно понадобилась защита?

Любопытство его измучило, а напарник все не возвращался. Саид не мог покинуть пост, хотя его подмывало хотя бы как-то попытаться узнать – куда проводили нежданную гостью? И зачем она пришла? Мысли Саида прервал подошедший к дверям человек. И его прятка тоже узнал.

Пятиминутная беседа всколыхнула в Саиде воспоминания, которые он пытался забыть. Как именно этот самый человек закрылся профессором и как даже не сделал попыток удержать самого Саида от нападения. Из-за него Саид очутился под пулями. Из-за него оказался здесь!

Прятка чувствовал, что еще немного, и он сам попытается заговорить с до сих пор незнакомым ему мужчиной. Но едва он собрался сделать шаг, как вернулся напарник и сказал, что Саида ждут внутри. И это срочно.

Саид удивился, но не подал виду, уходя в глубину здания. И на полпути он заметил любимую женщину. Именно она его и ожидала.

– Пойдем.

– Что случилось?

– Ничего. – Нэда чуть пожала плечами. – Просто тебе изменили задание. Такое тоже бывает.

Саид кивнул, идя чуть позади девушки, откровенно любуясь ее стройным соблазнительным телом. Нэда привела его в небольшое помещение, круглое, без единого предмета мебели и с выкрашенными в черный цвет стенами. Спустя мгновение туда же зашел прелат.

Саид только слышал о них, но даже находясь в одних стенах с высшими иерархами Мутабор, он ни разу еще их не видел. Но знал и подглядел у Нэды, что прелату следует поклониться. Саид опустил голову, при том все еще рассматривая по памяти ту картинку, которую удалось поймать, пока он не опустил глаза.

Худощавый, невысокий, субтильного телосложения, прелат при этом внушал трепет молодому прятке. И черные, навыкате глаза заставляли признать главенство этого существа. Не подвергая сомнению.

– Нэда, – прелат обратился к командиру отряда, и она посмотрела на него в ответ. – К нам пришла девушка просить защиты. Мы эту защиту ей предоставим. Ты и Саид проводите ее в Шарик. Там ее будут ждать двое наших воинов – они сопроводят ее дальше.

– От кого мы будем ее защищать? – позволила себе уточнение Нэда. Прелат некоторое время молчал, потом ответил:

– От всех, кто захочет ее у вас забрать. Она должна быть в Сингапуре в ближайшее время. Задача ясна?

– Да, досточтимый.

Когда прелат покинул их, Саид посмотрел на Нэду.

– Почему я?

Прятка снова пожала плечами, протянув ему оружие.

– Не знаю. Возможно, потому, что ты уже достоин.

– Достоин? Достоин чего?

Отвечать Нэда не стала. Она показала ему условный знак «тихо!» и вошла в одну из комнат, где сидела девушка, которая искала защиты. Похоже, она ее нашла.

– Пойдем. – Нэда обратилась к ней, и Саид поймал себя на мысли, что сейчас его любовница выглядит на редкость холодно и отстраненно. И именно сейчас ему это помогает собраться и серьезно отнестись к заданию. А то, что, возможно, придется драться, показать, на что он способен… он уже понял.

– Меня зовут Мария, если вам еще этого не сказали. – Рыжеволосая красавица спокойно поднялась с удобного кресла. – Вы будете меня сопровождать?

– Да. Мое имя Нэда. Это – Саид. – Прятка направилась в коридор и там быстро пошла вперед, выводя их наружу, к дверям, за которыми где-то маячил тот самый без.

– Хорошо, я запомню, – кивнула Мария. Она снова чуть высокомерно оглядела пряток и пошла вслед за Нэдой. Саид молча шел замыкающим, раздумывая, что их ждет за дверью.

То, что этот без – хладнокровный убийца, он знал. И что без будет искать способ убить Марию – тоже. Вероятно, она просила защиты именно от него. Если он выстрелит – встанет ли прятка под пулю? И если встанет, то почему? Потому, что так приказал прелат? Потому, что защитить ее – его долг? Но почему это – его долг? Он никогда не хотел сражаться, никогда не хотел быть прятой… Но и умереть там, на мостовой, в перестрелке, он тоже не хотел – значит, он должен Мутабор и отрабатывает долг. Сколько нужно рыжих девушек отвезти в Сингапур, чтобы Мутабор вернул ему его самого?

– Мы должны охранять вас. Это значит, что ваша жизнь считается для нас приоритетной задачей. Если кто-то из нас говорит «лежать» – вы тут же, не медля, ложитесь, если мы приказываем бежать – бегите туда, куда укажем. Прикажем прыгнуть из окна, с моста, с крыши или из мобиля – вы прыгаете. – Нэда повернулась к Марии перед самым выходом из квартала. – Вы должны нам полностью доверять. Без вопросов, без

сомнений.

– А если я буду видеть другой выход из ситуации? – девушка посмотрела в глаза прятке. Нэда просто открыла двери:

– Если вы не согласны подчиняться нам, то можете выходить отсюда одна. Ваша договоренность с Мутабор будет считаться недействительной.

Рыжая помолчала, потом отвела взгляд, впервые с момента первой встречи с Саидом, признавая чужое право на лидерство, и кивнула:

– Я буду делать то, что вы скажете.

Луна

Несколько мгновений Карповский медлил, а затем оказался около Марии Назаровой. Именно в этот момент на наноэкране появилось сообщение: «Поиски распространителя наркотика отставить. Срочно всем явиться в штаб-квартиру». Короткое мгновение, пока прятки и студентка рассматривали его, дознаватель медлил. Он получил прямой приказ и уже не мог задерживать подозреваемую. Но все в нем противилось этому решению. Принцип уничтожать наркотики и наркоманов был в его крови, был одним из смыслов его жизни, и вот так просто отступить, пусть даже по приказу?

Карповский сжал руки в кулаки, а затем быстрым движением вытащил «балалайку», встал на их пути и спокойно произнес:

– СБА. Стойте. Мне нужно забрать с собой эту девушку. Мария Назарова обвиняется в распространении наркотиков, приведших к восьми смертям за последний месяц.

Женщина-прятка, идущая первой, остановилась, оглядывая Петра. Покачала головой:

– Мы не позволим вам ее забрать. Если вы хотите ее выдачи – забирайте силой или делайте официальный запрос в Храм Истинной Эволюции.

Дознаватель чуть заметно поморщился.

– Я не желаю доводить дело до конфликта. Эта девушка – убийца.

– У вас нет доказательств, – презрительно скривилась Назарова, тряхнув рыжими волосами. – Позвольте нам пройти.

– У меня есть доказательства, – спокойно возразил Карповский. – В вашей квартире найдено пятнадцать комплектов «полуфабрикатов» с инструкцией пошагового создания из них наркотика. При этом «полуфабрикаты» являются практически готовым веществом и могут быть легко идентифицированы любой лабораторией как наркотические и опасные для жизни.

Мария замерла. Саид буквально кожей чувствовал страх и неуверенность, которые охватили девушку. Но через мгновение она снова взяла себя в руки, просто проходя мимо беза. Нэда, на мгновение оказавшись между сотрудником СБА и своей подопечной, не позволила ему схватить ее. А в следующее мгновение без внезапно достал пистолет и направил его в спину Марии:

– Стоять, я сказал!

Саида вели рефлексы, привитые за недели тренировки, и личная ненависть. Он снова увидел лицо профессора Саммерса, которого прошили четыре пули, вспомнил, как больно было умирать, и бесшумно напал на беза со спины, ныряя тому под руку и выбивая из руки оружие. Следующим движением уловил того в захват, чуть сдавливая шею.

– Вы все время горите желанием убивать студентов?! У вас личный зуб на них? На Университет?!

Мужчина дернулся в его руках, но если два месяца назад Саид не смог бы его удержать, то теперь попытка вырваться была просто бесполезной.

– О чем ты? Какие студенты?

– Ты убил профессора Саммерса три месяца назад. Ты сделал так, чтобы я тоже попал под пули!

Саид произнес это и тут же прикусил себе язык. Но слово было сказано, и он почувствовал, что человек перестал вырываться. Что человек даже не смотрит теперь на Нэду и Марию. Что он явно прислушивается к его голосу, пытаясь понять, с кем имеет дело.

– Ты попал под пули? – без говорил удивленно, спокойно, располагающе, и Саид невольно поддался на эту удочку:

– Я… – Он отпустил его из захвата, продолжая держать в руке пистолет. Нэда и Мария остановились около мобиля, ожидая Саида. И сейчас человек бы точно не успел до них добраться, а потому прятка отступил на шаг, чтобы видеть его лицо. И чтобы он увидел лицо Саида, когда тот снимет маску. – Я попал под пули в той перестрелке.

– Саид? – без удивился, удивился искренне, и тем более было странно, что он знал его имя. Хотя после их встречи на химическом факультете, когда Саид наивно пытался воссоздать катализатор, не мог не знать.

– Да. По твоей милости потерял все.

– Я не убивал тебя. Меня зовут Петр Карповский. Я просто дознаватель, я работаю в СБА, ищу тех, кто нарушает закон. Тогда я выслеживал осведомителя, который сдал Ассоциации Камиллу Рут. Сейчас мне нужно забрать распространителя опасного

наркотика. Я не враг тебе, Саид.

Прятка замер. Сказанное Петром было правдой. Он видел это по глазам, чувствовал еще и как боевой генавр, который умел улавливать эмоции, чтобы опережать противника.

– Но профессор…

– Он и был наводчиком. Он сдал Камиллу, и следующей его целью был ты. И то, что случилось с тобой, меня тогда очень огорчило. Но я рад видеть тебя живым.

– По-твоему – это жизнь? – внезапно спросил Саид. Обида прорезалась в тоне, высвобождаясь и нарастая. – Это не то, о чем я мечтал. Не то, чего я хотел. И не то, чего я хочу до сих пор!

– Ну тогда позволь мне забрать эту девчонку. Позволь уйти вместе с ней, и пойдем с нами.

– У меня катализатора на трое суток.

– Но ты химик – ты сможешь его воссоздать.

– Не смогу, я… – Саид запнулся. Но ведь он знает, что такое катализатор на самом деле. Он видел, чего не хватает всем корпорациям. Он мог бы хотя бы попытаться.

– Послушай, проблема даже не в тебе, пойми. За последний месяц из-за этой твари погибли восемь человек. Она раздавала им наркотик, который они доводили до готового состояния сами и принимали. Но двадцать процентов из тех, кто принимал, получили парааллергию. Ты знаешь, что это такое? Это не слишком опасно – организм просто ловит реакцию, сходную с аллергической, но у этих жертв все было связано со спазмом дыхательных путей. А вот дальше… Дальше они не желают прекращать получение удовольствия и в итоге просто заглатывают все, что есть. А что бывает с человеком, проглотившим увеличенную в десять-двадцать раз дозу наркотика, я думаю, ТЕБЕ объяснять не надо.

– Но она могла и не знать о таких последствиях.

– Могла. Но все восемь трупов – студенты. И даже после первых смертей она раздавала «полуфабрикат». Отдай мне ее. Она – преступница.

Саид нахмурился.

– Но у меня есть приказ. Мы должны доставить ее домой и не отдавать никому.

– Я не знаю, почему Мутабор покрывает ее, но она – убивает. Убивает твоих ровесников. И будет убивать дальше – если не она, то кто-нибудь другой. А так мы сможем найти того, кто производит эту дрянь. – Петр шагнул ближе к Саиду, глядя в его глаза. – Пожалуйста, помоги мне. И я найду способ помочь тебе.

– Прелат…

– Да к черту твоего прелата! – зарычал Карповский. – Он

покрывает наркоторговца, понимаешь. Он покрывает того, кто убивает!

Тонкий запах синдина в комнате…

– А если ты не прав? И ее просто подставили?

– Она отдает себе отчет в своих действиях. Она сбежала. Но я ее опередил. Кто тебе важнее – люди или Мутабор?

«Черные непроницаемые глаза прелата без белков. Взгляд существа, которому хочется довериться…»

– А если она просто не знала, что препарат убивает?

– Хватит. Просто скажи, кто тебе важнее. Кто? Люди, твои однокурсники, или Мутабор? Ты уже стал одним из них или ты до сих пор человек?

Саид закрыл глаза. Душу рвали сомнения. Рвали на части так больно, что эта боль не давала дышать. Прятка поднес к лицу ладонь, глядя на нее, рассматривая свои новые сильные пальцы. Внешне они не изменились, но мышцы стали выносливее… Но это было не главное. Пуля отобрала у него жизнь. Мутабор дал взамен что-то иное, не похожее на то, что его окружало раньше. Ему не оставили выбора, его избивали, чтобы наглядно показать, что теперь может выдержать его тело, ему ломали кости, чтобы он научился терпеть боль, его научили убивать и защищаться. Его поставили перед фактом, что он теперь – слуга Милостивого Владыки и Его слово для Саида – закон. И слово прелатов. Его поставили перед фактом, что он более не свободен в своем выборе.

И вместе с тем показали, что есть что-то важнее мелких свобод. Есть что-то важнее общения в Университете с сокурсниками, пьяных вечеринок, гулянок до утра… Он увидел невероятное единство всех в Храме. Это не была секта, это было взаимопонимание и глубокая, невероятная вера в тех, кто находится где-то на недосягаемой для рядового прятки вышине.

Они называли это доверие так – Путь Истинной Эволюции. Они шли по этому пути, доверяя свою жизнь прелатам. А прелаты доверяли им в ответ – не перепроверяя, как выполняется приказ. Не контролируя на каждом шагу.

Нэде позволяли встречаться с ним. Нэда защищала его и договорилась об укрытии в Мутабор, когда он попал в беду.

Так с кем он теперь? Чье слово для него станет самым важным в жизни? Милостивого Владыки, который может приказом послать на смерть, и Саид подчинится, потому что «Такова Его воля»… Или учителей, отца, СБА, директора Корпорации, где он будет работать?

Человек или прятка?

– Ну! – Петр нетерпеливо шагнул в сторону мобиля, и Саид

внезапно взял его за плечо. Не угрожая, не сдавливая, не причиняя боли – просто твердо удержал на месте.

– Нет.

– Что «нет»? – не понял дознаватель.

– Я не отдам тебе ее. И лучше – не мешай.

– Почему? – Карповский был ошарашен и не скрывал этого. Он до последнего верил, что Саид выберет его сторону.

Прятка надел защитную маску и спокойно посмотрел на человека:

– Потому что это мне приказал прелат. А он не может ошибаться, и если он сказал защищать ее от всех – значит, это правильно.

И он побежал к Нэде, знаком показав, что все в порядке, можно ехать.

Солнце

Когда Саид оказался на сиденье рядом с Марией, Нэда сразу же отъехала от стоянки. Некоторое время в салоне была тишина – и прятка изредка поглядывала на Саида, пытаясь понять, что он чувствует. В его костюме был небольшой передатчик – для координации пряток во время боевых действий. И весь разговор Нэда слышала.

Маска скрывала счастливую улыбку прятки, но в душе девушка была напряжена – что, если Саид уже сожалеет о своем выборе? Взгляд любимого мужчины ей не удалось ни разу поймать с того самого момента, как тот оказался в мобиле. Саид хмурился и все чаще посматривал на Марию.

А Назарова чувствовала внимание прятки и в конце концов не выдержала:

– Почему ты так на меня смотришь?

Саид помедлил, а затем прямо спросил:

– Ты делала наркотики? И раздавала их в Университете?

Мария прищурилась:

– Тебе какое до этого дело?

– Тот без хотел тебя арестовать. Но ты под нашей защитой, и мы защищаем тебя, потому что Мутабор гарантировал тебе безопасность. – Прятка смотрел в глаза девушки. – Он говорил, что ты убивала студентов. Тем наркотиком, который сама создала. Или не сама…

– Сама. – Девушка не стала отводить взгляд. – Сама создала и сама начала распространять, если тебя интересует именно это.

Нэда хотела приказать Саиду замолчать, но потом осознала, что сейчас ее подопечный либо окончательно станет одним из

адептов Храма Истинной Эволюции, либо подпишет себе смертный приговор. И прятка, несмотря на то что сердце замерло в страхе, не стала вмешиваться.

– Да, это. – Саид кивнул. – Почему прелат согласился тебя защищать?

Мария несколько мгновений молчала. Потом коснулась пальцем груди прятки:

– Ты – идеальное существо, созданное для убийства и защиты. Созданное для боя. Ты – машина, которая умеет думать самостоятельно. Чувствовать. Решать. Сомневаться. Ты – идеален сам по себе, и несмотря на то что твое дыхание в этих двух тонких трубочках, ты все равно свободнее всех окружающих. Я – дочь своих родителей, и у меня редчайшее в настоящее время сочетание генов – я почти идеальна как человек немодифицированный. Мой наркотик – это не способ заработать и не способ кого-то убить. Мой наркотик – это лакмусовая бумага для определения таких же, как я, людей. У меня нет доступа к генетическим банкам, я не могу увидеть генетические карты других и определить, кто из окружающих меня может оказаться так же человеком без изъянов. Я создала вещество, которое, по мере употребления, различными способами отсекает несоответствия идеальному коду. Побочным эффектом оказалось то, что оно убивало. – Девушка достала из сумочки пустую колбу и задумчиво на нее посмотрела. – Я не привыкла останавливаться на полпути и поэтому не стала забирать у тех, кто подсел на наркотик, их слабость. И я все еще жду результатов своего поиска – вряд ли безы сумеют обнаружить всех, кто получил исходные вещества и подробную инструкцию.

Саид не сводил с лица Марии взгляда, и Нэде казалось, что он готов кинуться на девушку. Но прятка сумел сдержаться:

– Ты так и не ответила на вопрос – почему прелат согласился обеспечить тебе охрану, а не вышвырнул за ворота Храма?

Назарова чуть пожала плечами:

– Разве это не очевидно? Я – человек, который может стать будущим всего человечества. На меня мой наркотик не действует. Он так создан, что от него не получает кайфа тот, кто обладает моим сочетанием генов. Кто-то идеальный.

Саид вскинул бровь:

– А разве это так нужно Мутабор?

– Спроси у своего прелата, прятка. – Мария положила колбу обратно в сумку и глянула в окно. – Мы почти приехали. У тебя еще есть ко мне вопросы?

Он только покачал головой, отворачиваясь. Нэда кожей чувствовала, что Саид снова оказался перед нелегким выбором, и

ожидала его решения – насколько он сумел принять философию Мутабор. Сумеет ли преодолеть собственные сомнения, сумеет ли довериться сейчас и навсегда или будет исходить прежде всего из собственного понимания ситуации?

Прятка остановила мобиль на стоянке и вышла первой. Дождалась, пока Мария окажется рядом, а позади нее возникнет Саид, и направилась к другой паре пряток, стоящих у лифта.

«Передача» прошла буднично, и девушка, не глядя ни на Саида, ни на Нэду, последовала за новыми телохранителями. Саид снял маску, повертел ее в руках, чуть кривя губы, а затем посмотрел на любимую.

– У тебя никогда не было сомнений в том, что прелаты и Милостивый Владыка всегда поступают правильно?

Нэда покачала головой:

– Никогда.

– Даже сейчас нет? – Саид говорил задумчиво, отстраненно, и Нэда именно сейчас никак не могла понять, что же у него на душе.

– Даже сейчас.

Прятка закрыл глаза:

– Знаешь, я вот там, когда говорил с этим безом, доверился своему чувству. Доверился тому, что я видел, когда тренировался, когда общался с вами всеми. Доверился вашему единству и вере. Но ведь нельзя просто принимать все на веру, нельзя, не понимая ситуации, делать шаг вперед или подставлять себя под пули! Нельзя бросаться со скалы только потому, что так приказал прелат. Эта девушка убивала ради своей странной цели. И я не понимаю, почему ее не отдали безам. Я думал, что ее оклеветали и она не делала наркотик. Поэтому я не позволил этому дознавателю приблизиться. Но он оказался прав! Я не понимаю…

Нэда коснулась пальцами его подбородка, заставляя посмотреть себе в глаза.

– Иногда не требуется понимания. Иногда требуется только вера. – Она тоже сняла маску, мягко улыбаясь. – Ты уже один раз это почувствовал, и тебе не стоит сомневаться в том, что ты чувствовал верно. Я не собираюсь ее оправдывать, но и не собираюсь судить. Ни ее, ни решение прелата, потому что прелаты и Владыка никогда не подставляют никого из нас. Если нужно умереть, значит, иного выхода не было. В Мутабор нет того, к чему тебя приучали все эти годы. В Мутабор нет и никогда не было зависти, эгоизма, самодовольства и желания выехать за счет других. А значит, в Мутабор, как нигде, можно верить ближнему. И такому же прятке, как ты, и конструкторам, и врачам, и прелатам… и Владыке. Я не уговариваю тебя сейчас,

потому что эту веру нельзя привить, ее можно принять лишь самостоятельно. Я могу только дать совет. Первый и последний, касающийся Храма Истинной Эволюции…

Саид глубоко вздохнул и накрыл губы Нэды своими, не позволяя продолжить фразу. А затем посмотрел на мобиль:

– Не надо советов, любовь моя. Для доверия советы не нужны.

Рассвет

Саид склонился в поклоне, когда вошел в помещение, в котором уже находился Афус Ренг. Прелат без эмоций оглядел молодого прятку, потом прошелся по комнате, больше не глядя на него:

– Мне сказали, что ты никак не можешь забыть ту человеческую девушку, которую вы охраняли.

– Я…

– Не лги мне, – раздраженно перебил его прелат, ровно за мгновение до того как Саид решился именно это и сделать – солгать.

– Да, не могу.

– Почему? – Афус Ренг остановился и переплел пальцы.

– Потому что она убивала. Но мне пришлось ее защищать.

Прелат издал неопределенный звук – что-то среднее между хмыканьем и смешком.

– И ты хотел бы знать, зачем ты это делал?

Саид покачал головой:

– Нет. Не хотел бы.

Прелат повернулся к нему. Его черные, навыкате глаза по-прежнему ничего не выражали, но прятка чувствовал удивление Афуса Ренга.

– Почему?

– Иногда не требуется понимания. Только вера. И доверие.

– Ты боишься, что знание убьет твою веру?

Саид улыбнулся:

– Нет, не боюсь. Я просто не хочу знать ответ.

Прелат шагнул к нему, глядя ему в глаза, спросил снова:

– Сколько ты уже в Мутабор?

– Семь недель.

– Тебе нравится?

Саид вздрогнул от самого вопроса и от того, что с момента появления в Храме его впервые спросили, нравится ли ему тут. Но задумываться над ответом ему даже не пришлось. Ответ сам сорвался с языка прежде, чем генавр осознал его:

– Здесь мой дом.

А осознав, понял – он сказал чистую правду.

Здесь его дом.

…И во сне, когда отец снова предложил ему: «Я помогу тебе, я спасу тебя! Уходи оттуда!» – он отказался.

Больше эти сны ему не снились.

Виктор Точинов
Свет над бездной

Пролог

Все началось с того, что он умер.

Он не боялся смерти, более того – хотел умереть именно так. Принять и направить поток чистой энергии, превратиться в живой ключ, открывающий путь к новому миру…

Смерть оказалась крайне болезненной. Он знал, что так будет, и терпел, пока мог. А потом умер.

Не менее болезненным оказалось посмертие. И это стало неожиданностью.

Его физическое тело перестало существовать, целиком и полностью, до последнего атома. Остался лишь отпечаток – так оставались на стенах отпечатки людей, сгоревших в пламени ядерного взрыва. Остался отпечаток личности, тень сознания, отражение эмоций и чувств…

И осталась боль.

А памяти почти не осталось… Он знал, что он есть. И больше не знал ничего.

Вокруг была пустота. Бездна, полная тьмы и боли.

Прошли века, тысячелетия, эпохи… А может быть, прошли наносекунды… Времени вокруг тоже не было. Но что-то изменилось – он понял, что не желает оставаться во тьме. И понял, что остатков пропитавшей его колоссальной энергии хватит для решения этой задачи.

Над бездной вспыхнул Свет.

Харон, перевозчик и проводник

Пришельцев было пятеро, и он сразу понял, что одному придется исчезнуть очень скоро. А остальные, вполне возможно, чуть позже позавидуют его участи. Трудно жить, когда знаешь все наперед. Но он не жил. Он просто знал. А еще должен был перевезти этих людей через Реку. Четверых.

Они увидели его и лодку, когда до берега оставалось несколько гребков – оказались слишком увлечены своим спором. В слова он не вслушивался, сразу уловив суть: речь шла о том, стоит ли возвращаться или все же двигаться берегом, пытаясь отыскать удобное для переправы место. Он знал, что первый вариант сулил всем пятерым быстрый конец, возврата отсюда нет. Но и второй немногим лучше – у Реки нет ни конца, ни начала, она течет по кругу, везде одинаковой глубины и ширины. Идти вдоль берега в поисках брода можно бесконечно.

И тут он, перевозчик. На лодке. В белом плаще.

Ну наконец-то, заметили… Мигом прервали спор, уставились изумленно. Один – рослый, плечистый – направил на перевозчика удлиненный предмет. Штурмовая винтовка, понял он, покопавшись в памяти плечистого. Это зря, для стрельбы здесь не самое подходящее место, а перевозчик – не самая подходящая цель.

Лодка быстро преодолела оставшееся до берега расстояние, но перевозчику хватило времени изрядно пополнить словарный запас и узнать имена пришельцев – и настоящие, и выдуманные, которыми они назывались, общаясь между собой. Большинство вытащенных из памяти пятерки слов не имело никакого смысла – здесь. Ничего не обозначающие последовательности звуков, а на бумаге – бессмысленные закорючки… Но пригодятся, чтобы найти общий язык с людьми у Реки. С первыми людьми у Реки, с самого сотворения Мира первыми.

Берег был низкий, нос лодки мягко ткнулся в него. Люди сделали несколько шагов назад. Перевозчик не знал, что опасного они усмотрели в его облике. Мог узнать, но не хотел. И вообще перестал интересоваться содержимым их голов. Пусть остается хоть какая-то неопределенность… Так интереснее, чем знать все наперед.

– Вы хотите попасть на другой берег? – спросил он.

На вопрос пришельцы не ответили. Здоровяк продолжал целиться в перевозчика из своей винтовки. Двое мужчин о чем-то тихонько перешептывались. Им казалось, что тихонько. Перевозчик мог бы разобрать каждое слово, но не стал

вслушиваться. После паузы к нему обратилась женщина, единственная во всей компании:

– Кто вы?

– Я перевозчик. Я могу перевезти вас, если захотите.

– Сюрреализм… – сказал мужчина по имени Раймон.

– Сколько будет стоить перевоз? – деловито спросила женщина; звали ее Стелла.

– Я не понимаю ваш вопрос.

– Мы должны будем вам что-то отдать? Чтобы попасть на тот берег?

– Отдать? Зачем? Ведь я перевозчик. Я здесь, чтобы перевезти вас. Если захотите.

– Сюрреализм… – повторил тот же мужчина.

– И давно, любезнейший, вы здесь перевозите? Многих уже перевезли?

Этот вопрос задал самый старший – не по возрасту, был он далеко не стар, но по своему положению между пришельцами. Он носил много имен. Очень много, и большую их часть употребляла Стелла… Здоровяк по имени Донован, до сих пор целившийся в перевозчика из винтовки, звал его Профом, Раймон – шефом, а тот, что стоял дальше всех от Реки и лодки, не пытаясь вступить в разговор, – господином профессором. Имя у пятого было заковыристое и труднопроизносимое – Косталиковски, но все спутники звали его попросту Кос.

– Вы первые, кого я перевезу, – ответил он честно и правдиво. – Если вы того желаете.

– Понятно… – протянул ничего не понявший Проф.

– Сюрреализм… – гнул свое Раймон.

– И сколько же времени вы нас поджидали? – сочувственно спросила Стелла. – Отчаянно скучали, наверное…

– Не скучал. Меня не существовало, пока вы не подошли к берегу.

Раймон издал невнятное междометие. Остальные изумленно молчали. Повисла долгая пауза.

– Да, мы хотим попасть на тот берег, – сказал наконец Проф. – Приступим к переправе? И, лейтенант, уберите свою пушку!

Здоровяк выполнил приказ лишь отчасти. Ствол винтовки опустился, но вновь вскинуть ее и выстрелить Донован мог очень быстро.

– Вы все не поместитесь в лодке. Кого-то одного придется оставить здесь. И большую часть вашего груза тоже.

– Не беда, – улыбнулась Стелла. – Мы не спешим. Сначала перевезете троих, затем остальных и снаряжение.

Возразить перевозчик не успел. Донован первым выразил протест против идеи своей спутницы.

– Мы не должны разделяться, – сказал он. – И не будем. Раздваиваться я не умею, одна из групп останется без охраны.

– Но послушайте, лейтенант, – запротестовал Проф, – при заданном вами условии задача не имеет решения… Ведь вы не предлагаете кому-то из нас двинуться вплавь рядом с лодкой? Учитывая неизвестный нам химический состав субстанции, заменяющей в реке воду, такой опыт может оказаться небезопасным… По меньшей мере.

– Разделяться мы не будем, – упрямо произнес Донован. – Во всем, что касается безопасности, главный здесь я.

– Волк, коза и капуста… – мрачно пробормотал Раймон.

– Вы, лейтенант, готовы пуститься вплавь? – уточнила Стелла.

– У меня есть идея получше. Поплывем мы все. А он останется.

Чтобы ни у кого не осталось сомнений, кому надлежит остаться, Донован вновь поднял винтовку и ткнул стволом в сторону лодки. И скомандовал:

– Вылезай на берег!

– Мне кажется, такой эксперимент позитивных результатов не принесет… – задумчиво проронил Проф и вопросительно взглянул на перевозчика.

Тот не стал спорить с Донованом и подтверждать сомнения Профа тоже не стал. Вышел из лодки. Проще дать им попробовать и понять, что сами они далеко не уплывут. И недалеко тоже не уплывут.

Патрик Косталиковски, лаборант и оператор ВЛК

Он чувствовал себя как человек, оказавшийся голышом на светском рауте, среди смокингов и вечерних платьев. Человек, одежда которого непонятно каким образом и по какой причине исчезла прямо на нем, испарилась, дематериализовалась…

Кос был одет, но чувства испытывал именно такие. Непонимание: что происходит? И жгучий стыд.

Он всегда лучше ладил с приборами, чем с людьми. Люди – существа странные, иррациональные и нелогичные. И совершенно непонятно устроены. Не с точки зрения физиологии и анатомии, там как раз все ясно, никаких загадок. Но что творится у людей в мозгах – темный лес. Черный ящик. Сбрендивший комп, работающий даже не по неясной Косу логике, а любой логике вопреки.

С приборами легче. Они не лгут, не ошибаются, а если показывают нечто невразумительное, тому всегда есть причина. Объективная и доступная пониманию. Десять ампер – значит десять ампер. Пять мегагерц – значит пять мегагерц. Но как и чем измерить мотивы девушки, отказывающейся от брака за три дня до назначенной свадьбы? Отказывающейся, потому что ей, видите ли, скучно? Чем измеряют скуку? В каких единицах выражается предательство?

С приборами он был царь и бог, технические неполадки ощущал интуитивно, чутьем, казавшимся многим сверхъестественным. Высшее образование Кос так и не получил, сначала мешали вечные «хвосты» по гуманитарным дисциплинам, а затем случился Катаклизм – и Университета, где он взял очередной академический отпуск, не стало. Он не расстраивался. Он смирился с должностью вечного лаборанта, на все руки мастера. Ему даже нравилось. Не всем же парить в высотах чистой теории, кто-то должен оставаться на земле и подтверждать теорию экспериментом. А руки у большинства теоретиков растут не из того места, и без помощи Патрика Косталиковски им не обойтись. Понятно, что награды, премии и портреты в учебниках – не для него. Ну и ладно, он себе цену знает, а слава – дым… Иные высоколобые за глаза называли его техническим гением, а иные, те, что помоложе, – в глаза. Тоже слава, хоть и в узком кругу.

Но здесь, в этом треклятом месте, картина мира, сложившаяся у Коса за тридцать лет жизни, пошла трещинами и

рассыпалась на куски.

Приборы не работали. Едва их пятерка покинула капсулу, тут же пошли вразнос. Одни мертво молчали, другие выдавали непостижимую ахинею… Связь с ВКЛ утратилась, хотя оставшийся наверху Крайсманн божился, что антенны капсулы способны принимать сигнал из любой точки сферы Бальди, принимать с десятикратным запасом по мощности и при любых помехах. Крайсманн соврал. Или ошибся. Антенны сигнал не принимали… И вся огромная оставшаяся наверху лаборатория, ходячим датчиком которой Кос был, осталась не у дел.

Кое-как срабатывали лишь самые простые приборы, основанные на элементарной механике и оптике. Но и им верить не следовало. Шагомер, примитивнейшая игрушка, например, показывал, что они после высадки из капсулы прошагали без малого семь километров. Семь. Километров. По внутренней поверхности сферы, диаметр которой по самым оптимистичным оценкам был впятеро меньше…

Приборы лгали.

Все, даже самые примитивные.

Кос чувствовал себя ненужным и несчастным.

На приплывшее в лодке странное существо он почти не обратил внимания. Мало ли что кажется и что видится в этом странном месте… Он верил своим глазам, лишь когда они смотрели на экран, или на индикаторную панель, или хотя бы на шкалу со стрелкой. Приборы бредить не могут. Не умеют. Значит, бредит он, Кос. И странный кормчий – всего лишь один из симптомов бреда.

Когда массивный перевозчик вылез на берег, осадка лодки непременно должна была уменьшиться. Должна была. Но не уменьшилась. Кос не удивился. Закон Архимеда и болезненный бред лаборанта Косталиковски существовали в разных измерениях. Не пересекающихся.

Повинуясь жесту Донована, он машинально шагнул в лодку. Но другой жест лейтенанта предпочел проигнорировать. Не оставил на берегу тяжеленный тюк с приборами, ни с чем из своего багажа он так и не расстался, в отличие от остальных. Происходящий бред имел начало – значит, есть вероятность, что так или иначе он завершится. Не бывает бесконечных процессов.

Донован был вынужден разжать губы и произнести несколько слов, не поворачиваясь к Косу. Смотрел лейтенант только на перевозчика. И туда же смотрел ствол штурмовой винтовки. Как ни странно, эта глупая и опасная штука здесь работала, все электронные навороты, обеспечивающие комфортную и меткую стрельбу, отказали, но сам процесс выстрела пока что происходил

исправно.

– Брось тюк, – сказал лейтенант, – лодка не выдержит. Бросай, твой металлолом никому здесь не пригодится.

– Нет, – отрезал Кос.

Он не умел и не любил говорить длинными фразами. По крайней мере с людьми.

– Утоплю, – пригрозил лейтенант.

Он не уточнил, к кому угроза относится: к Косу или багажу; но произнес ее так, что ясно было – как сказал, так и сделает. Утопит. Не раздумывая.

– Нет, – повторил Кос.

Вступилась за него Стелла. Уселась рядом, на ту же лодочную скамью, примирительно произнесла:

– Успокойтесь, Донован, никого не надо топить… Суденышко куда более грузоподъемное, чем представляется. Доплывем даже с багажом нашего друга.

Кос перегнулся через борт. Ну так и есть, закон Архимеда не одумался и не принялся за свои прямые обязанности, за регулирование привычного порядка вещей… Над водой (если это вода) по-прежнему возвышаются три доски борта (если это доски). Четыре человека и груз не увеличили осадку ни на миллиметр.

Донован пробурчал нечто неразборчивое, последним шагнул в лодку.

Перевозчик остался на берегу. Стоял неподвижно, закутанный до самого горла в свою хламиду. И, судя по очертаниям белой ткани, скрывалось под одеждой что угодно, только не человеческое тело… Голова, впрочем, ничем не поражала – каштановые вьющиеся волосы умеренной длины, чуть более темная борода, аккуратно подстриженная… Черты лица вполне правильные, но чересчур уж спокойные, без тени эмоций. Словно не в него тыкали стволом штурмовой винтовки, словно не его лодку захватили наглые пришельцы.

– Поплыли, – приказал лейтенант.

Они налегли на весла, на все четыре. Суденышко не сдвинулось с места.

Донован выругался, выскочил на берег, навалился всей массой на носовую часть, спихнул ее с песка и тут же запрыгнул обратно в двинувшуюся лодку, крикнув:

– Гребите! Навалились, дружно!

Гребцы, разумеется, из них были никудышные. Обреченные занять последнее место на любой гребной регате. И все же, если закон сохранения импульса хоть чего-то стоил, неумелые гребки должны были отодвинуть лодку еще дальше от берега. Вместо

того она, повинуясь толчку лейтенанта, отплыла метра на полтора, все более замедляясь, замерла на мгновение неподвижно, затем двинулась обратно, постепенно ускоряясь, – и снова уткнулась носом в берег. Энергичные взмахи весел никакого влияния на ход лодки не оказали.

Еще несколько попыток принесли тот же результат. Вернее, полное отсутствие такового.

Экипаж бурных эмоций не проявлял. Захваченный с собой запас изумления иссяк задолго до реки. Стелла вздохнула, Раймон уныло констатировал очередное проявление сюрреализма. А профессор Бальди спокойно произнес:

– Мне кажется, лейтенант, нам предстоит следующий тур переговоров с нашим новым знакомым. И я бы попросил вас в это время совершить небольшую прогулку по окрестностям вместе с вашей пушкой. Исключительно из соображений нашей общей безопасности, разумеется.

Омар Геверниц, дивизионный генерал, военный комендант «зоны Алеф»

Очередной прорыв случился неожиданно, так же, как все предыдущие. Единственное отличие – произошел он буквально под носом. Возле самого штаба, в пределах тщательно охраняемого внутреннего периметра. Единой и более-менее внятной теории прорывов не существовало, но из практических наблюдений считалось, что уж здесь из-под земли никакая нечисть не полезет: мягких и рыхлых пород нет, твердый скальный грунт начинался в полуметре от поверхности, – выбирая место для штаба, Геверниц руководствовался среди прочего и этими соображениями.

Просчитался…

Зато он теперь увидел своими глазами, как все начинается и происходит. До сих пор доводилось сталкиваться лишь с последствиями, и вот угодил в самый эпицентр к моменту начала… Насколько он знал, других угодивших и выживших не осталось. Но не всем же так везет – угодить под прорыв во всеоружии, под защитой военной техники и многочисленных отборных бойцов.

Техника, впрочем, очень быстро стала бесполезной… Для начала в штабе погасли все экраны, и все светодиоды, и вообще все, что способно погаснуть. Заодно исчезли все звуки – негромкие, привычные и давно не воспринимаемые сознанием звуки многочисленных работающих приборов. Но стоит им исчезнуть – тишина получается очень громкая, такой вот парадокс. Звенящая тишина. Оглушающая. Когда любое сказанное слово бьет по барабанным перепонкам, а случайно уроненный карандаш падает с грохотом выстрела.

Геверниц сразу понял, что происходит. На сбой энергосистемы он не грешил ни секунды, тут же включилась бы запасная, а при ее отказе – аварийные аккумуляторы.

Он бросился к окну, сам рванул жалюзи. Они рухнули вместе с карнизом… Ничего подозрительного. Тот же пейзаж альпийской долины, густо измаранный камуфляжной расцветкой. Та же техника, те же палатки. Только люди выглядят иначе. Значит, и они заметили…

Генерал метнулся к противоположному окну, благо разборный штабной домик был невелик. Здесь уже подсуетились адъютанты, открыли обзор его превосходительству.

Вот и оно… Вот так оно и начинается… Если выживет – будет

знать.

Небольшой взгорок неподалеку, менее чем в сотне метров. Совсем недавно на нем стояла пара прицепов, ощетинившихся антеннами дальней связи. Уже не стоят. Исчезли, испарились, дематериализовались… не важно, потому что и с самим холмиком творится неладное: колеблется, движется, но землетрясением здесь и не пахнет… Словно и не было тут никакой возвышенности, лишь ее объемная проекция – и вот теперь аппаратура, создающая иллюзию, засбоила. Или еще проще: был мираж и начал рассеиваться.

Геверниц понял, что счет идет на минуты. Очень скоро холма не останется. Будет яма, зев ведущего в дьявольские бездны туннеля. И немедленно пожалуют гости. Оттуда, из дьявольских бездн.

– Ваше пре… – начал было один из офицеров-операторов.

– Отставить! – гаркнул Геверниц. – Все наружу! Работаем вариант би-три!

Би-три… связь вестовыми… наведение и прицеливание на глазок… и более чем вероятна рукопашная… каменный век, одним словом. Генерал никак не ждал, что прорыв произойдет возле самого штаба. Но был готов и к такому повороту событий.

Подчиненные торопливо натягивали шлемы, защитные костюмы они не снимали и внутри помещения. Мачете на их поясах смотрелись совершенно инородными предметами. Наверное, тыловики-снабженцы долго чесали в затылках, прочитав странный заказ Геверница на двенадцать тысяч мечей – самых натуральных, не бутафорских новоделов из мягкого железа и не старинного ржавья, собранного по запасникам музеев. Генерал не слишком надеялся, что заказ исполнят в срок, это же надо открывать и отлаживать целое производство, – даже в старые добрые времена непростая задача. Но тыловики сумели-таки извернуться и выйти из положения, раздобыв где-то партию сельхозинструментов, отлично исполняющих роль холодного оружия. И на том спасибо, штык-ножи, приклады и малые пехотные лопатки мало годятся для той драки, что предстоит.

Выбегая из штаба, он попробовал-таки активизировать встроенную в шлем рацию – скорее повинуясь рефлексу, чем надеясь на чудо. Рация, разумеется, мертво молчала.

…Они работали по плану би-три. Выли механические ревуны, в небе расцветали сигнальные ракеты – яркие, хорошо заметные даже днем.

Ни один двигатель, разумеется, не работал. Но артиллеристские и реактивные минометные установки, облепленные людьми, как муравьями, все же медленно выползали

на дистанцию прямой наводки – с одной стороны от холма, чтобы не накрыть своих неизбежными перелетами. Выползали те, что были на колесном ходу. Гусеничные машины пришлось бросить, кроме двух или трех, волею случая оказавшихся на удачных позициях.

Вестовые, шестеро счастливчиков, ездившие верхом, развозили приказания генерала на взмыленных штабных лошадях. Их менее везучие коллеги накручивали педали велосипедов, сами взмыленные не хуже лошадей… Люди и техника выстраивались в боевой порядок, напоминавший гигантскую подкову, в дугу, упирающуюся концами в горы.

Полностью занять позиции и толком подготовиться за несколько минут не успели, но все же кое-что сделали, Геверниц не зря гонял людей на тренировках. Определенная неразбериха наблюдалась, куда же без нее у людей военных… Но главное, что не началась паника.

Холм рухнул. Был и не стало. Превратился в груду серой пыли, невесомой, напоминающей сигаретный пепел, – и этот пепел начал проваливаться, осыпаться внутрь того, что только что казалось возвышенностью.

Минометы ударили без команды. Чуть позже в дело вступили безоткатки. Взрывы грохотали один за другим, десятками, сливаясь в один непрерывный чудовищный звук. Они вновь поднимали пыль громадными фонтанами, разбрасывали в стороны, не давали осесть… Резко потемнело.

Любой живой противник был бы уничтожен, убит, оказавшись в центре огненного шквала. Любой материальный объект был бы разрушен. Но серая пыль и без того была мертва. И не имела какой-либо структуры. Пока не имела.

Командовать Геверниц уже не мог, приказы, отданные с вестовыми, безнадежно запоздали бы… Оставалось лишь надеяться, что время и силы на тренировках потрачены не зря, что каждый командир и каждый боец знает свой маневр.

А еще можно было молиться. Но молиться Геверниц не умел.

Стелла Линц, магистр физико-математических наук

Донован сидел мрачнее тучи, молчал, что-то обдумывая. Что-то не очень приятное, судя по выражению лица. Но Стеллу ни мысли, ни мимика лейтенанта не интересовали. Бальди оставался на берегу, напоследок инструктируя Коса, Стелла краем глаза видела, как профессор запечатал в прозрачный пакет толстую тетрадь и передал молодому человеку. Рукописный отчет обо всем, что происходило между моментом потери связи и появлением их группы на берегу. Рукописный… как в восемнадцатом веке… она тоже вела записи, ничего не поделаешь, ладно хоть писала в блокнотике не гусиным пером.

Пока не отплыли, Стелла пыталась разговорить перевозчика. Генавра, судя по всему. Как он здесь оказался – загадка из загадок. Даже для самого перевозчика, похоже, загадка. Словарный запас у него огромный, речь правильная, – но говорили они со Стеллой словно на разных языках. Об окружающем мире генавр имел крайне смутные и странные понятия. А о своем прошлом – вообще никаких. Возможно, у него и в самом деле не имелось прошлого. Создан только что, наспех, для единственной функции. Вместе с лодкой и огромным словарным запасом.

– Можно я буду называть вас Хароном? – спросила Стелла, кокетливо улыбнувшись.

Трудно кокетничать с существом, человекообразным весьма относительно, но она постаралась.

– Да, называйте, – недолго поразмыслив, согласилось существо. – Харон – мое имя.

– Надо же… Какое совпадение… Вас действительно так зовут?

– У меня не было имени. Теперь есть.

Тут в разговор вмешался Раймон. Он, по мнению Стеллы, всегда влезал не вовремя. И всегда все портил.

– Если вы Харон, значит, на том берегу – Страна Мертвых?

На сей раз перевозчик размышлял несколько дольше.

– Здесь нет живых и нет мертвых, – сказал он наконец, покачав головой. – И стран тоже нет.

Голова у него была… модель для древнегреческого скульптора, для Фидия или Праксителя… «Если бы все остальное соответствовало голове, можно было бы влюбиться, – подумала Стелла. – Платонически, разумеется, как в образец мужской

красоты. Но над телом, рельефно проступавшим сквозь белую ткань, потрудился явно не Фидий…»

Шеф тем временем закончил инструктировать Коса. Багаж лаборанта разделили – часть приборов он оставил, нагрузившись взамен пробами почвы, воздуха и воды. Вернее, не воды, а той маслянистой жидкости, что изображала воду в этом странном потоке.

Кос попрощался со всеми, но уходить не спешил. Стоял на берегу, смотрел на лодку, куда наконец загрузился последний пассажир, профессор. Лицо у лаборанта было странное, словно он хотел что-то сказать, но стеснялся или не находил слов…

Стелла представила, каково ему сейчас будет брести к капсуле, совсем одному… Представила – и, повинуясь внезапному порыву, выпрыгнула на берег, подскочила к Косу, обняла, поцеловала – и прошептала:

– Иди и ничего не бойся.

– Сюрреализм… – прокомментировал Раймон, когда она вернулась в лодку.

Харон налег на обе пары весел. Руки у него тоже были красивые, все четыре, – мускулистые, кисти очень соразмерные, пропорциональные, пальцы длинные… Но мысли о древнегреческих скульпторах не возникали. И об индийских многоруких богах тоже. Вместо этого Стелла попыталась по очертаниям представить, что еще скрывается под плащом перевозчика – комплект щупальцев? Рачьи клешни? Птичьи крылья? Затем решила не гадать, снова бросила взгляд на берег. Коса уже не видно… «Он выберется, он обязательно выберется, – беззвучно шептала Стелла, а вот мы… Харон ведь никого не перевозит обратно?»

В любом случае кто-то создал это странное многорукое существо. Надо искать создателя.

И тут ее мысли оборвал удивленный возглас Донована:

– Эй, приятель! Да ведь ты гребешь в обратную сторону!

Стелла поначалу не поняла – покинутый берег продолжал удаляться, лодка преодолела большую часть пути… Потом она сообразила. Весла в мускулистым руках Харона двигались с точностью до наоборот: погруженные в воду – в том же направлении, что и лодка, поднятые на воздух – в обратном. Лодка должна была плыть назад. А плыла вперед. Стелла не удивилась.

– Третий закон Ньютона… – без всякого выражения произнес профессор, – больше не действует.

– Сюрреализм… Кладбище физики… – понуро согласился Раймон. – Я бы посоветовал вам, Донован, на том берегу позабыть

о стрельбе. Эффект может получиться непредсказуемый.

Харон в дискуссию не вступил. И суть своего способа гребли объяснить не пожелал. Несколько завершающих гребков – и лодка уткнулась кормой в берег. Или носом, челнок был абсолютно симметричным, где нос, где корма, не понять.

Берег оказался точной копией противоположного. Зеркальным отражением. Камень, песок… Ни следа растительности либо почвы, на которой может что-то вырасти. Словно и не переправлялись никуда, как-то незаметно для себя сделали круг и вернулись к месту старта. Чувство было настолько сильным, что Стелла внимательно посмотрела вокруг, поискала взглядом следы, оставленные ими на песке при погрузке в лодку… Следов не было. Ни от их обуви, ни каких-либо вообще. Никто и никогда не ходил по этому песку, ни человек, ни животное, ни какая-то еще сущность, способная оставлять следы…

Ей казалось кощунством шагнуть на эту девственную поверхность. Но шагнула, оставив рубчатый след, затем еще один и еще…

– Приплыли, – сказал Харон. – Теперь вам следует отправиться в Город.

– Город?! Здесь есть город? – Стелла чуть было не украсила песчаную осыпь еще одним отпечатком, более крупным, но устояла на ногах.

– Сюрреализм… – констатировал Раймон.

Геверниц

Мертвое становилось псевдоживым – клубы пыли, казавшиеся поначалу невесомыми и эфемерными, на глазах менялись, обретали структуру и форму. Становились похожими на живых существ, наливались плотью, превращались из хаотичных вихрей в нечто материальное. Одни фигуры напоминали животных, не описанных ни в одном учебнике зоологии, другие обладали человеческими чертами, искаженными и уродливыми, третьи не имели аналогов среди порождений эволюции: просто нечто движущееся и смертельно опасное… Они по-прежнему оставались серыми, словно заготовки, словно вылепленные из глины болванки.

Обстрел продолжался, даже усилился – в дело вступили дальние батареи. Ракеты не применяли – в зоне прорыва мгновенно отказывает и электроника, и вообще все, что работало на электричестве. Тут можно использовать только пороховые ракеты девятнадцатого века, запускаемые от фитиля. А запущенные издалека при влете в зону потеряют внешнее наведение (или накроются блоки самонаведения) – и начнут падать куда угодно, только не в цель. Реактивные системы залпового огня применялись с неуправляемыми РС, но не в этот раз – прорыв в центре лагеря, разброс снарядов непременно накрыл бы своих.

Порождениям пылевого облака видимого вреда взрывы не приносили. Закон земного притяжения твари игнорировали, болтались в небе, как воздушные шары, имеющие нулевую подъемную силу, удары многочисленных взрывов должны были бы расшвыривать в сторону весь парящий паноптикум, но не расшвыривали. Осколки тоже никакого вреда не причиняли. Лишь изредка фигуры, накрытые прямым попаданием, исчезали во вспышке взрыва.

Можно было прекращать впустую расходовать боеприпасы, но Геверниц не имел возможности отдать приказ. Ладно, свою главную задачу обстрел уже выполнил. Разбил пылевое облако на части, на фрагменты до того, как началась материализация… Иначе могло бы сформироваться нечто очень большое, с чем пришлось бы долго возиться и платить многими жизнями. Нынешний прорыв тоже не разминка, но все же будет чуть легче…

Команду генерал так и не отдал, обстрел затих сам собой. По вполне прозаической причине – снаряды и минометные мины перестали взрываться. Летели и падали, как чугунные ядра

минувших веков. Дальше будет еще хуже, начнутся фокусы с внешней баллистикой, траектории станут абсолютно непредсказуемыми, – расчеты орудий о таком повороте дел знали и сами прекратили стрельбу.

У противника – Геверниц, логике вопреки, считал ЭТО противником – тоже произошли изменения. Бесцельное парение завершилось. Серые фигуры окончательно обрели вещественность, а заодно и массу – и почти все оказались на земле, лишь несколько странных крылатых созданий оставались в воздухе, да еще нечто, напоминающее громадного ежа, накачанного сжатым газом и готового вот-вот лопнуть.

И вся эта орава, словно по команде, двинулась на прорыв. Одновременно, во все стороны и всеми возможными способами – твари бежали, скакали, ползли, катились-подпрыгивали, на манер мячика, и даже приближались во вращении, словно детские волчки совсем не детских размеров…

Ни единого звука не раздавалось. Все движение происходило совершенно бесшумно. Ни топота, ни хлопанья крыльев, никаких других звуков, непременно бы сопровождавших движение такой массы созданий…

Дистанция сокращалась стремительно. «Огонь!» – хотел крикнуть генерал, а может, и в самом деле крикнул, но не услышал сам себя – именно в этот момент сработали огнеметы. Самые примитивные ранцевые огнеметы, второпях скопированные с образцов позапрошлого века. Опыт – дорогой, большой кровью оплаченный – показал, что любое другое огнестрельное оружие в разгар прорыва на близких дистанциях бесполезно.

Воющая стена пламени встала гигантской огненной подковой, встретившей наступающих бестий.

Огнеметы выглядели архаично, однако были снаряжены современной горючей смесью, позволяющей плавить сталь и мгновенно испепелять любую органику. Но здесь в атаку шли не стальные машины. И не органические существа. Они не могли испугаться, не могли остановиться и отступить. Даже умереть толком не могли. Потому что никогда не жили.

Две волны столкнулись: серая безмолвная и ревущая огненная. Созданная руками людей – и сотворенная неизвестно кем и неведомо с какой целью.

Бестии не вспыхивали, не обугливались и даже не плавились. Они, похоже, попросту испарялись, уменьшались в размере, но упорно продолжали стремиться вперед. Остановить их можно было, только испарив окончательно. Несколько секунд нахождения в ревущей струе – и от серого создания ничего не

оставалось.

Современные реактивные огнеметы превратили бы зону прорыва в одно сплошное море огня достаточной температуры, и ситуация в долине до сих пор оставалась под контролем благодаря именно этой технике, – но сейчас она заодно бы устроила групповую кремацию и Геверницу, и его штабу, и всему лагерю. Приходилось отбиваться методами, предназначенными для отдельных прорвавшихся тварей…

На какой-то миг схватка застыла в неустойчивом равновесии: все, что подбегало, подползало, подлетало и подкатывалось к огненной стене, – все исчезало, испарялось. Казалось, что прорыв там, на позиции огнеметчиков, и закончится.

Но прорывавшихся было слишком много. А пустеющие баллоны с горючей смесью требовалось заменять на новые… Перегревающиеся сопла огнеметов – тоже.

Одно создание – полуиспарившееся, потерявшее форму – оказалось по эту сторону огненной преграды, опрокинуло огнеметчика, в брешь устремились еще несколько… То там, то тут в защитной линии возникали разрывы, они росли и ширились, и вот уже лишь отдельные островки пламени виднелись среди захлестнувшей их серой волны.

Волна покатилась дальше, к редкой цепи десантников – бойцы стояли не слишком плотно, чтобы не угодить ненароком под взмах соседского мачете. Их готовили ко многому, к бою в самых разных условиях, но рубиться холодным оружием пришлось учиться на ходу, в деле…

Прорыв столкнулся с первой цепью. Пришел черед стали.

Генерал тоже выдернул мачете из ножен, равно как его адъютанты и офицеры штаба. Слишком уж массовый прорыв сегодня. Возможно, часть бестий пробьется через все три цепи, в дело вступят мобильные резервные группы, призванные латать разрывы фронта, и все равно не исключено, что ему поневоле придется заняться не совсем генеральским делом…

Геверницу – до его командировки сюда, в «зону Алеф» – разумеется, приходилось убивать людей, такова уж специфика профессии. В юности иногда своими руками, затем – посредством отданных приказов. Но только не холодным оружием…

Хотя происходившее нельзя было назвать ни убийством, ни боем. Биологи клялись, что жизни в здешних тварях не больше, чем в смерче, тайфуне или шаровой молнии – те тоже способны к движению и тоже смертельно опасны. А бой – это когда бьются две стороны, здесь же одна всего лишь пыталась вырваться наружу. Вырваться, чтобы найти себе место в мире, как предполагал Геверниц… Заполнить пустеющий мир… Всего лишь.

Целенаправленной агрессии при прорыве бестии не проявляли. Но давили и калечили оказавшихся на пути… Счет безвозвратных потерь при каждом прорыве шел на десятки, иногда на сотни…

…Генерал оказался прав. До штаба добралась лишь одна тварь, но какая! Больше всего она напоминала густой, ощетинившийся псевдоживыми ветвями шарообразный куст диаметром в несколько метров. И зачем-то куст отрастил себе здоровенную крокодилью пасть, вполне способную разгрызть и проглотить малолитражный мобиль. Или же это были две разных бестии – псевдокрокодил обитал в псевдокусте и таскал его на себе для защиты или другой надобности?

Геверниц не задумывался над этим вопросом. Над другими тоже. Он рубил ветви, которые не были ветвями, рубил пасть, не пытающуюся укусить или хотя бы оскалиться…

Казалось, что время остановилось, что схватка тянется долгие часы и не завершится никогда, что взамен одной отрубленной ветви тут же вырастают две…

А потом все закончилось. Рубить стало нечего.

Прорыв завершился. Какая-то малая часть тварей ускользнула – в основном летучие, не уничтоженные огнеметчиками еще на первой линии обороны. Их уничтожат, не дадут прорваться сквозь внешний периметр зоны, будут еще схватки и жертвы… Но здесь и сейчас прорыв завершился.

Прорывались бы люди или животные, земля превратилась бы в кровавое болото. Да и победители по уши измарались бы… Но ни крови, ни какой-либо ее заменяющей жидкости бестии не имели.

Геверниц внимательно рассмотрел одну из валявшихся под ногами ветвей, отрубленную не то им, не то одним из адъютантов. На срезе – ноздреватое черное вещество, на вид отдаленно напоминающее вулканическую пемзу, но эластичное, мягкое… Как эта «пемза» умудряется выполнять роль мышц, да еще более эффективно, чем настоящие белковые мышцы, – загадка природы. Ничего, яйцеголовые и не такое разгадывали…

Четыре сучка-отростка на ветви чем-то напоминали чрезмерно длинные пальцы – росли из одной точки и сейчас сплелись, свернулись, как будто существо что-то прятало в своем псевдокулачке, до конца не желая отдавать. Геверниц зачем-то ткнул кончиком мачете в свернутые отростки, хотя его не интересовало, что же там прятала нежить…

Пальцы-отростки развернулись стремительно, словно выстрелили. На генерала уставился глаз – точная копия человеческого, – таившийся посреди крохотной псевдоладошки.

Глаз был живым. Что бы там ни твердили биологи – он был живым! Пялился на Геверница внимательно, изучающе, как бы желая запомнить навсегда.

Дуэль взглядов длилась секунду, не долее. Затем генерал с размаху раздавил подошвой проклятую гляделку.

Вот ведь мерзость какая…

Глаз лопнул с негромким хлопком. И тут же, будто включившись от этого звука, в шлеме Геверница заработала рация.

Никакие навигационные приборы, разумеется, здесь не работали. Даже элементарный магнитный компас – прибор, презираемый Косом и захваченный исключительно по указанию профессора, – не желал признавать, что на свете имеется магнитный полюс.

Прапрадедовские методы ориентировки – по солнцу и звездам – тоже помочь не могли. Ввиду полного отсутствия указанных светил. Непонятный источник света, непонятным образом зависший в центре сферы, Кос игнорировал. То, что недоступно изучению и пониманию, считай, для науки не существует. К тому же все равно болтается на одном и том же месте, какая уж тут ориентировка… Светит, и ладно.

Ну и вовсе уж глупо вспоминать о мхе на северных сторонах деревьев, о расположении муравейников и прочей ахинее из «Справочника юного сурка». Кос и в детстве-то этой ерундой не увлекался.

И тем не менее, заблудиться он не боялся. У Коса имелась путеводная нить, в самом буквальном смысле. Как была у той дурочки в лабиринте, как там ее?.. Кос запамятовал имя, а может, и не знал никогда, имена и факты из гуманитарных наук он всегда считал ненужным балластом для мозга, – гораздо полезней выучить наизусть числовые значения нескольких лишних физических констант.

В общем, нить имелась – сверхтонкий и сверхпрочный провод, тянущийся прямиком к капсуле. Была надежда, что при отказе радиосвязи проводная будет продолжать действовать. Надежда не оправдалась, но Кос по приказу профессора продолжал изображать паука, выпускающего паутинку. Не зря, как выяснилось.

Кос достал из рюкзака бобину, переключил реверс, взвел пружину, выбирающую слабину провода. Взводил с нехорошим предчувствием: а ну как модуль упругости Юнга тоже приказал долго жить? И пружина потеряла свои свойства?

Пружина работала как полагается. Хоть какое-то утешение.

Уже убрав бобину, он хлопнул себя по лбу, достал снова. Посмотрел на счетчик – простейший, механический – фиксирующий длину размотанного провода.

Цифра озадачила. Одна тысяча четыреста сорок два метра. И восемь десятых, для поклонников скрупулезной точности.

Если судить по ощущениям, до реки они шагали несколько часов. Шагомер показал чуть больше семи километров – часа

полтора ходьбы, самое большее. Счетчик уменьшил цифру еще в несколько раз.

И ощущения, и шагомер могли врать. А вот счетчик врал совершенно точно. С такого расстояния Кос попросту видел бы капсулу, пусть не в деталях и подробностях, но ее яркий металлический блеск уж разглядел бы… Но он не видел.

А обнулял ли он счетчик перед началом пути? Может быть, в окошечках уже были какие-то цифры, достаточно большие, и позже счетчик обнулился сам, показав максимальную вместимость бобины?

Раньше и с прежним Косом такой вопрос не возник бы. Для прежнего Коса подобная небрежность в работе с прибором, пусть с самым примитивным, исключалась по определению.

Он попытался вспомнить и не смог. Не только и не просто момент со счетчиком – в ходе событий обнаружился непонятный провал… Спуск на капсуле – а затем они шагают по бесплодной каменистой равнине, подходят к реке… Самое начало пути не то чтобы напрочь позабылось, но помнил Кос о нем как-то странно. Словно слышал чей-то рассказ… нет, даже скорей видел фильм, видел со стороны… А эпизод с бобиной и счетчиком неведомый монтажер счел малозначительным и в итоговую версию не включил.

Избирательная амнезия не удивила Коса. Мозг тоже прибор. Как выяснилось, весьма надежный в сравнении с рукотворными. Но и его запас устойчивости все же не бесконечен.

Он прекратил заниматься самокопанием и двинулся вдоль натянувшегося проводка-паутинки, держа бобину в руках и поглядывая на счетчик. Считал шаги. Время от времени бросал взгляды вперед, рассчитывая увидеть блеск капсулы.

Как глупо… Мог бы уже понять, что любые расчеты здесь – дело бессмысленное.

Три тысячи восемьсот два шага. По счетчику бобины – сто двадцать девять метров. Что показывал шагомер, Кос не стал проверять, шокированный неожиданным событием – провод закончился!

Натяжение ослабело, паутинка стала сматываться быстрее, чем шагал Кос, – и закончилась. Не штатным разъемом закончилась, разумеется, – оборванным концом.

Хотя оборвать провод не смогли бы и они впятером, появись вдруг такая дурная идея. Да и перерезать сверхпрочные армирующие нити без специального инструмента невозможно.

Он прошел вперед, внимательно поглядывая по сторонам. Ничего. Сделал несколько кругов с расширяющимся радиусом, уверенный, что сейчас непременно увидит провод. Опять ничего.

Провод перекусила мышка. С алмазными зубками. Нет, скорее хомячок. Но тоже с алмазными. Хомячки запасливые… Вот и этот смотал остаток провода и уволок в норку. Зимой пригодится.

Реки не видно. Капсулы не видно. Бесплодная каменная равнина без каких-либо ориентиров. Куда идти, непонятно – первоначальное направление Кос потерял после своих кружений.

Он опустился на камень. Долго сидел, ни о чем не думая.

Затем достал тетрадь профессора, сорвал упаковку, наплевав на запрет. Что уж теперь… Приборы превратились в бесполезный хлам – отчего бы не поглядеть интереса ради, что думает на сей счет чистая наука?

Наука в лице профессора Бальди думала о проблемах лаборанта Косталиковски весьма издевательски. Выяснилось это на первой же странице, из первой же записи. Очевидно, сделана она была еще наверху, незадолго до спуска – почерк аккуратный, строчки ровные, никакого сравнения с последующими страницами, исчерканными небрежно и неразборчиво.

Вот какую ценную мысль изложил на первой странице профессор:

Эксперимент – крайне сомнительный метод подтверждения теории. Колумб плыл в Индию, исходя из теории о шарообразности Земли. Александр Македонский добирался туда же, уверенный в истинности гипотезы о плоском мире, омываемом со всех сторон Океаном. Александр в Индию попал, Колумб же очутился на другом краю глобуса. Исходивший из ложной теории эксперимент увенчался успехом, из правильной – провалился. Недаром сказано: если факты противоречат теории, тем хуже для фактов.

Сам профессор сочинил этот пассаж или процитировал кого-то, Кос не знал. Даже задумываться не пожелал. Бред какой-то… Силлогизм, красивый и бессмысленный, или алогизм, или что-то третье, – Кос был слаб в терминах такого рода.

Но, по крайней мере, рассуждение доступно и внятно изложено, в отличие от содержимого следующих страниц.

Там царил хаос. Записи явно делались для себя, любой криптограф тут свихнулся бы. Непонятные сокращения, начатые и не законченные формулы, особые закорючки, явно что-то обозначающие, но вот что именно – поди пойми… Какие-то слова или формулы густо зачеркнуты…

Некоторые фразы, вернее, обрывки фраз, можно было прочесть. Но ясности они не добавляли. Выглядела читаемая часть записей примерно так:

Размеры у. по мере…

Пр-во не Л-жа, Л? Р? Мерность?

Любым сп. пр-ть линейность с.

Донован тоже умер.

Внятно и вразумительно, не правда ли? Сразу возникает цельная и непротиворечивая картина подземного мира. А в центре мироздания – мертвый Донован со штурмовой винтовкой. Как хранитель основ Подземелья Бальди.

Кос листал тетрадь уже без всякого интереса, уверенный, что более ничего осмысленного не обнаружит.

Он ошибался.

В конце тетради пять страниц были исписаны вполне разборчивым почерком и текст выглядел связным и цельным. Когда профессор успел все это написать? Да еще незаметно для Коса? Однако написал…

Итоговые выводы, надо понимать, – с формулами и несколькими схематичными рисунками. Только предназначались выводы никак не для Коса.

Он даже не понял, на каком языке писал профессор – судя по знакомым корням, латынь или эсперанто, отдельные слова угадываются, но общий смысл не ухватить… Впервые в жизни Патрик Косталиковски пожалел о своем презрении к гуманитарным наукам.

Формулы описывали какие-то сложные кривые, большего без пояснений не понять… Картинки тоже не добавили ясности. С одной Кос кое-как разобрался: вот сфера Бальди, вот чертов источник света в ее центре, вот шахта, что привела их сюда, а вот этот кружочек, очевидно, капсула… Но что обозначают многочисленные линии, затейливо изгибающиеся по рисунку, Кос не мог взять в толк.

Он убрал тетрадь в разорванный пакет, а пакет в рюкзак. Снова сидел, ничего не делая и ни о чем не думая. Может, час сидел, может, несколько минут… Затем поднялся и пошагал.

Глаза Кос крепко зажмурил и не открывал. Место ровное, не споткнется. Расчет был на то, что сработает какой-то неведомый науке орган ориентировки, имеющийся в организме. Птицы ведь как-то летают на зимовку и с зимовки через половину земного шара? Или летали не так давно, по крайней мере… И лососи плавали за тысячи миль к родным нерестилищам, без карт и навигаторов… И собаки, брошенные за сотню километров от дома, как-то умудрялись вернуться…

Чем он, Кос, глупее собаки?

Мысль была бредовая. Почему бы ей не сработать в бредовом месте? Хуже не будет…

Он шагал и шагал, преодолевая искушение хоть на миг приоткрыть глаза: вдруг природный навигатор работает с

погрешностью и капсула останется в десятке шагов от траектории Коса? Но почему-то он был уверен: стоит только разомкнуть веки – и ничего не получится.

Свалиться в реку в результате слепых блужданий Кос не опасался. Река, разумеется, гораздо больше капсулы, и вероятность выйти к ней неизмеримо выше, но понижение берега Кос почувствует заранее, а значит…

Что это значит, он придумать не успел. На полном ходу впилился во что-то большое и твердое. И поневоле открыл глаза.

Бредовая логика не подвела. Перед ним – вплотную к лицу – оказалась капсула.

Он сделал шаг назад. Что-то не то… Это не их капсула… Или их? Но почему так повреждена, измята?

Кос посмотрел вокруг. Рядом с капсулой лежали тела, и с первого взгляда было видно, что люди мертвы.

Геверниц

Доклад о потерях президент СБА слушал невнимательно, вопреки обыкновению. Недовольства не только не высказывал, но и, как показалось Геверницу, даже не испытывал.

Странно… Потери оказались самыми высокими за истекший месяц.

Заинтересовали господина Моратти лишь два вопроса: в каком состоянии взлетно-посадочная полоса и есть ли известия от группы Бальди?

Генерал доложил коротко: с полосой все в полном порядке, с группой Бальди все с точностью до наоборот – пятые сутки никаких известий.

– Замечательно, – сказал президент в ответ на первое известие.

– Печально, но предсказуемо… – отреагировал на второе.

Повисла пауза. Генерал ждал или новых приказаний, или конца связи. Ждал с легким нетерпением – дел по горло, в самом центре лагеря после недавних событий раздрай и разгром, и надо ликвидировать последствия, а еще надо продумывать и срочно организовывать новые системы оповещения и обороны, предусматривающие возможность прорывов через скальные породы…

Моратти молчал. Но не спешил прощаться. Геверниц не понимал, в чем дело. А потом все понял – после наконец-таки произнесенных президентом слов:

– Завтра к вам прибывает «Грета». Восемь бортов. Безопасность прибытия должна быть обеспечена любой ценой. Любой, вы понимаете? Даже если назреет прорыв небывалых масштабов, самолеты должны приземлиться без помех.

Геверниц сейчас должен был сказать, что задание ему понятно и будет выполнено. Любой ценой.

Не сказал. Вместо этого задал вопрос:

– Решение принято? Или на всякий случай?

– Принято, – коротко ответил президент СБА.

– Срок исполнения?

– Три дня. По нашим расчетам, именно столько времени вам потребуется на монтаж устройства и на эвакуацию.

– В таком случае я хотел бы получить письменный приказ на начало операции. Приказ от Объединенного командования вооруженных сил Союза.

По своему служебному положению Геверниц не подчинялся президенту СБА, официально проблемой занималась

объединенная армейская группировка Исламского Союза. Но аномальная зона возникла в Альпах, она несла потенциальную угрозу Цюриху, – и в дело активно вмешалась СБА.

Руководил операцией Моратти, отдавая приказы армейцам, на основании неких договоренностей, заключенных в высших сферах. Но приказ приказу рознь…

Моратти помолчал, о чем-то размышляя. Возможно, о том, кому отдать распоряжение о смещении и аресте собеседника. У любого генерала есть честолюбивые заместители, готовые на многое ради карьерного скачка. Честно говоря, Геверниц не возражал бы против такого варианта. Против смещения. И даже против ареста.

Но президент решил иначе.

– Вы получите приказ. Сегодня же. У вас есть еще вопросы, господин генерал?

Ледяной тон Моратти намекал яснее ясного: хватит вопросов, делай, что сказано. Геверниц намек проигнорировал. И спросил:

– Какова мощность устройства?

– Вполне достаточная… Испытания, разумеется, не проводились, но при расчетах эвакуации ориентируйтесь на сто эм. А теперь я вынужден распрощаться, неотложные дела. Вам, я думаю, тоже есть чем заняться. До связи, господин генерал.

– До связи, господин президент… – эхом откликнулся Геверниц.

Ему и в самом деле было чем заняться. Но теперь многое из запланированного потеряло смысл. Зачем совершенствовать защиту от прорывов, если принято решение уничтожить их источник?

Сто мегатонн… Никогда за всю историю человечества на территории Европы не взрывался заряд такой мощности. В Цюрихе решили, что лучше не мелочиться и не рисковать повторными ударами. Генерал прикинул размер грядущей воронки, размер грядущей зоны радиоактивного заражения… Ему стало тошно.

Ирония судьбы – ядерный взрыв породил сферу Бальди, ядерный взрыв ее и прикончит. Хотя тогда, почти век назад, человека, чье имя сейчас носит сфера, даже в проекте не существовало… Существовал другой проект с громким названием «Стратегия энергетической безопасности»: исполняя его, здесь, в предгорьях Центральных Альп, пробурили глубокую скважину, опустили заряд – ядерный, но мизерной мощности.

Ба-бах! – взрыв выжег в глубине огромную каверну, но на поверхность не вырвался… Идеальное хранилище что для горючего газа, что для нефти – неуязвимое для атак террористов

и для бомбардировок в случае большой войны, неспособное разрушиться и сотворить экологическую катастрофу…

Но в гигантскую подземную сферу, десятилетия спустя названную именем профессора Бальди, никогда не закачивали ни газ, ни нефть. Кое-кто слишком поздно озаботился своей энергетической безопасностью. Циклопическое сооружение еще не ввели в эксплуатацию (не закончился срок, отведенный на снижение остаточной радиации до безопасного уровня), когда разразился Большой Нефтяной Голод, и последовавшие войны, и кардинальное перекраивание политической карты Европы… Для жалких остатков нефти уже не требовались гигантские хранилища, все поглощала ненасытная промышленность.

Амбициозный проект был законсервирован, а затем и основательно позабыт… Никто не вспоминал, что где-то в глубине, под километровой толщей, осталась громадная полая сфера.

Не вспоминали до Дня Станции, и после него тоже… Даже когда в окрестностях возникли странные феномены, никто не додумался связать их с подземной полостью. Много странного происходило на планете, с трудом оправлявшейся от последствий Катаклизма. Дикие рассказы немногих беженцев, спасшихся из этих мест, никто всерьез не воспринимал.

Лишь три года спустя пришлось заняться причинами странностей. И одновременно их последствиями. Прорывы стали массовыми, сопровождавшие их выплески энергии непонятной природы становились серьезной проблемой (вернее, в терминах профессора Бальди, – выплески «антиэнергии»). Когда с небес падают стратопланы с отказавшей авионикой, списать происходящее на массовый психоз уже затруднительно.

Надо заметить, что объединенная армейская группировка до поры лучше справлялась со следствиями, чем наука с причинами. Маршруты стратолетов скорректировали, прорывы, тогда еще локальные, научились вовремя засекать и подавлять в зародыше… Но процесс шел по нарастающей, а наука так и не смогла выдвинуть разумного объяснения. И неразумного не смогла. Вообще никакого… Про подземную полость, разумеется, вспомнили. Но прорывы происходили где угодно, но только не через законсервированный туннель, связывавший несостоявшееся нефтехранилище с поверхностью.

А потом за проблему взялся Бальди… Он из принципа брался только за такие проблемы. За неразрешимые. В двадцать два – доктор наук, в двадцать семь – профессор и лауреат кучи премий… Ему пророчили головокружительную карьеру в фундаментальной науке – при условии, что юный гений хоть

немного остепенится и выберет, наконец, главное направление для приложения своей гениальности.

Но Бальди, словно в насмешку над пророками, совершал очередное открытие, получал очередную премию – и бросал перспективное направление, способное кормить последователей до конца жизни… Его влекли новые загадки мироздания. И абсолютно не влекла перспектива на постоянной основе работать на армию или на корпорации анклавов – хотя самых заманчивых предложений хватало.

А затем грянул Катаклизм.

Фундаментальная наука и отдельные ее гениальные представители остались невостребованными. Когда идет борьба за выживание – яростная, с напряжением всех сил и привлечением всех остатков ресурсов, – загадки мироздания мало кого волнуют.

Но проблема «зоны Алеф» стояла особняком… Ибо напрямую была связана с выживанием.

И Бальди считал, что разрешил загадку. Геверниц дважды с ним беседовал, но не очень-то понял. Хотя чувствовал – профессор старается излагать как можно проще… Уразумел лишь, что у них под ногами – новый мир. Иная Вселенная, только и всего. Построенная в соответствии с иными фундаментальными законами. Отсюда все коллизии при столкновении с нашим миром. Правда ведь, все просто?

Геверниц сомневался: Вселенная казалась ему объектом, как бы помягче сказать… несколько более масштабным, чем подземная полость диаметром полтора или два километра.

Бальди горячился и втолковывал, что N-мерная римановская вселенная может уместиться в точке, имеющей в нашем мире нулевой размер, и генерал переставал его понимать…

Теперь все разговоры потеряли значение. И все сногсшибательные идеи молодого гения навсегда останутся безумными гипотезами… Бальди уже мертв. А он, Геверниц, устроит ему погребальный костер мощностью в сто мегатонн тротилового эквивалента. Сферы Бальди не станет, да и черт с ней!.. Генерал вспомнил глаз, уставившийся на него с сучка-ладошки, и подумал: если там и вправду назревает что-то этакое, чуждое и глобальное, может, и в самом деле лучше выжечь сразу, пока не набрало силу…

Едва он так подумал, течение мыслей Геверница нарушил истошный вопль:

– Господин генерал! Господин генерал! Группа Бальди на связи!!!

Рувим Донован, офицер СБА, анклав Цюрих

Город был, как, впрочем, и все здесь, – невозможным. Но был. Причем в исконном значении термина, в средневековом или античном, – огороженное место, обнесенное каменной крепостной стеной.

Стена смотрелась внушительно. Высоченная, гладкая и монолитная – ни единого шва, ни единого стыка камней. В одиночку и при наличии подходящего снаряжения Донован мог бы попытаться вскарабкаться… Но он был не один, снаряжения не имел, и оставалось лишь последовать совету мутанта-перевозчика: отыскать ворота. Открытые ворота. *Их* ворота.

Закрытые попадались, и достаточно часто. Не деревянные, тоже каменные, выглядевшие несокрушимыми. Донована они вообще казались бутафорскими, никогда не открывавшимися. Хоть стучись до разбитых в кровь кулаков, хоть кричи до сорванной глотки, – не откроются.

Ситуация нравилась ему все меньше. Сейчас Донован не понимал, почему он не принудил группу повернуть назад еще у реки. Как только стало ясно, что события вышли из-под контроля, надо было возвращаться.

Он тогда ошибся. Ему подкинули приманку – генавра, выглядевшего разумным и ничем не напоминающего серых псевдосуществ, порождаемых «зоной Алеф». И он приманку проглотил, как безмозглая рыба, не замечающая крючка. Решил, что глупо возвращаться, не использовав шанс познакомиться с автором всего здешнего непотребства…

А с ним надо не знакомиться. Его – прав Моратти – надо уничтожить, быстро и решительно. Не доведут до добра такие знакомства.

Но любопытство губит не только кошек. Кадровых разведчиков тоже. Когда охота за информацией становится второй натурой, трудно отказаться от возможности узнать больше…

Ну вот, узнал. В чертовом месте громоздится чертова стена, отгроханная черт знает кем и черт знает для чего. Очень информативно, что и говорить.

Донован решил, что дольше упорствовать в ошибке не будет. Немедленно поставит вопрос о возвращении. Если Бальди упрется, тем хуже для него, – Донован вернется один. Нейтрализовать троих ботаников можно и без штурмовой винтовки. Хватит и ножа. Даже голых рук хватит.

Донован шагал вдоль стены последним, слегка отстав от

остальных и мысленно шлифуя последние детали плана «работы над ошибками». И это само по себе стало еще одной ошибкой…

– Ворота! – услышал он ликующий вопль Стеллы. – Наши!

Он метнулся вперед, ничего не увидев из-за изгиба стены. И опоздал.

Профессор и Стелла были внутри. В городе. За такой же аркой ворот, как десяток уже виденных, – только здесь напрочь отсутствовали каменные створки.

– Стойте, где стоите! – резко приказал Донован. – И впредь не суйтесь никуда первыми!

Он шагнул в арку, по привычке держа оружие на изготовку. Ствол винтовки уперся во что-то твердое и невидимое. Словно створки ворот находились на своем законном месте, но были изготовлены из абсолютно прозрачного стекла.

Бальди обернулся назад, удивленно поднял брови. Потянул за рукав Стеллу, она обернулась, что-то произнесла – удивленное, судя по выражению лица, ни слова Донован не расслышал.

Он ощупывал невидимые ворота, пытаясь отыскать брешь, отверстие. Профессор и Стелла с другой стороны занимались тем же самым. Ладони их двигались в плоскости, отстоящей примерно на полметра от ладоней Донована.

– Сюрреализм… – произнес Раймон.

Он тоже остался снаружи и не принимал участия в возне с невидимой преградой. Донована захотелось его пристрелить. Желание было сильным, но он решил отложить до следующего раза. До следующего употребления Раймоном его любимого словечка.

Звуки через арку не проходили, Донован попытался привлечь внимание профессора и Стеллы жестами. Но, похоже, прозрачность преграды оказалась односторонней. Они с Раймоном оставались невидимы для вошедших в город…

Затем ворота и для их взглядов постепенно стали непроницаемыми. Мутнели, серели и вскоре стали выглядеть, как все остальные, каменными и несокрушимыми.

– Это были не наши ворота, – постановил Донован. – Пошли. Будем искать наши.

Теперь возвращаться нельзя. Оставив внутри живого Бальди – нельзя.

Раймон рассмеялся. Веселья в смехе не было. Ощущалось некое злорадство – словно он давно хотел посмяться над Донованом, и вот наконец-то случай представился.

– Пошли, – торопил Донован. – Надо побыстрее собраться вместе.

– Остынь… Я никуда не пойду. И тебе не советую. Ты еще не

понял, что внутрь нас не пустят? Таких, как мы, там хватает. Шеф и Стелла – другое дело… А они неплохая пара, ты не находишь?

– Заткнись и шагай.

– Расслабься, Донован… Думаю, скоро все закончится.

– Шагай, пристрелю!

– Сюр… – начал Раймон и не закончил, Донован выстрелил ему в грудь.

Винтовка кашлянула тихо-тихо, словно свой последний звук издал умирающий от истощения больной.

– …реализм, – договорил Раймон.

Пуля валялась под ногами. В полуметре от дульного среза. Полет ее, практически сразу перешедший в падение, Донован прекрасно видел.

Автоматика винтовки не сработала, Донован вручную передернул затвор, выбросив гильзу, снова нажал на спуск… Последовал еще один предсмертный кашель. Вторая пуля шлепнулась рядом с первой.

– Любопытное место, – сказал Раймон. – Высасывает любую внешнюю энергию как губкой.

Третью попытку Донован предпринимать не стал. И от использования подствольника решил воздержаться. Пусть этот дурачок считает себя неуязвимым. Вдруг да выболтает нечто интересное…

Потому что Моратти, похоже, был прав. Донован тогда, в Цюрихе, не придал его словам особого значения, списав все на известную и давнюю паранойю шефа: тот очень многие происходящие неприятности был склонен списывать на происки Москвы и Кауфмана. И слова про завуалированный, но настойчивый интерес «Науком» к происходившим в «зоне Алеф» событиям Донован пропустил мимо ушей. Наверное, зря…

Неизвестно, в игре ли профессор, его могли использовать втемную. Хотя у Моратти имелась информация о попытках «Науком» заполучить в свои структуры Бальди, – профессор отказался, как и от прочих подобных предложений… Якобы отказался… Ладно, до профессора дойдет очередь, когда Донован войдет в город.

А сейчас надо разобраться с паскудником Раймоном. Он, похоже, гораздо лучше информирован, чем демонстрировал все это время.

– Ты выиграл, – сказал Донован, изобразив недолгое раздумье. – Я не могу тебя убить. Не могу войти в город. Скорее всего, не смогу в одиночку выбраться. Но раз я еще жив – зачем-то я тебе нужен и интересен? Так не тяни, излагай свои условия.

– Жив? – переспросил Раймон. – Интересен?

Он снова засмеялся. Смеялся долго и безрадостно, Донован понял, что в чем-то ошибся, что никаких условий он не услышит… Он шагнул к Раймону, грамотно прикрывая нож телом, ударил точно в сердце. Смех оборвался. Вот так-то… Эту энергию никакая «губка» не высосет.

– Глупый ты, Донован… – сказал Раймон. – Мертвый и глупый.

Донован не мог промахнуться. А люди с проколотым сердцем не могут разговаривать, он знал это не понаслышке. В лучшем случае прошепчут один-два слога… Перед ним уникум со смещенным вправо сердцем?

Донован не стал ломать голову. Быстро, отрепетированным движением резанул по глотке. Шагнул в сторону, спасаясь от потока хлынувшей крови.

Шагнул машинально, на рефлексах. Потому что кровь не хлынула. Донован долго и оцепенело смотрел на разошедшиеся края раны, на показавшееся ноздреватое черное вещество, на вид отдаленно напоминающее вулканическую пемзу, но эластичное, мягкое, трепещущее…

Потом он закричал.

…Раймон не ошибся: все закончилось для них двоих достаточно быстро.

Косталиковски и Геверниц

Патрик Косталиковски знал, что люди весьма изобретательны в самых разных областях. В том числе в таком специфическом деле, как целенаправленное нарушение работы собственной психики.

Вне конкуренции здесь, разумеется, великая наука химия. Каких только крышесносных зелий не изобретено за века и тысячелетия! Начиная с простейшей неочищенной органики и заканчивая синтетиками, чьи формулы разрабатывались компьютерами. Чуть позже к делу подключилась другая великая наука, физика, – едва лишь было открыто воздействие на мозг электроимпульсов, а затем и нанофизика, а затем…

Короче говоря, на истоптанной вдоль и поперек полянке очень трудно проложить новую тропу. Но Кос сумел-таки изобрести оригинальный и более чем действенный способ сноса собственной крыши. Не хотел изобретать, но так уж получилось.

Метод оказался на удивление прост. Достаточно в течение нескольких минут разглядывать свой собственный труп – и крыша улетает в неизвестном направлении, всерьез и надолго.

На Донована (шея сломана, вывернута под невозможным углом) и на Раймона (почти как живой, лишь из уголка рта тянется почерневшая струйка спекшейся крови) он внимания не обратил. И над отсутствием трупов профессора и Стеллы не задумался. Своя рубашка ближе к телу. А свое тело, даже мертвое… в общем, понятно…

Компрессия шейных позвонков… Совершенно случайно он смог поставить сам себе диагноз, хотя не изучал медицину. Но был неприятный инцидент в юности: слегка хмельная студенческая компания, спортивный мобиль с демонтированным контроллером скорости, ну и… Тогда он так же сидел над чужим телом, пытался помочь, привести в чувство, а потом услышал от врачей точный диагноз…

Теперь сидел над своим собственным… Кто?! Кто сидел?!

Уж не бесплотная душа, понятное дело, той и сидеть-то не на чем… И не воскресший зомби-мертвец – тело вот оно, такое родное, такое знакомое…

Сидело сознание Патрика Косталиковски – звучит абсурдно и дико, но так оно и было… Сознание, записанное на некий носитель… Или душа, воплощенная в новом теле, – для сторонников этой теории.

Можно было бы поставить с этим носителем-телом пару несложных экспериментов. Для начала проткнуть кожу и

посмотреть, потечет ли кровь… Но Кос не желал экспериментировать. Хватит. Наэкспериментировался. Вернее, эксперимент продолжается, но лаборант Косталиковски перешел из его субъектов в объекты. Понижение, что ни говори.

А ведь профессор знал… Или догадывался… Или сам как-то поучаствовал в переносе души-сознания… Хотя нет, едва ли… Судя по тому, как досталось капсуле, Бальди со Стеллой тоже были без сознания… А потом их пятерка продолжила свой путь, унося ложные воспоминания о высадке, только трое из пятерых оказались собственными копиями, очень точными, но не совсем, в какой-то момент профессор начал догадываться, недаром же написал: *Донован тоже мертв*…

Профессор… Тетрадь… Зачем он послал сюда Коса? Все зная – зачем?

А затем Косталиковски все понял. Мог понять и раньше, но не сумел, ошарашенный зрелищем собственного трупа. Свет! Мягкий электрический свет из иллюминатора капсулы…

Деформированный люк с трудом, но открылся. Кос быстро протиснулся внутрь, тут же защелкнул запор. Экраны Бальди (профессор обожал всем своим придумкам давать собственное имя, невинная слабость гения) – они не от остаточной радиации, какая еще радиация спустя столько десятилетий. Они экранируют нечто другое… Кос не был силен в теории и сформулировал максимально просто: они экранируют *наш* мир от *этого*.

А потом он перестал теоретизировать и потянулся к клавише вызова.

– Генерал, вы знаете латынь?

– Н-нет… – с трудом выдавил ошарашенный Геверниц.

– А эсперанто?

Геверниц знал. Как это ни удивительно, эсперанто он владел более чем сносно еще с кадетского корпуса. Случилась такая блажь у кадетов его курса…

– Отлично… – с облегчением выдохнуло существо, с каждой секундой все менее напоминавшее Коса. – Включайте запись… Потом прочитаете, профессор просил, чтобы именно вы, лично…

Генерал ничего не понял.

– Включайте же! – торопило существо. – У меня, похоже, очень мало времени…

Времени у него действительно оставалось мало. Но Геверниц успел зафиксировать все страницы быстро перелистываемой тетради. А потом несколько минут наблюдал за агонией существа, распадающегося в самом прямом смысле… Зрелище было тяжким. Но он досмотрел до конца. Потом прочитал записи Бальди, обращенные к нему лично. И надолго задумался…

А затем начал отдавать приказания, в корне противоречащие инструкциям профессора.

Дело в том, что профессор ошибся. Случается такое даже с гениями. Ошибка касалась не волн, полей и описывающих их уравнений – в этом Бальди был непогрешим, – но оценки личности Геверница. Бальди часто имел дело с военными и считал, что отлично знаком с шаблонами генеральской логики, что люди, мыслящие иначе, попросту не дослуживаются до больших звезд на погонах.

Бальди ошибся. Но нашелся человек, способный исправить ошибку гения. И исправивший.

Пуля ударила в гладко выбритый затылок генерала. Умер он мгновенно.

Через две минуты убийца, сидящий под прицелами нескольких стволов, разговаривал с президентом Моратти.

– Дивизионный генерал Геверниц пытался сорвать выполнение операции «Большая Грета», – говорил убийца, – уничтожив взлетно-посадочную полосу и заблокировав несколькими взрывами вход в сферу Бальди. Все преступные распоряжения зафиксированы, и я считаю, что принял единственно верное решение. Готов ответить за свои действия перед трибуналом, господин президент.

– Принимайте командование. Перед трибуналом ответите потом… Если «Большая Грета» не сработает в назначенный срок. А если сработает, я поздравлю вас со званием дивизионного генерала. И не только с ним, думаю…

Стелла

Город окружала не только стена.

Каким-то непонятным образом здесь, внутри, оказалась и река, оставленная далеко позади. Водный поток разделялся на два рукава. Затем они вновь сливались. А на острове стоял город… Небольшой, на несколько десятков домов.

Первый эпитет, приходивший в голову при его виде: яркий. Яркие черепичные крыши возвышались над яркой зеленью деревьев; флюгера на крышах сверкали нестерпимо для глаза. Казалось, что даже источник света, зависший в центре сферы, светит здесь в разы ярче…

– Я перевезу вас, если захотите, – сказал Харон.

Перевозчик оказался тут как тут, едва Стелла подумала, как же они станут переправляться… Только что не было – и появился. Та же лодка, тот же белый плащ. Но лицо Харона выглядело осунувшимся, постаревшим лет на десять.

– Там живет тот, кто создал этот мир? – спросил профессор.

– Нет. Там будете жить вы.

– Зачем? – спросила Стелла.

– Не знаю. Я должен предложить, вы вольны отказаться.

– Другие варианты есть? Мы можем вернуться? – уточнила она.

– Нет. За Реку возврата нет. Но вы сможете жить на острове, долго и спокойно. Очень долго.

– Там нет времени, насколько я понимаю? – спросил профессор.

– А разве оно где-то есть? Его кто-то видел? Это слово не имеет значения.

Бальди повернулся, вопросительно посмотрел на Стеллу.

– Не желаешь воспользоваться предложением? Не самое прекрасное мгновение, чтобы его останавливать, но уж какое есть. Там тебе никогда не стукнет сорок. Мечта любой женщины…

– А ты?

– Куда ж я от тебя? Буду рядом умирать от скуки. Научусь вырезать фигурки из дерева. Мой отец всегда хотел, чтобы я научился, как это умел он, замечательный был резчик. А у меня вечно находились другие дела…

– Тогда я отказываюсь. Я выходила замуж не за резчика по дереву, умирающего от скуки.

– Мы не поплывем на остров, – сказал профессор Харону. – Извините за напрасный вызов…

– Почему напрасный? Я могу доставить вас куда угодно. Один

раз, последний. Даже за Реку, но там вы умрете.

– Куда угодно? – заинтересовалась Стелла.

– В любое место Мира, – уточнил Харон.

– Значит, не совсем куда угодно… – констатировала она и посмотрела на мужа.

Тот молчал. И смотрел в зенит. Не отрываясь.

– Эта штука, между прочим, не только светит, но и греет… – предостерегающе сказала Стелла. – Несколько тысяч градусов на поверхности наверняка есть.

– Что-то мне не видится других вариантов… Надо рискнуть.

Бальди всегда останется Бальди. Она кивнула и засмеялась – совсем как та студентка, в которую по уши втрескался двадцатисемилетний профессор, многими почитаемый за величайшего физика современности…

…Плащ с треском разорвался, разошелся на куски, на полосы – Харон повел плечами, и остатки его одежды упали. Крылья оказались белоснежными, с перьями, ни дать ни взять крылья громадного лебедя. Стелла не удивилась, так и должно быть в мире, созданном из остатков, осколков, ошметков прежнего… Ангельские крылья, все правильно. Выглядят красиво, но едва ли будут способны бороться с нормальной гравитацией… Не важно, все равно здесь гравитации нет, ни нормальной, ни пониженной, ни какой-нибудь иной, – все тела в этой вселенной, все предметы отталкиваются от Света, от светила, зависшего в центре Мира, – иначе как бы они смогли разгуливать по всей поверхности сферы Бальди?

Потом был полет. На удивление недолгий, хотя Стелла подозревала, что он сможет растянуться на целую вечность – если подтвердится гипотеза, что все тела, по мере приближения к центру Мира, уменьшаются в размерах, а скорость света замедляется…

А может, и растянулся… В конце концов, как говорит Харон: что такое время и кто его видел?

Вблизи Свет оказался огромным. Не повисший в зените тусклый шарик – нестерпимая для глаза поверхность от горизонта до горизонта. Смотреть на нее не было никакой возможности. Стелла, стиснутая могучими руками Харона, закрыла глаза. Лицо чувствовало испепеляющий жар, и он усиливался.

Они все-таки сгорят… Обидно. Надо было выбрать покой, успела подумать Стелла, прежде чем превратиться в ничто, в короткую болезненную вспышку…

Потом она почувствовала прохладу. Открыла глаза. Испепеляющая поверхность Света исчезла. Харон исчез. Рядом был Бальди, и стояли они в самом центре очень странного

помещения.

Стояли? Нет, скорее парили в вертикальном положении, без какой-либо точки опоры. Вокруг, со всех сторон, – зеркала. Огромные зеркала в форме правильных пятиугольников, сверху, снизу, повсюду, – ничего, кроме зеркал, смыкающихся краями, образующих правильный многогранник. Расстояние до зеркал и их истинные размеры оказалось трудно оценить, вокруг не было ничего, позволяющего определить масштаб. А двое пришельцев в зеркалах не отражались.

Там отражались – по одному в каждом зеркале – другие люди, которых не было здесь, внутри огромного додекаэдра. И тем не менее Стелла понимала и чувствовала – перед ней не окна, не экраны, именно зеркала. Очередной парадокс в порядком надоевшей череде парадоксов.

– Кто эти люди? – тихонько спросила Стелла. – Они нас видят?

– Не люди… Один человек… По крайней мере, когда-то его считали человеком… Не знаю, насколько обоснованно.

Стелла не поняла ничего. Ей обитатели зеркал показались совсем разными… Хотя… если приглядеться… да, что-то общее есть… Высокий лоб, очень крупные глаза, руки с удивительно длинными и подвижными пальцами… Но различий больше.

Люди в зеркалах занимались своими делами, не обращая внимания на гостей. Стелла долго вглядывалась в один из пятиугольников – в нем виднелся человек в длинной мантии, явно служившей рабочим халатом, изрядно заляпанной… Человек сидел, согнувшись над столом, и над чем-то напряженно работал – что именно он делал, Стелла не могла понять, поле зрения было ограничено. Время от времени человек припадал глазом к окуляру микроскопа – на вид древнего-древнего, латунного.

Похоже, результаты работы не слишком устраивали человека – лицо казалось недовольным, губы шевелились, но ни звука до Стеллы не доносилось…

Потом она заметила странную вещь – зеркало, именно это, придвинулось. Или же она каким-то образом переместилась к нему. Человек стал лучше виден, Стелла уже слышала слабые отзвуки его слов, язык показался незнакомым. Казалось, стоит продолжить вглядываться – и зеркало надвинется вплотную, а затем Стелла окажется там, в Зазеркалье.

Она торопливо отвела взгляд. Потом искоса взглянула снова. Зеркало отодвинулось на прежнюю дистанцию. Стелла не удержалась, повторила эксперимент – человек становился все ближе, все реальней, – и работа его подошла к концу: откинулся на спинку кресла, с довольным видом созерцая что-то, невидимое

Стелле. Произнес непонятную, но торжественно прозвучавшую фразу, взмахнул рукой… Она опомнилась в последний момент, на самой границе, до того хотелось разглядеть, чем же занят незнакомец.

На третьем цикле наблюдений разглядела… И удивленно вскрикнула:

– Так ведь это же…

– Да, это святой Маркус… – согласился Бальди. – Видишь руну Кронг?

Стелла не поняла ничего. Она хотела сказать, что в большой конической колбе копошились крошечные серые твари – точные копии тех, с которыми воюют солдаты Геверница. Копии, уменьшенные в масштабе сто к одному.

Но Бальди, как выяснилось, смотрел на другое зеркало – где человек в длинном прожженном фартуке возился рядом с чем-то огнедышащим, не то с топкой громадной печи, не то с чем-то в том же роде.

– Ты сюда взгляни! Вот откуда берутся твари, что лезут из прорывов! Подожди… Маркус Кронг?! Этот алхимик – прелат Маркус Кронг?! Но ведь он…

– Как видишь, не совсем…

– Но где же он? Что отражают эти чертовы зеркала?

– По-моему, ничего не отражают… И он именно там.

– В Зазеркалье?

– Можно использовать и такой термин. Демиург из Зазеркалья…

– Ты циник, Бальди… Перед тобой творец мира, который ты самонадеянно назвал своим именем.

– Случается… Америго Веспуччи тоже не сотворил континент, названный в его честь.

– Смотри, ему чем-то не нравятся получившиеся гомункулусы… Совсем не нравятся…

И в самом деле, колба с копошащимися существами была небрежно отброшена в сторону, послышался звон бьющегося стекла. Человек что-то раздраженно произнес. Стелла подумала, что сейчас, или же очень скоро, случится очередной прорыв…

– Что он сказал? Ты понимаешь?

– Что-то о нехватке энергии… Забавно… Мои расчеты показали то же самое – этот мир задыхается без энергии, он на грани коллапса, ему нужен свой Большой взрыв… Но кто бы мог подумать, что здесь сидит в должности демиурга отражение Маркуса Кронга и страдает от той же беды…

– Боюсь, в этом мы ему не поможем…

– Да почему же? Насколько я знаю Геверница и Моратти –

помощь уже в пути.

И тут они допустили ошибку… Заговорились и оказались слишком близко к невидимой грани, к границе с Зазеркальем. Возможно, даже коснулись этой грани.

Отражение Маркуса уставилось на них. Не просто в их сторону – именно на них.

Стелла не успела испугаться. Увидела резкий взмах руки прелата, услышала громовой голос, выкрикнувший повелительную фразу.

И не стало ничего. Их тоже не стало…

Эпилог

Бригадный генерал Феликс Донахью сидел за столом в том самом разборном домике-штабе, где он три дня назад застрелил своего непосредственного начальника. На столе лежал «дыродел». Тоже тот самый.

Но и домик, и «дыродел», и бригадный генерал теперь находились далеко, в двух сотнях километров от штольни, ведущей в сферу Бальди.

Эвакуация прошла по плану. Закладка заряда прошла по плану. На экране виднелся пейзаж «зоны Алеф», в углу мелькали цифры обратного отсчета. Последние секунды уходили в ничто, капали в вечность…

На экране двоеточие разделило две пары нулей. Бригадный генерал зажмурился, смотрел сквозь узенькую щелочку век, хотя знал, что фильтры приглушат яркость вспышки…

Ничего не произошло. Вспышки не было. Четыре нуля на экране издевательски подмигивали.

Секунда, другая, третья… Тишина. Мирный пейзаж «зоны Алеф», покрытый выжженными пятнами былых прорывов.

Он схватил микрофон, потребовал данные мониторинга «Греты». Голос напоминал рык раненого тигра.

Оставалась надежда на неисправность, досадную и легко исправимую. Он знал, что такое невозможно в принципе, что все цепи, все системы продублированы и протриплированы… И все же надеялся.

Через несколько минут надежда испарилась. Данные подтвердили: взрыв произошел, все телеметрические датчики уничтожены, напоследок зафиксировав запредельный выплеск энергии.

Стомегатонный фейерверк все-таки состоялся. Но прошел совершенно незаметно. Даже легчайшего сейсмотолчка аппаратура не записала… Бригадный генерал Донахью был в шоке. Если бы ему довелось видеть, как стреляет штурмовая винтовка в сфере Бальди, у генерала могли бы возникнуть кое-какие догадки. Но он не видел. И не понимал ничего.

Однако подозревал, что Моратти не удовлетворится взрывом, зафиксированным исключительно датчиками в подземной каверне. Президенту нужен не взрыв сам по себе, это лишь средство для устранения источника постоянной угрозы… А устранен ли он – вопрос вопросов.

Долго своим вопросом Донахью не терзался… Пейзаж «зоны Алеф» начал меняться, зеленый альпийский луг начал

вспучиваться вновь образующимся холмом…

Прорыв. Очередной прорыв… Задание провалено.

Донахью не знал, что за секунду до того – или за тьму эпох, смотря как считать – этот прорыв предрекла молодая женщина, зависшая в центре громадного, из зеркал составленного додекаэдра… Он знал другое: дивизионным генералом ему не бывать. И дальнейшая судьба сократилась до двух возможностей: взять со стола оружие и застрелиться сразу или же дожидаться, чем закончится трибунал – позорной отставкой или тем же «дыроделом» с одним патроном… Какой вариант предпочтительнее, Донахью еще не решил.

* * *

Стелла-Маргарита-Присцилла фон Линц, по мужу Бальди, открыла глаза. И увидела новое небо и новую землю. Небо было голубым, бездонным. На земле росли одуряюще пахнувшие травы и цветы…

– Бальди…

– У-у?

– Деревья, трава, цветы… Где мы?

– Не знаю…

– Знаменательный момент… Когда-нибудь тут поставят памятный знак: дескать, великий Бальди именно здесь впервые произнес «Не знаю»… А если подумать?

– Вариантов ровно три. Или мы на Земле. Или все еще гостим у мессира Маркуса. Или оказались где-то еще…

– Над нами не Солнце, угловой размер меньше…

– Значит, первый вариант отпадает.

– И висит точно в зените…

– Значит, вероятность второго варианта возрастает.

– Но птицы… Ты слышишь птиц?

– Не знаю насчет птиц, но звуки вполне характерные для живых организмов в процессе их жизнедеятельности.

– Когда-нибудь я пристукну тебя, Бальди… Он научился творить живое! Ты понимаешь?! Живое, а не шевелящееся подобие жизни!

– Не изучив вопрос, я бы воздержался от столь категорических выводов. Но гипотеза более чем вероятная.

– А если это Эдем? Новый Эдем? Если все сначала? Если мы первые?

– С точки зрения современной генетики, едва ли нам удастся заселить своими потомками целый мир… Хотя кто знает, какая

генетика тут…

– Зачем он оставил нам память? Чтобы все закончилось, как в первый раз? Снова по накатанному пути?

– Лучше бы он оставил нам запас еды и одежды… И хотя бы плохонький комп с источником питания. Мне не терпится просчитать одну любопытную идею, небольшое следствие из общей теории протосингулярных полей… Кажется, эти два мира можно все-таки привести к единому знаменателю и разработать… Подожди, подожди… Если взять в качестве константы…

– Замолчи! И отправляйся на поиски еды! Здесь должно обитать что-то съедобное!

– Знаешь, я пока не готов к убийству живых существ ради пропитания… разве что позже, при нехватке животных белков… Попытаемся пока обойтись плодами? Вон, кстати, у тебя над головой висит нечто на вид вполне съедобное… Рискнем продегустировать?

– М-м-м… вкусно… Тебе оставить половину?

Виталий Абоян
Пожелай за меня

– Да ты че?! – театрально выпучив глаза, воскликнул небритый мужик, который подсел к Митрофану с полчаса назад.

– Именно так, – сказал Митрофан и для убедительности ткнул в сторону собеседника лоснящимся от жира пальцем.

Митрофан имел вид колоритный: густая окладистая борода, светлый, обильно измазанный засохшей грязью тулуп, снимать который бородач не стал, а только расстегнул, довольно длинные нечесаные волосы. Классический мужик из старинной русской сказки. Впрочем, здесь многие так ходили – холодно и места дикие.

Собеседник бородача выглядел совершенно иначе: высокий, широкоплечий, с плавными размашистыми движениями – в каждом его жесте читались сила и чувство превосходства. Одет он был соответственно случаю, но, в отличие от Митрофана, не в тулуп, а в явно недешевую утепленную куртку из кевлайкры, которую гость повесил на спинку стула. Щеки и подбородок мужчины покрывала темная двух-трехдневная щетина, однако до Митрофановой бороды этой поросли было еще очень далеко.

Вообще-то, этого мужика сюда никто не звал. Ни Митрофан, ни кто-нибудь другой. В забегаловку со странным названием «Полноги» пускали, конечно, всех, никакого фейсконтроля или дресс-кода. Места не гламурные, не до дресс-кодов. Но мужика этого раньше сюда не заносило, откуда и куда он – никому не ведомо. Да и Митрофан не то чтобы сильно рад был сидеть с небритым увальнем за одним столом. Но другого места тому и в самом деле не нашлось – время обеда, яблоку в «Полноге» упасть негде, – так что как-то не по-человечески получалось, если б Митрофан его отогнал.

Появился мужик вчера с тремя молчаливыми бугаями, у каждого – недобрый взгляд исподлобья. Ни с кем не общался, только к Сухостою подошел, да, видно, что-то не заладилось между ними. После разговора с проводником он и сам стал настолько угрюмым, что дал бы фору любому из своих сопровождающих.

Это сейчас он повеселел немного, потому что пойло в «Полноге» было что надо, а наливал его в стакан небритый от души и глотал – часто. Он и появился в «Полноге» уже навеселе, а теперь, раскрасневшись лицом, и вовсе едва ворочал языком. Но, несмотря на осоловелый взгляд, слушал рассказы Митрофана

внимательно, то и дело переспрашивая что-то или уточняя.

А интересовало его Мушиное болото. Что, мол, да как. И, коль скоро пил он за одним столом с Митрофаном, как бы потеснив того, то и угощал щедро, отчего язык у Митрофана развязался по полной программе и рассказывал он все как знал, и даже привирал кое-что. Если уж быть до конца честным, то после пятого стаканчика водки – в основном привирал.

– И ты знаешь, как туда попасть? – наливая еще по одной, уточнил Митрофанов сосед.

– Ну, знать не знаю, а показать…

Отродясь перекошенная тяжелая титопластовая дверь, снятая бывшим хозяином «Полноги» с какого-то брошенного наукомовцами бункера, с силой ударилась о косяк, заставив вздрогнуть посуду в заведении. Митрофан поднял взгляд и, встретившись глазами с вошедшим человеком, осекся на полуслове.

– Ну? Ну как туда… того-этого… добраться-то? – нещадно икая, напирал мужик.

Но бородачу словно кляп в рот вставили. Взгляд его мгновенно утратил хмельной огонек дурачества и сделался жестким и каким-то настороженным.

– Да не знаю я, – отмахнулся от небритого мужика Митрофан.

Он поднялся из-за стола, бросив между тарелок с объедками несколько купюр, и направился к выходу. К той самой перекошенной титопластовой двери.

Проскочить наружу не удалось: вошедший мужчина, не поворачивая головы, мертвой хваткой сцапал Митрофана за рукав и остановил его.

– Да я и ничего, – замялся Митрофан, вяло дергая рукой в попытке вырваться.

– Вещи собери, – тихо сказал мужчина.

– На завтра?

Митрофан перестал дергаться и поднял полные страха и безнадежной тоски глаза на вошедшего.

– Нет, – мужчина все так же не смотрел в сторону Митрофана, его взгляд был устремлен в глубь зала, и теперь становилось совершенно ясно, что рассматривал он того небритого пьянчугу, который выпытывал у Митрофана подробности о Мушином болоте, – до завтра не успеем. Скорее дней через пять, самое раннее – через три.

– Ага, – кивнул Митрофан и рванулся к двери, но клешня на его рукаве не ослабла.

– Как думаешь, Шкодин, за три дня успеет? – бросил только что пришедший мужчина небритому.

Тот неспешно наполнил стограммовый стакан из ополовиненной бутыли, резко, запрокинув голову, выплеснул крепкое пойло в глотку и, сморщив нос, сказал:

– Так ты же условия свои решил ставить. Это ты скажи, когда передумаешь.

– Это не мои условия, и передумывать мне не о чем. Когда твое начальство сюда добраться сможет?

– Ты распоряжения свои для… – небритый поискал глазами и, наткнувшись на поникшего бородача, удовлетворенно кивнул, – для Митрофана вот прибереги.

– Ну, как доберутся, так и выйдем. Наверное, Митрофан, за три дня не успеем. Шкодин сам все проверить, как я посмотрю, хочет.

– Так я пойду. Собирать, значит, – Митрофан дернулся, рукав выскользнул из расслабившихся пальцев мужчины.

Снаружи стояли сумерки заканчивающегося полярного лета, и завывал пронизывающий до самого нутра ветер. Митрофан спешно засунул руки в карманы, поднял воротник и направился в сторону поселка.

Размокшая грязь под ногами хлюпала и чавкала при каждом шаге. Здесь все хлюпало и чавкало – край озер и болот, чтоб ему пусто было. И холодно здесь всегда. Ну почти всегда: пару-тройку недель летом можно было обойтись без тулупа и даже без куртки, а все остальное время – промозглая сырость или пробирающий до костей мороз.

Тусклое, будто пылью присыпанное, багровое солнце неуверенно мялось возле самого горизонта. Еще несколько недель, и спрячется за окоемом до весны. Тогда хлюпать окончательно перестанет и начнет похрустывать и скрипеть. Хотя по утрам уже давно похрустывают ледяные корочки, накрывающие грязь за ночь.

Видно было далеко – деревьев, считай, нет совсем, только чахлые, искореженные неприветливым климатом березки да совсем уж редкие сосенки. Не считая поселка, следов человека не заметно. Они были здесь, эти следы, но заметить их нелегко. Да и болота быстро стирают все, что успели оставить прошедшие через них люди. Болота вообще хорошо справляются с возвращением природе первозданного вида. И с людьми – тоже: поживешь здесь каких-нибудь пару месяцев и превращаешься в натурального первобытного дикаря. Даже говорить на какой-то древний малограмотный манер начинаешь. Почему так, Митрофан не знал.

Знал он одно, что живет здесь всего второй год, а уже окончательно опустился. Превратился из вполне успешного

физхимика – человека образованного и уважаемого, почти капера – в бородатого мужика, лопочущего непонятно что и пьющего круглые сутки, если не ушел на болота. Нефть искать – теперь ее везде ищут, даже там, где «черного золота» нет и никогда не было. А здесь был газ. И нефть должна быть, но ее еще нужно найти. На самом деле в этих неприветливых краях было много всякого разного. Только уюта и комфортной жизни здесь не было.

И назад идти ему никак нельзя. Он до конца не понимал, почему, но был уверен, что – нельзя.

А еще тут имелся Сухостой. Тот самый мужик, что велел Митрофану собирать вещи. Проводник – лучше него болота никто не знал. Он ориентировался здесь, будто вырос в этих краях. Здоровенный детина двух метров росту, крепкий, словно горный кряж, с короткими, тронутыми сединой волосами, всегда аккуратно выбритый и опрятно одетый. Если б Митрофан был бабой – непременно влюбился бы в Сухостоя.

Женщины в поселке имелись, но этап увлечения немногословным красавцем давно прошел, потому что Сухостой ни на кого из них внимания не обращал. Совершенно. Будто был роботом, а не живым мужиком. За эту «сухость» и сдержанность в словах и движениях Сухостоем его и прозвали – вроде и стоит, не падает, а мертвый, сухой изнутри.

На самом деле звали его Григорием. И служил он раньше, еще до аварии, на недалекой отсюда Станции, не то в спецназе ОКР, не то даже в СБА. Но точно, откуда он родом и как попал в эти края, в поселке никто не знал. Поговаривали, что Сухостой казачок засланный, разговоры при нем не вели и вообще – предпочитали держаться подальше от странного человека.

В поселке Сухостой появлялся нечасто, все больше по болотам ходил. В том числе и по Мушиному, изучая топи и странные места, коими Мушиное болото изобиловало поболе других. Похоже, именно такие места он и искал. А Митрофан, однажды по пьяни прибившийся к Сухостою и, когда протрезвел, обнаруживший себя бредущим по трясине в компании молчаливого здоровяка, с тех пор и ходил при нем вроде как ординарцем. Или оруженосцем. Хотя оружие Сухостой не любил и карабин таскал с собой скорее для порядка, чем по необходимости.

Но познакомился с Сухостоем Митрофан еще раньше, два года назад. Тоже – на болоте, как раз на Мушином. Надо сказать, страху Митрофан тогда натерпелся – не передать. Только и возразить Сухостою он теперь не мог: видел, на что тот способен, с такими людьми лучше поддерживать хорошие отношения. А так, он вроде бы и свой стал проводнику.

Вот только «своих» для Сухостоя не существовало.

– А ну, подожди, Митрофан, – послышался голос сзади.

Громко хлюпая по лужам, его догонял давешний приятель из «Полноги». Здесь, на холодке, под неверным светом северных сумерек, он смотрелся заметно свежее, чем внутри прокуренного и наполненного сивушными парами кабака, но все равно было видно, что мужчина изрядно пьян.

– Не нукай, не запряг, – проворчал Митрофан под нос, но шаг сбавил, подождав пришлого. – Чего надо?

– Ты мне про Сухостоя расскажи.

– А чего рассказывать-то?

Митрофан шел к поселку, внимательно рассматривая грязь под ногами, на шапочного знакомца он не смотрел. Ох и не понравится Сухостою, что он с чужими разговаривает. Да еще про него, Сухостоя, и судачит. И про болота этот хрыч выпытывает, будто знает что-то.

– Ну, что он за человек. Откуда появился здесь, чем занимается?

Митрофан резко остановился, подняв взгляд на попутчика. Тот от неожиданности запнулся, едва не врезавшись в Митрофана. Ноги его поехали на грязи, и облаченная в явно недешевые, но совершенно не подходящие для здешних хлябей штаны задница плюхнулась в склизкую коричневатую жижу.

– А тебя как звать-то? – запоздало поинтересовался Митрофан, даже не пытаясь помочь барахтающемуся в скользкой слякоти человеку.

– Михаил… – крякнув, мужчина запнулся на полуслове. Он явно собирался сообщить и отчество, но, видимо, сообразил, что в сложившихся обстоятельствах представляться столь торжественно не стоит.

– Ехал бы ты лучше, Михаил, отсюда с первым же обозом. Думаю, пацаны вездеходы через день-два загрузят под завязку, могут и тебя взять. Если попросишь, – с этими словами Митрофан повернулся и пошел от все еще сидящего в грязи знакомца прочь.

– А Сухостой сказал, что надо остаться! – выкрикнул вслед Михаил.

Митрофан остановился, рисуя абстрактные закорючки носком заляпанного ботинка в чавкающей грязи. Он явственно ощущал, как по спине от поясницы, добравшись уже почти до загривка, шустро побежали мурашки.

– Ну, раз Сухостой так сказал, значит, останешься, – негромко пробормотал Митрофан и пошел дальше.

– А Мушиное – где? – не унимался Шкодин. – В какую хоть сторону идти?

Митрофан, не сбавляя шага, показал рукой на северо-запад, туда, где лежало Мушиное болото. Сам бы он туда не пошел, нечего там без Сухостоя делать, это он точно знал. А раз Михаилу так надо – его дело, пусть попытается.

– Недалеко оно от поселка, часа четыре ходу, – сказал он.

Надо хорошо выспаться. И не пить до намечающейся «экскурсии» – Сухостой же сказал, что дня через три, скорее всего, выходить придется. И вещи велел собрать. Просто так он вещи брать не будет. Стало быть, опять пойдут *туда*. В то самое место, о котором так настойчиво хотел узнать этот непутевый Михаил. Какого черта ему там надо? Хотя Митрофан догадывался, но догадываться одно, а знать – совсем другое.

У себя дома Михаил, похоже, был шишкой. Не самой крупной, но все же шишкой. Сразу заметно – властные интонации, нос свой везде сует. Плевать ему, как бы, на всех. Ну ничего, еще наплюется. Раз Сухостой ему так сказал…

Митрофан зло сплюнул в грязь и, поболтав ногами в ржавом кособоком корыте, зашел в барак, в котором жил уже второй год. Несмотря на импровизированную мойку для обуви, линолеумный пол в коридоре был густо измазан грязью, и приходилось придерживаться руками за стены, чтобы не упасть, поскользнувшись. Зимой холодно, но не в пример чище.

Только зимой тут делать нечего. Большая часть поселенцев разъезжалась, кто-то вернется весной, кто-то – нет. А Митрофан, как попал сюда, не уезжал ни разу. Тут и зимовал. Вместе с техниками, следящими за газовым оборудованием. И с Сухостоем. Не пришло еще его время.

А на болота зимой ходить незачем – топи на несколько метров вглубь промерзают.

Правда, Сухостой все равно на Мушиное продолжал таскаться, и Митрофана с собой часто брал.

Ключ легко повернулся в замке, чахлая дверь, прошуршав трагично опустившимся вниз углом по полу, легко открылась, и перед бородачом предстало его жилище. Две тесных комнатки, одна из которых была чем-то вроде спальни, вторая – вроде как гостиная, совмещенная с прихожей. На самом деле это все было именно «вроде как». Один лишь потертый топчан с измятым и давно не стираным бельем обозначал местно для сна. Окна измазаны чем-то – Митрофан уже и не помнил, чем и когда, но совершенно точно знал, что измазал их он сам. Чтобы заглядывать в них неповадно было.

Бородач скинул сапоги и тулуп и, как был в одежде, завалился в кровать. Вещи он соберет завтра. Тут, куда ни глянь, – одни вещи. Те самые, что хотел видеть в походе

Сухостой: какие-то камни, поросшие мхом, мешочки с сушеными травами, банки с мелкой галькой, костяные амулеты и рога, десятки раскидистых, кажущихся пушистыми рогов северных оленей. Вот это и были нужные проводнику вещи, о палатках или смене белья он не вспоминал никогда.

…Как Сухостой и сказал, делегация явилась на четвертый день. С неба на вертолете спустились. Не иначе, со Станции прилетели.

Митрофан медленно обошел свесившую обмякшие лопасти винтокрылую машину, придирчиво разглядывая маркировки на фюзеляже. Пилот, стоявший рядом с кабиной, посмотрев на Митрофана, словно на дикого туземца, усмехнулся и закурил сигарету. Митрофан втянул ноздрями дым – курево у летчика пахло хорошо, не самопальное. Точно, со Станции: и «этикетки» все на месте, и дым, значит, правильный вертолетчикова сигаретка источает.

– Куревом не угостишь, любезный? – оторвавшись от лицезрения «этикеток», спросил Митрофан. Он обтер немытую с утра ладонь о не особенно чистую куртку и, сделав пару шагов вперед, протянул руку пилоту. – Митрофан я, – представился он.

– Угу, – промычал вертолетчик, но руку не пожал, а спешно порылся в кармане, явив оттуда едва початую пачку, вытряхнул из нее три сигареты и протянул их Митрофану. Откупиться, стало быть, решил.

– Ну, благодарствую, – усмехнулся Митрофан. Потом, хлопнув пилота по плечу, спрятал трофей и пошел обратно, к «Полноге».

Перед титопластовой дверью стояли двое в кевлайкре. Профессионалы, сразу видно: внимательно осматривают пространство, причем каждый свою сторону, так что мертвых зон практически не остается. Оба, никого не стесняясь, держали в руках по «коловороту».

Митрофана спросили, кто таков. После представления просветили сканером затылок – обычно «балалайку» Митрофан не носил, только по надобности вставлял чип, как сейчас, – и, быстро ощупав одежду, пустили внутрь.

Сухостой, понятное дело, был в «Полноге». По его распоряжению Митрофана и пропустили в кабак – сегодня пустующий, по причине прибытия в поселок большой шишки. Митрофан точно не знал, кем является человек, с которым Сухостой в обычной своей безразличной ко всему манере сейчас беседовал за центральным столиком, но, насколько смог понять, он владел чем-то довольно крупным и был чуть ли не настоящим

верхолазом. С самого верха слезшим в их заполярную грязь. Единственно, что Митрофан знал точно, это имя немолодого, очень дорого одетого человека, лениво, но с неподдельным интересом и даже каким-то нетерпением взирающего на говорящего Сухостоя, – Алексей Майнер.

Вроде бы в прошлом этот Майнер был каким-то элитным наемником, а потом сколотил команду таких же, как он, бойцов, быстро превратившуюся в довольно большой и доходный охранный бизнес. Попутно не обделенный умом наемник для отвода глаз прикупил какую-то корпорацию – наверняка давно и надежно загибающуюся – и превратился в верхолаза. По статусу, но он явно страстно желал стать им и по размеру состояния. «Для того, наверное, – подумал Митрофан, – он сюда и приплелся, поверив в басни Сухостоя».

– Выходим сегодня, после обеда, – сказал Сухостой.

Майнер поджал губы и повернул голову направо, встретившись глазами с давешним знакомцем Митрофана Михаилом. Тот был совершенно трезв и выглядел озадаченно и очень печально – не нравилось ему в поселке на трезвую голову, очень не нравилось. Особенно – после того, как он вернулся с болот. Что он там нашел и нашел ли – Митрофан не знал. Но вернулся Шкодин один, хотя увел с собой, говорят, всю троицу угрюмых бойцов.

Никто мнения Шкодина здесь, похоже, не спрашивал. Михаил коротко пожал плечами и покачал головой.

– Может, лучше завтра с утра? – предложил Майнер, заглядывая в глаза Сухостою настолько пристально, будто надеялся обнаружить подтверждение собственной правоты выжженным на сетчатке собеседника.

Сухостой медленно покачал головой, отчего тут же стал похож на отощавшего медведя. Он поднялся и, легонько, без нажима отпихнув с пути здоровенного детину – надо думать, одного из охранников этого Майнера, – направился к выходу.

– Сегодня после обеда, – повторил он, не оборачиваясь.

Митрофана он поманил за собой.

– Чего от тебя хотел этот Михаил? – спросил он, когда они отошли от «Полноги» метров на пятьдесят – Сухостой, неспешно переставляющий длинные ноги, а Митрофан, семенящий следом и пытающийся понять, что происходит и что ждать в дальнейшем.

– Да, ничего особенного. О тебе спрашивал.

– Что спрашивал?

– Что ты за человек, откуда.

– И что ты ему сказал?

Митрофан остановился, глядя вслед Сухостою.

– Да ничего не сказал, – крикнул он вдогонку. – Ты же сам *велел* ему идти с нами.

Сухостой усмехнулся.

– Мог бы тогда и сказать.

Значит, правильно Митрофан понял насчет Михаила этого.

Вообще-то, Сухостой мужик не злобный. Мрачный, но не злобный, без нужды даже комара не задавит. Раз решил насчет пришлого, стало быть, так нужно. Вопрос только – кому.

– Ты же помнишь, что делать? – спросил проводник.

Сухостой не изменился в лице – все то же безразлично-мертвенное выражение, – но Митрофан понял, что он несколько… взволнован, что ли.

– Этот Майнер – тот самый! – уточнил Митрофан.

Сухостой кивнул. Бородач кивнул в ответ. На самом деле он ничего не знал, не понимал, что нужно проводнику. История казалась странной и запутанной с самого начала, но он поверил Сухостою и старался делать, как тот говорит.

– Может, с утра пойдем? – без всякой надежды спросил Митрофан. Так же, как попавшему не в то место и не с той компанией Михаилу, идти на болота в ночь ему очень не хотелось.

Сухостой ничего не ответил. Лишь головой покачал. Объяснять не было необходимости – как-то с год назад он пытался что-то втолковать Митрофану по этому поводу. Митрофан из объяснений ничего не понял, но переспрашивать не стал.

– К Комариной поляне их приведешь, – бросил Сухостой, свернув с расквасившейся в моросящем третий день дожде тропинки в невысокие чахлые кустики. – К половине пятого.

Митрофан машинально шлепнул ладонью по шее – сейчас там ничего не было, но Комариная поляна называлась так не для красного словца. Черт его, этого Сухостоя, поймет, что ли его зудящие кровососы не трогают?

Темнота к половине пятого была уже практически полной. Только на западе небо еще немного отливало багрянцем, не добавляющим, впрочем, света остальному пространству, да время от времени вспыхивали далекие бесшумные молнии – на поселок надвигалась гроза.

Следом за Майнером, которому явно не терпелось отправиться на болота, с кислыми рожами притащилась и остальная братия. Всего их было шестеро. Один лишь предводитель шагал бодро, в глазах двух телохранителей, не отходящих от «тела» ни на шаг, и двух отлично экипированных бойцов, идущих чуть впереди, желания лезть в дикие топи не

наблюдалось. Шестым был Михаил. Митрофан слышал, как в «Полноге» Сухостой говорил, что, мол, остальные не нужны, только Майнер должен идти. Но верхолаз сделал по-своему, и Митрофан не был уверен, что поступил он правильно.

Как только пришли на поляну, вся честная компания поснимала рюкзаки и вознамерилась присесть, отмахиваясь от наседающих насекомых и не догадываясь о том, что комарья, несмотря на то что репеллента не жалели, здесь будет с каждой минутой только больше. Но они не успели даже опустить поклажу на землю: из темноты появился Сухостой и коротко сказал: «Пошли».

– Какого черта?! – возмутился Михаил. – Вы приказали сходить туда, я сходил. Ничего хорошего… я вот… – голос Михаила дрожал и срывался, – но дальше-то… Я не пойду!

Похоже, тон единственного из свиты Майнера человека, уже успевшего побывать на болотах, удивил всех. Люди верхолаза, неспешно натягивающие лямки рюкзаков на плечи, оживленно начали обсуждать это вполголоса. Сам Майнер только замер на мгновение, словно раздумывая, а потом развел руки в стороны – благо рюкзаком он обременен не был – и сказал:

– Ну, иди. Куда хочешь, туда и иди. И без тебя разберемся.

Убивать дрожащего Михаила явно никто не собирался. Хотя, может, и собирался, но Майнер такого приказа не давал и убийства не планировал. Однако по тоскливому выражению глаз отказника Митрофан понял, что на верхолаза Михаил больше не работает. Высокооплачиваемая, надо думать, была работенка. Только вот и в болота он идти не хотел. И этот порыв его жалкой души Митрофан тоже понимал как нельзя более отчетливо.

Но Сухостой-то сказал, что Шкодин пойдет…

Сухостой появился из темноты столь внезапно, что вздрогнул даже привыкший к его фокусам Митрофан. Он, яростно вращая глазищами, что-то буркнул совершенно впавшему в депрессию Михаилу и тут же снова скрылся в темноте, раздвигая головой тучи роящихся над фонарем «туристов» комаров.

– Свет выключите, – бросил Сухостой.

Михаил, не отрывая взгляда от почти невидимого теперь Сухостоя, спешно натянул лямки своего рюкзака и двинулся следом, в темноту. Он больше не возражал, он вообще не разговаривал – Сухостой говорить не велел.

Митрофан вздохнул и, гаркнув на зазевавшихся подопечных, побрел следом за проводником. Потеряться на болотах он не имел ни малейшего желания.

Шли не особенно долго, часа три. Насколько они далеко ушли от лагеря, Митрофан сказать не мог – часто петляли,

обходили топи и какие-то уж совсем непонятные места, известные одному Сухостою. А потом проводник остановился и скомандовал привал.

Никто ничего не заметил. Никто, кроме Митрофана – он уже не раз бывал в этих краях и хорошо представлял, как это место выглядит при дневном свете. Выглядело оно всегда одинаково, вот только Сухостой никогда не водил к нему одной и той же дорогой, и сам Митрофан ни за что его не нашел бы. И назад дороги не нашел бы, как в тот раз, если бы не Сухостой… Правда, теперь Митрофан пропустил момент, когда они пришли. Не смотрел он на проводника, о своем думал, а по-иному никак и не догадаешься.

Михаил подошел к Сухостою почти вплотную, стянул рюкзак и, стремительно опустившись на землю, мирно засопел. Привал – так велено было.

Зажигать фонарь проводник не разрешил. Темнота здесь была густая, непроницаемая, казалось, она обволакивает человека, не позволяет даже двигаться. Однако Митрофан заметил, что Сухостой, удостоверившись, что вся группа в целости, накинул плащ-палатку и куда-то ушел. Совсем ушел, оставив их на болоте одних.

– Что это с ним? – спросил кто-то рядом, кивнув в сторону храпящего Шкодина, когда Митрофан тоже присел, удобно облокотившись о рюкзак.

– Митрофан, – напомнил бородач. Проводя короткий инструктаж в поселке, он уже представлялся, но вряд ли кто-то обратил на него особенное внимание. Равно как и сам Митрофан не запомнил имен.

– Ага, Андрей, – рука в перчатке нащупала в темноте ладонь Митрофана и пожала ее. – Со Шкодиным-то нашим что?

– Замерячил его Сухостой, – объяснил Митрофан.

– Что?

– Ну, это как… Про вудуистов слышал, про зомбей ихних?

– Так те ж мертвецов вроде оживляют, – возразил Андрей, и по голосу Митрофан понял, что ни в каких зомби он не верит. Признаться, Митрофан и сам не особо доверял вудуистским сказкам.

– Сухостой не оживлял Михаила – тот ведь и так живой был, он его замерячил, – повторил Митрофан и, увидев в глазах собеседника непонимание, махнул рукой и положил голову на рюкзак. Пока есть возможность, нужно спать, а то подъем проводник может объявить в любой момент, от движения солнца их график зависит мало. Да и светило здесь движется, как ему заблагорассудится.

Митрофан и сам не понимал, что такое делал с людьми Сухостой. Редко, только когда это на самом деле требовалось. Митрофан не всегда понимал, для чего, но верил Сухостою. Да и вреда от этого мерячения не было никакого: походит, как загипнотизированный, человек денек-другой за Сухостоем, сделает, что он ему велит, и снова становится самим собой. Что делал – не помнит.

Перенял странную премудрость Сухостой от местных, от лопарей. Он тут давно живет, Митрофан даже не знал сколько. Понял только, что научился он у лопарей многому. Правда, самих лопарей Митрофан никогда не видел и не знал, где с ними общается Сухостой.

– А проводник куда делся? – услышал бородач сквозь сон голос Андрея.

– Придет он, если взялся вести, не бросит. Проводник же.

Проснулся Митрофан резко, словно на него ушат ледяной воды вылили. Вой – тихий и обреченный – продолжал терзать барабанные перепонки. Митрофан вскочил и завертел головой, но источник шума так и не обнаружил. Недалеко, метрах в пятнадцати, Сухостой ровнял ножом длинную палку. Проводник ухмылялся, глядя на Митрофана.

Не было здесь того человека с белыми глазами, который пристально заглядывал Митрофану прямо в душу и выл. Не было его здесь, это был сон, а тут, наяву, только непонятно как попавшие в это место волки тянули свою жалостную и вместе с тем страшную песню, от которой кровь стыла в жилах.

Остальные спали. Даже Михаил спал. Хотя ему, наверное, Сухостой еще не велел проснуться.

– Чего головой вертишь? – спросил Сухостой.

– Волки воют, – уткнувшись взглядом во влажную землю, сказал Митрофан.

Нашел лужу с чистой водой, умылся. Немного полегчало. Волчий вой не унимался, даже пауз серый хищник не делал, все тянул на одной ноте.

– Да откуда тут волкам взяться.

Сухостой закончил работу, придирчиво посмотрел на отесанную палку, покачал головой – Митрофан не понял, остался он доволен инструментом или нет, – и спрятал нож.

– Волки, они в лесу. Здесь одни кикиморы водятся.

«Лучше б это были волки», – подумал Митрофан.

На небе клубилось серое, дающее слабый рассеянный свет марево. Здесь все словно бы замерло, будто не в тундре находишься, а попал внутрь какой-то не особенно правдоподобной картинки. Теперь Митрофан был уверен – это то

самое место, тот самый мир, куда водил его раз за разом Сухостой. И доказательством служили не странное освещение и замершая вокруг природа, а сам проводник: Сухостой улыбался, его лицо разрезала надменная и немного страшноватая ухмылка. Подобной картины в привычной реальности Митрофан не видел ни разу.

Бородач пошарил ногой, влажная и зыбкая почва потрескивала. Скоро зима окончательно вступит в свои права, еще немного, и бесцветное марево над головой заменят яркие разноцветные, словно неоновые, переливы.

– Подъем! – скомандовал Сухостой.

И голос его здесь звучал совершенно иначе – звонкий, властный, он будто наполнился какой-то неведомой жизненной энергией. Совсем не такой, как в поселке, где Сухостой разговаривал тихо и абсолютно безэмоционально.

Первым вскочил Шкодин. Именно вскочил, а не встал. Замеряченный подпрыгнул, застыв по стойке «смирно». Он смотрел на проводника широко раскрытыми глазами и, видимо, ждал дальнейших указаний. Остальные вяло ворочались, из палатки, поставленной ночью бойцами для Майнера, послышался протяжный зевок, после которого затих скребущий самое нутро Митрофана вой. Не любит кикимора, значит, людей, особенно таких, как этот Майнер.

Чего конкретно нужно Сухостою от Алексея Майнера, Митрофан не знал. Но знал, что добивался приезда сюда именно этого человека проводник неспроста.

– Выходим! – бодрым голосом скомандовал Сухостой и, ловким движением накинув на плечи лямки тощего рюкзака, неспешно пошел. Застывшие на мокрой траве корочки тонкого льда звонко похрустывали при каждом его шаге.

Безропотно рванулся следом один только Шкодин, но ему деваться было некуда. Митрофан тоже понимал – нужно идти, но не потому, что не испытывал возражений, а просто оттого, что знал Сухостоя давно. И знал, что решения своего он не изменит. Собственно, если верить проводнику, подобные вещи он устраивал по необходимости, а не из вредности. Что-то тут не то творилось со временем, нужно было обязательно оказаться в точке в правильный момент. Одна беда – что произойдет в этот самый правильный момент, Митрофан не знал. Не удавалось пока им такой момент застать.

– Эй, подожди! – крикнул Майнер вслед проводнику, чья фигура медленно таяла в утреннем тумане. – Давай позавтракаем.

Свита верхолаза, схватившая уже рюкзаки и навесившая на

шею оружие, замерла. Им положено делать то, что велит хозяин, а не какой-то безвестный проводник.

Бородач закончил навьючивать вещи – рюкзак, набитый тем непонятным колдовским скарбом, что по воле Сухостоя натаскал он в свою конуру в поселке, – и поднял руки, как бы направляя остановившихся людей.

– Нужно идти. Раз он так сказал, значит, нужно, он знает, – пробурчал Митрофан.

– Что, и поесть нельзя? – поинтересовался Майнер, однако дал команду своим людям собирать вещи.

– Когда будет можно, он скажет. Гриша, они идут уже, подожди! – крикнул он Сухостою.

Проводник не остановился. Он только махнул рукой, крикнув в туман:

– У Камней поедим!

– Вот, – подытожил Митрофан, – слышали? Как до Камней доберемся, сразу привал устроим.

Митрофан зорко следил за исчезающим в тумане Сухостоем. Благо проводник шел медленно, тщательно выбирая дорогу. За ним, след в след, так же осторожно шагал замеряченный Шкодин. Интересно, зачем Михаил понадобился Сухостою? Не рюкзак же, в самом-то деле, нести. Следить было нужно – Митрофан хоть на болотах тоже бывал частенько, но так, как Сухостой, тропы не видел. Да и болото здесь не самое обычное, можно куда-нибудь не туда наступить.

– А далеко до них? До камней этих? – поинтересовался Майнер.

Верхолаз уже двинулся следом, внимательно выбирая дорогу, стараясь наступать туда, где остались наполняющиеся темной водой следы Сухостоя и Шкодина. В руках у него появился какой-то гаджет, который, ясное дело, работать отказывался, и Майнер начал остервенело давить на кнопки.

– Это как повезет, – объяснил Митрофан. Не говорить же ему, что на самом деле он и сам не знает. Иногда к Камням выходили минут за пятнадцать, иногда чуть не целый день плутать приходилось. Это у Сухостоя спрашивать надо, только не факт, что и проводник знает, когда к Камням дорога откроется.

– Ч-черт! – Майнер с силой сплюнул в болотную жижу и спрятал гаджет в карман. – Не работает навигация. И сети нет.

– Если б навигация работала, зачем бы тогда вам проводник понадобился?

Майнер внимательно посмотрел на Митрофана. Бородач на ответный взгляд не поскупился. Верхолаз был мужчиной не старым, чуть больше сорока. Хотя кто их, этих верхолазов,

поймет? С дорогими пластиками и армией доноров, может, ему и все семьдесят. Но идет бодро, тренированный мужик, точно наемником был – не расплывшаяся в кабинетных креслах рохля. Волосы светлые с легкой проседью, прическа – как у Сухостоя, одежда подобающая случаю, видно, что дорогая, но без каких-то излишеств. Вообще, Майнер во всем походил на Сухостоя, разве что на полторы головы ниже. А так – похож, даже скорбь вселенская в лице такая же. Правда, скорбь у Сухостоя там, здесь он вполне себе бодр, если и не весел.

– И то верно, – согласился верхолаз. – А ты не знаешь, откуда в этих краях вездеход взялся?

Вот оно, значит, как, вездеход ему понадобился. О вездеходе мало кто знал. Собственно, никто, кроме них с Сухостоем, и не знал. Да еще те, кто отправил сюда машину. Хотя последний момент тоже некоторые сомнения вызывает, как ни странно. Во всяком случае, до поры до времени.

– Какой вездеход? – включил дурака Митрофан. Ему знать не положено: было бы положено, Сухостой предупредил бы.

– Стало быть, не знаешь, – тихо сказал Майнер, но, похоже, Митрофану не поверил. – Только по навигатору топи на болоте не обойдешь.

Двое из команды Майнера следовали за верхолазом неотступно. Один из этой двойки ловко оттеснил Митрофана от охраняемого тела, даже не прикоснувшись к бородачу. Еще один шел чуть впереди, держа «коловорот» наперевес, и последний – тоже с автоматом – замыкал шествие. В каждом их движении чувствовались профессионализм и многолетняя привычка не только к подобным прогулкам, но и к чему-нибудь покруче – в общем, бойцы у Майнера были стреляные.

– А почему сети нет? Здесь же вокруг полно ретрансляторов, Станция рядом, сигнал устойчивый. Да и спутники… Не ловит же ни черта, – посетовал Майнер.

Митрофан машинально глянул наверх, в клубящееся серое марево, дающее немного света, который раскрашивал этот мир в странные мертвенные цвета. Туда, куда указывал поднятый палец верхолаза. Впрочем, колорит – не самое здесь странное.

– Так неба-то нет, – пожав плечами, сказал Митрофан. Сказал таким тоном, словно отсутствие неба являлось нормальным, само собой разумеющимся фактом.

Митрофан пришел в эти места не впервые. Да и не в десятый раз. Но к неестественному, совершенно безумному освещению так и не смог привыкнуть. Первое время он задумывался, что такое клубится наверху – оно кипело там круглогодично, не зависело от погоды. Да и погода здесь… разная тут погода бывала. Потом

перестал ломать голову: не для людей эти вопросы. Вот Сухостой – другое дело, он сюда, как домой, ходит.

– И правда, – остановившись на секунду, сказал Майнер. – А где мы? На карте показать сможешь?

– Смогу, – усмехнулся Митрофан. – Доставайте свой навигатор.

Над небольшой коробочкой бесполезного здесь гаджета заплясало полупрозрачное изображение ландшафта. Митрофан покрутил пальцем, сдвигая картинку вбок, погрыз ноготь, примеряясь к почти абсолютно плоской поверхности болота, и не очень уверенно ткнул украшенным черным полулунием грязи обкусанным ногтем.

– Где-то здесь.

– А камни?

– Камни, – поправил его Митрофан, – это название места, а не просто булыжники. Камни, они… вот здесь. Вот они на карте вашей есть.

Там действительно были камни. Здоровенные серые валуны, разбросанные неправильным кругом по совершенно пустынному – ни единого дерева – пятачку болота.

Майнер немного поколдовал с навигатором, помычал, примериваясь пальцем на карте.

– Так тут же километра два с небольшим, – сообщил он. – Чего же тогда говоришь, что не знаешь, когда до Камней доберемся?

Митрофан усмехнулся. Карту эту он видел, и видел не один раз. Причем впервые имел удовольствие лицезреть ее еще до того, как вообще узнал о существовании Мушиного болота. Тогда он тоже никак не мог привыкнуть к местной географии. Нельзя, конечно, сказать, что привык он к ней теперь, но как-то притерпелся к странностям и начал кое-что в них понимать.

– Два с небольшим, – объяснил он, ведя палец по карте прямо, – если вот так. А если так?

Митрофан нарисовал извилистый зигзаг, упершись ногтем в ту же точку. Навигатор, послушно просчитывающий расстояние, показывал больше восьми километров.

– Или так? – закрутил дугу влево, сделав несколько спиралей. Счетчик пути приблизился к двадцати километрам. – Сквозь топи не пройдешь, если идти два километра, то утонешь.

– Понял, я понял, – Майнер захлопнул крышку навигатора, карта тут же исчезла. – Но сигнала спутников почему нет?

– Вы еще про вездеход спросите, – засмеялся Митрофан. – Михаил ваш, он…

Но договорить ему не дал крик ушедшего вперед Сухостоя:

– Не задерживаться! Митрофан, отстань от человека, следи лучше за дорогой.

Бородач кивнул Майнеру и, пропустив бойца, бредущего следом с каменным, словно неживым, лицом, пристроился замыкающим. Оружия у него не было, зачем? Здесь же нет зверья, Сухостой сказал, что воют не волки, а кикиморы. А каким оружием взять кикимору, Митрофан не знал.

Пару раз Сухостой тормозил отряд взмахом руки, остановившись вдруг на очередной кочке. Один из бойцов Майнера – с ходу, видно, не понял, что приказы проводника в подобных местах обсуждать не стоит, – в первый раз, скептически усмехнувшись, пошел дальше и через пару шагов провалился в топь. Недоверчивого смельчака насилу вытащили, утопив в трясине рюкзак. Больше желания выходить вперед Сухостоя ни у кого не возникало.

Топи пришлось обходить, но к Камням все равно вышли довольно быстро. На самом деле Митрофан рассказал верхолазу не всю правду – дело было не только в топях.

Сухой островок, на котором стояли сами камни, оказался довольно обширным. Он выступал метров на пять вверх из плоской, будто утюгом проглаженной поверхности болота. Имелась в нем и еще одна особенность – то серое марево, что заменяло в этих краях небо, словно расступалось над Камнями, и весь островок освещал довольно яркий желтоватый свет. Или свет только казался желтым из-за обилия пожухлой серо-желтой травы, покрывавшей островок густым ковром. Но солнца не было, не видно было даже просвета в клубящемся над головой сером вареве – просто остров выглядел ярче, как если на фото высветлить участок, не применяя изменения к остальному изображению.

Отряд поднялся по невысокому, но крутому склону, оказавшись у самой границы каменного круга.

– Ух ты! – выдохнул кто-то из охранников Майнера, увидев открывшуюся перед ним картину.

– Откуда это здесь? – сам верхолаз отреагировал более прозаично.

Выглядело место действительно странно, удивиться было чему. Огромные, некоторые в два человеческих роста древние валуны, покрытые выщербинами, оставленными отступившим тысячи лет назад ледником, стояли по кругу, практически по самой кромке округлого островка. Каждый из них – Митрофан знал, что каждый, хотя с точки, где они сейчас стояли, этого не разглядеть, – лежал на нескольких небольших, размером с кулак, камнях. Бородач так и не понял, чем являлись эти сооружения –

странной игрой природы или делом рук человеческих. Правда, во втором случае, он не мог представить, как древние строители смогли поднять и так хорошо сбалансировать многотонные глыбы.

– Это с древних времен, – не особенно вразумительно объяснил Сухостой. – Желающие могут позавтракать. Внутрь круга не заходить!

Последние слова прозвучали как приказ, который не обсуждают. Сам же проводник воткнул свой длинный шест, с которым шел по болоту, в мягкую почву и поднялся выше, к камням. Он, не останавливаясь, пошел дальше, внутрь круга.

Остальные члены отряда присели на влажную траву, распаковав рюкзаки. В руках появились банки с синтетикой и консервами. Митрофан тоже не оказался исключением. Не проявил интереса к трапезе лишь Майнер, который так интересовался завтраком перед выходом из ночного лагеря.

Сухостой ходил в каменный круг всякий раз, как бывал здесь. Митрофан никогда не был внутри круга, Сухостой и ему не позволял туда подниматься. И что странный болотный проводник делал среди валунов, Митрофан не знал. Не мог понять. Отсюда, с кромки островка, он видел одно – Сухостой стоял в самом центре – и все. Никаких волшебных пассов он не делал, не припадал на колени и не бился в судорогах. И вот еще какая особенность, подумал бородач: его лица никогда не видно, Сухостой всегда становился спиной к спутнику.

Майнер проводил взглядом неспешно бредущего к центру островка проводника, потом резко встал и пошел следом. Верные телохранители тут же подскочили, уронив консервы на землю, но верхолаз осадил их жестом. Те с недовольными лицами остановились, однако не сели снова на траву, внимательно и с недовольством во взгляде наблюдая за действиями подопечного.

Верхолаз пересек условную границу, отделяющую запрещенную Сухостоем для посещения площадку от покатого берега. Ничего не произошло: молнии не ударили в него, и земля не содрогнулась.

– Что это?! – крикнул Майнер в спину Сухостою.

Проводник успел отойти довольно далеко, но его слова были хорошо слышны: тишина вдруг стала настолько плотной, что отчего-то даже перестала шуршать трава под ногами идущего верхолаза.

– Я же сказал: не ходить внутрь круга.

Сухостой тоже шел, еще не достигнув центра. Он говорил, не оборачиваясь, его лица, как и обычно, видно не было.

– А что должно случиться? Я упаду замертво сам или ты меня

застрелишь? – Майнер не остановился. – Что это за камни? Я не о камнях спрашивал, когда платил тебе деньги, я прогулку по болоту не заказывал, мне вездеход нужен.

– Вездеход в самом центре «точки», – сказал Сухостой.

Митрофан, не поднимаясь на ноги, подполз к краю запретной площадки, наблюдая за происходящим между камней. Ему и самому было интересно, что же такое должно случиться, если зайти туда.

– Это сейды, – отозвался Сухостой.

Проводник достиг условного центра островка и остановился, опустив руки вдоль тела. Майнер приближался к нему.

– Святилища исчезнувших лопарей? – спросил верхолаз.

Сухостой резко повернул голову, почти обернулся, но, словно вспомнив, что смотреть назад нельзя, остановил движение.

– Ты хорошо осведомлен. Откуда тебе известно о лопарях?

– Подготовился. Я ведь и про тебя тоже кое-что знаю.

– Они не исчезли.

Сухостой все-таки повернулся. Отсюда, от крайнего сейда, у которого сидел Митрофан, до центра круга было никак не меньше двадцати метров, но бородач прекрасно рассмотрел глаза проводника, бросившего гневный взгляд на приближающегося верхолаза. Они были белыми, как вода, текущая по чистому льду.

Митрофан моргнул, прогоняя наваждение – видел он глаза Сухостоя, много раз, всего пять минут назад говорил с ним, глядя в них. Глаза у проводника были карими, не очень темными, но они сильно выделялись на фоне обильной проседи в падающих на лоб волосах.

Нет, не белые у него глаза, успокоил себя Митрофан, просто свет в них отразился. Тот странный свет, идущий неизвестно откуда, что заливал желтым маревом всю поляну внутри каменного круга.

Белые глаза были у старика, образ которого заставляет Митрофана просыпаться каждую ночь. Того самого, что промелькнул перед ним тогда. Митрофан видел его одно мгновение, даже секунды не прошло, но образ неестественно белых глаз впечатался в память намертво. Не бывает у живых людей таких глаз. Митрофан считал, что ему это все привиделось, потому что в следующую секунду, сразу после того, как белоглазый старик исчез из поля зрения, он потерял сознание. А вытащил его уже Сухостой, и глаза у него были обыкновенные, темные.

– Какое сегодня число? – ни к кому конкретно не обращаясь, пробормотал Митрофан.

– Шестнадцатое, – послышался голос слева.

Митрофан повернулся, это был Андрей, один из бойцов Майнера, с которым бородач разговаривал вчера.

Стало быть, шестнадцатое уже. Это многое объясняло. Особенно стремление Сухостоя неукоснительно следовать какому-то известному ему одному расписанию. Хотя, чего проводник хотел добиться, Митрофан пока все равно не понимал.

– Откуда тебе знать? Тебя же только вездеход интересует, – сказал Сухостой. – Вернее, то, что внутри него.

– Не следует считать, что умеешь прятаться лучше других, майор Веденеев, – спокойно произнес Майнер. Он подошел к проводнику вплотную, внимательно всмотрелся в его глаза и, кивнув чему-то, пошел назад. – Идем к вездеходу.

Алексей Майнер привык повелевать, ему было плевать на странные правила, выдуманные Сухостоем. Он, судя по всему, отдавал себе отчет, что без проводника не доберется до вездехода, поэтому последняя реплика относилась именно к нему, а не к бойцам.

Сухостой выкрикнул что-то короткое, вырвавшееся из его гортани вороньим клекотом. Шкодин, замерший там, где его оставил проводник, внезапно встрепенулся и начал лихорадочно крутить головой, пытаясь сообразить, где он и как сюда попал. Все перевели взгляд на пришедшего в себя Михаила, и только Митрофан продолжал наблюдать за Сухостоем: проводник едва заметно улыбнулся, он был доволен тем, как все прошло. Знать бы еще, чего он ждет в конце пути, у вездехода.

Шкодин сделал несколько шагов назад, наткнувшись на вышедшего из круга Майнера. Он пытался отойти как можно дальше от топи, которая начиналась сразу за границей островка. Его голова тряслась из стороны в сторону.

– Смотри, куда идешь! – зашипел, оттолкнув Шкодина, верхолаз.

Майнер, похоже, не забыл, что Шкодин на него больше не работает. Теперь он предатель, он – пустое место, недостойное даже упоминания.

– Я н-не пойду по б-б-болоту, – заикаясь, проговорил тот.

– Тебя никто и не зовет, – буркнул Майнер, но остановился, глядя на Михаила. – А что ты там такого увидал, что в штаны наделал уже при одном виде болотной воды?

Шкодин мелко затряс головой, в его глазах застыл ужас. В поселке он вел себя спокойнее, правда, там он постоянно пил.

Попасть сюда самостоятельно Шкодин никак не мог, а там, снаружи, было обычное болото. Впрочем, команду из трех человек, с которой он вышел из поселка, Михаил оставил где-то в топях. Хотя, отметил про себя Митрофан, не похоже, чтобы гибель

трех человек могла произвести на него столь глубокое впечатление.

Сухостой крикнул снова, и перекошенное лицо Шкодина расслабилось, он перестал дрожать и трясти головой. Проводник подчинил его разум своей воле, рассказать, с чем встретился на болоте, Михаил не успел. Если, конечно, вообще собирался это делать.

Майнер недовольно фыркнул и, дойдя до кромки спокойной темной воды, остановился. Он ждал, когда проводник пойдет вперед, указывая безопасный путь.

– Почему этот вездеход до сих пор никто не нашел, кроме Сухостоя? – спросил Майнер, когда отряд снова углубился в непролазную топь, бодро чавкая сапогами по плавающей в холодной воде густой траве.

Верхолаз намеренно отстал, чтобы идти поближе к Митрофану, который был замыкающим. Бородач не чувствовал дорогу так, как Сухостой, проводник мог ходить по болоту хоть с завязанными глазами – ощущал он каким-то образом топи, длинный шест, которым он постоянно тыкал перед собой, был так, для вида или по привычке. Но опыт хождения среди топей у Митрофана имелся большой, так что проку от него в любом случае куда больше, чем от любого из бойцов Майнера.

– Его снаружи не видно, – ответил Митрофан.

Хотел бы и он сам знать, как это получилось. Много чего ему хотелось бы знать. И не теперь, а тогда, два года назад. Аккурат перед тем, как он увидел прямо перед собой белоглазого старика.

– Стало быть, шестнадцатое, – пробормотал Митрофан, разговаривая сам с собой.

Раз сегодня шестнадцатое, значит, старик завтра появиться должен. И Сухостой об этом знает. Хотя, паршивец, никогда на вопросы о белоглазом старце не отвечал. Темнит он что-то. Но он обещал помочь, а раз обещал…

– В смысле? – не понял последних слов Мирофана Майнер.

– Число сегодня, говорю, шестнадцатое. Сентябрь, значит, – ответил бородач.

– М-м, – промычал верхолаз. Он ничего не понял. Похоже, что Митрофана он за сумасшедшего держит. Может, он и прав, вот только нужную ему вещь, спрятанную внутри того вездехода, без Митрофана Майнеру не получить. Даже Сухостой здесь не поможет. – Снаружи чего?

– Снаружи с этого места, – вздохнул бородач. Ну как ему объяснить? – Дайте ваш навигатор.

Верхолаз протянул гаджет. Митрофан включил голограмму, нашел Мушиное болото – на карте оно выглядело несколько

иначе, чем теперь его можно было увидеть в реальности, – отметил примерное расположение «точки» – места, через которое можно попасть сюда, внутрь. Собственно, эту «нутрь» Сухостой тоже называл «точкой». Странное дело, но черная отметина – «точка» – на карте Майнера была. И странность крылась не только в этом: предыдущий раз, когда Митрофан показывал верхолазу Камни, здесь было все Мушиное болото. И «точки» – бородач готов поклясться – тут не было. Карта была другая, снятая спутником до того, как в этих краях появилось это странное место.

– У вас карта новая?

– Да, две недели назад обновление прислали.

– А предыдущая версия с каких времен была?

– Не знаю. Еще до Катастрофы, наверное, рисовали. А какая разница? – верхолаз не мог понять, к чему клонит Митрофан.

– Разница есть.

Стало быть, две недели. Вот чего они там всполошились. «Точку» они нашли. Именно поэтому вездеход и пер так уверенно прямо к ней. К этой совершенно непримечательной полосе выжженной земли метров пять шириной и в длину – не более двадцати. Словно какой-нибудь дракон из древних сказок лизнул болото раскаленным языком. И все, больше там ничего не было. Только сажа и пепел, которые отчего-то не смывались дождями и снегом, не выдувались ветрами. За прошедшие два года вид этой самой «точки» не изменился ни на йоту.

Митрофан внимательно посмотрел в глаза верхолазу. Майнер ухмылялся. Недобро ухмылялся. И выражение его глаз тоже сильно изменилось, напомнив Митрофану метаморфозу, происходящую с лицом Сухостоя всякий раз, как тот попадал внутрь «точки».

– Вы это видели? – спросил бородач, показывая на черную отметину на карте.

– Разумеется, – кивнул верхолаз. – И две карты, датированные разными годами, я тоже сравнить в силах.

Значит, он заметил исчезновение из реальности большей части Мушиного болота. Целого участка тундры, клином уходящего в сторону полигона корпорации «Науком» номер тринадцать.

– Покажите навигатор.

Майнер протянул прибор. Митрофан порылся в настройках: этот гаджет мог выполнять нужные ему функции. Он совместил старую карту с последним обновлением, а потом потянул ее пальцем из центра, свернув в некое подобие мешка. Или бутылки. Черная клякса «точки» из современного вида Мушиного болота

оказалась прямо на горлышке получившегося сосуда Клейна.

– Мы здесь, – объяснил Митрофан. – Но попасть сюда просто так не удастся. И сеть здесь не берет, сигнал со спутников не ловится – это оттого, что мы внутри.

Он повертел получившуюся картинку. В виде бутылки близость Мушиного болота к полигону в глаза не бросалась. Во всяком случае, на голографическом экране навигатора.

– Это как? – не понял его верхолаз. Можно подумать, что Митрофан сам понимал, как это. Ему тоже «на пальцах» объяснил Сухостой. Одна разница: Митрофану поверить было проще.

– Как хочешь, так и понимай, – усмехнулся бородач.

– Тут еще одна странность, – добавил он, вернув Майнеру навигатор, – с расстоянием не угадаешь. Это на карте вашей мешок ровненький получается, а на самом деле он, словно измятый кем-то снаружи: где-то противоположные стенки соприкасаются, где-то длинные и глубокие складки. Так что путь всегда разный получается.

– А как Сухостой определяет, куда идти? Без навигатора.

Митрофан пожал плечами. Проводник никогда не рассказывал, не отвечал на вопросы, хотя бородач спрашивал неоднократно. Похоже, он и сам не знал.

А потом Сухостой скомандовал привал. Поскольку у Камней успели только вскрыть банки с пищевым концентратом, закинув пару кусков в рот, есть и в самом деле хотелось.

Митрофан машинально жевал, не чувствуя вкуса. Нужно было есть, и он ел. Даже здесь организм без пищи функционировать отказывался. Митрофан думал. Вспоминал день, когда впервые попал сюда.

День, который наступит завтра.

Попасть внутрь, перешагнуть на другую сторону «точки», мог только Сухостой. Если другие умельцы и существовали, Митрофан о них не слышал – не возвращались обратно. Он и сам неоднократно пытался попасть сюда; первое время шило в одном месте все вертелось, не терпелось вернуться и разобраться, что к чему. Только ничего не получалось: потопчешься по черной выжженной полосе, да толку никакого – даже следов на угольной пороше не остается. С Сухостоем совсем по-другому все было: идет проводник себе да идет, прошагает по «точке» и топает дальше, вроде бы ничего и не изменилось. А глядь, ты уже внутри.

Но как тогда он, Митрофан, впервые попал внутрь? Ведь Сухостой вывел его наружу, он не приводил его сюда.

В тот день разыгралась гроза, тучи плотные, струи воды хлещут – ни зги не видно, темно, почти как ночью. Молния яркой

вспышкой высвечивает тундру от горизонта до горизонта. Свет настолько яркий и быстрый, что радужка не успевает подстроиться, сузить зрачок, и засвеченная сетчатка отправляет в мозг почти белое полотно, усеянное одинокими тенями от чахлых березок. И еще одна тень, намного ближе, чем тени деревьев. Митрофан не успевает распознать ее, но черный силуэт продолжает пульсировать перед ослепшими на несколько секунд от яркой вспышки глазами. Силуэт кажется знакомым, он похож…

– Подъем! – зычный голос Сухостоя выдернул Митрофана из воспоминаний. Бородач опустил глаза и обнаружил, что его банка с пайком пуста. Он аккуратно упаковал мусор, заставил убраться остальных, разбросавших объедки вокруг, и пристроился замыкающим.

В воздухе нарастало напряжение, все это чувствовали. Но никто, кроме Сухостоя и Митрофана, не понимал, в чем дело. Они приближались к воронке, к тому самому месту, куда хотел попасть Майнер. И Сухостой тоже хотел туда попасть. Не за деньги, ему там было нужно что-то другое.

А сам Митрофан? Хотел ли он вернуться туда именно сейчас? И что он хотел бы там увидеть? Или изменить? Даже если представить, что изменить что-то можно, что бы он изменил? Хотел бы он просто, ничего не заметив, вернуться назад? Скорее всего.

Прошлое не вернуть. Митрофан сам на себя махнул рукой.

Прошлое не вернуть. Но ведь сегодня еще только шестнадцатое сентября.

Небо стремительно темнело, серое марево продолжало клубиться, быстро наливаясь непроницаемым свинцом.

Сухостой неоднократно начинал говорить о том, что в воронке что-то должно случиться. Что-то важное. Каждый раз, когда говорил об этом, Сухостой тоскливо смотрел прямо в глаза Митрофану, будто пытался заглянуть в самую душу. Он словно ждал, что именно Митрофан должен изменить… Но что, что ему менять?

Внезапно справа послышался шорох, а потом донеслось громкое хлопанье. Охрана верхолаза тут же оттеснила подопечного, закрыв собой, в руках обоих уже были «дрели». Бойцы заняли позиции по сторонам, прильнув щеками к «коловоротам». И только Сухостой с подневольным Шкодиным остались на тропе.

Митрофан знал, что это такое, но люди Майнера среагировали настолько стремительно, что он не успел и слова произнести. К счастью, никто не угодил в трясину, сорвавшись с тропы.

– Это ж гуси-лебеди! – выпалил Митрофан, осознав, что ни черта он не объяснил.

Там, откуда слышался странный звук, теперь была отчетливо видна возня нескольких похожих на шевелящиеся тряпки существ. Или не существ – Митрофан не знал, что это такое. Больше всего создания напоминали поднимающихся на крыло гусей. Или лебедей. Оттого он и прозвал их так. А Сухостой их вообще игнорировал.

Гуси-лебеди размахивали рваными краями своих псевдокрыльев, поднимая веера брызг. После каждого их движения в воздухе оставался слабый, едва различимый светящийся след, который желто-красным маревом висел в пространстве несколько минут. Твари были резвые, поэтому скоро воздух вокруг них светился довольно ярко.

– Что это за хрень такая? – не отводя ствола от хлопающих непонятно чем тварей, спросил Андрей.

– Не знаю. Они никогда не трогают, не приближаются даже. Так, крыльями помашут и угомонятся. Здесь еще такие могут быть, так что вы уж поспокойней. А то, того гляди, утонет кто ненароком.

– Отставить, – скомандовал Майнер, отодвинув телохранителей. – Откуда здесь такое?

Митрофан усмехнулся:

– А откуда это *здесь* вообще взялось?

Майнер посмотрел на северо-запад. Вышло это у него машинально, но Митрофан понял отчего. Он думал так же – в нормальном мире в том направлении находилась Станция. Оттуда это все и шло, не было здесь такого раньше. Только сейды эти, к которым ходил Сухостой, да оленьи рога, сложенные особенным образом, выбеленные солнцем и ветром, невесть сколько лет пролежавшие в местной тундре. Чуэрвь-гарты – вот как эти штуки называл Сухостой. Их здесь нойды оставили, колдуны лопарей. Правда, откуда у Сухостоя столь глубокие познания о нойдах, исчезнувших не один десяток лет назад, Митрофан так и не понял.

Возможно, Шкодин со своим пропавшим отрядом напоролся как раз на один из чуэрвь-гартов. Совсем недалеко от «точки» была полянка, усеянная оленьими рогами и выложенным особым образом булыжником. Это место производило жутковатое впечатление. Однажды Митрофан даже видел, как Сухостой управляется с древним хозяйством нойдов – проводник что-то мычал под нос и поворачивал рога остриями в разные стороны, а камни перекладывал, поглаживая каждый перед тем, как опустить на землю. Черт его знает, чего он хотел этим добиться.

Митрофану тогда пригрезилось, что посреди зимы вдруг прямо из земли солнечный свет ударил, а снег растаял, открыв зеленую молодую траву. Но в тот день Митрофан с самого утра выпил лишнего – сильно лишнего – и глазам своим не верил, а воспоминания путались с явными фантазиями или даже галлюцинациями. Так что в чудодейственные свойства чуэрвь-гартов бородач не особенно-то и верил.

Стемнело. Чем ближе подходили к воронке, которую Сухостой считал центром «точки», тем больше становилось не по себе. Не подходящее для людей это место.

Вокруг, в топях, то и дело появлялись какие-то огоньки – то зеленые, то синие, то, как гуси-лебеди, желтовато-красные. Что из них было обычным болотным явлением, а что порождением той неведомой силы, что свернула пространство, замкнув огромную площадь саму на себя, Митрофан не знал. Может, это были те самые кикиморы, что выли поутру. Здесь никто и никогда не проводил исследований, ученые даже не подозревали о существовании аномалии. «Точку» уже заметили – Майнер, во всяком случае, сумел разглядеть ее на своей обновленной карте, – но разведать еще не успели. И, похоже, не успеют.

Майнер не знает всех здешних премудростей, он до вездехода хочет добраться, информацию с него слить. Все регистрационные данные его датчиков, результаты всевозможных замеров и черт его знает, что еще. Черт его знает, зачем ему это нужно? Может, надеется, что удастся отсюда найти проход на территорию Станции. Может, и повезет ему? Но – вряд ли…

Люди устали, всем ужасно хотелось спать, но проводник не разрешил устраивать привал. Он посматривал вверх, в бурлящее марево, которое медленно начинало сереть. В обычном мире начиналось утро. Утро семнадцатого сентября.

Внезапно Сухостой остановился, подняв вверх руку.

– Всем сесть и закрепиться, – сказал он.

– Какого черта?! – возмутился кто-то из бойцов Майнера.

Митрофан отметил, что сам верхолаз выражать протест не стал. Молча опустился задницей в ледяную жижу и ухватился руками за пожухлую траву. Мокнуть совершенно не хотелось, но делать нечего – просто так, ради развлечения, Сухостой не станет заставлять людей купаться. Даже неприятных ему людей.

– Сядь! – не особенно громко, но так, что хотелось наложить в штаны и хоть куда, но плюхнуться на задницу, произнес верхолаз.

Возмутившийся боец мигом притих и сел, как было велено.

– Черт, не успели, – проворчал Митрофан.

– Куда не успели? – поинтересовался Майнер. Верхолаз, похоже, понял, что шутить в этих краях не стоит, а стоит слушать,

что говорит Сухостой: он сидел, плотно вжавшись в набегающую из-под просевшей травы жижу.

– Пройти не успели. Теперь может вообще обходить придется.

Сухостоя Митрофан видел плохо, проводник стоял на коленях, вцепившись в воткнутый на полдлины шест обеими руками. Похоже, он был недоволен. Плохо дело – значит, чувствует Сухостой, что тряхнет сильно. Опоздать он, похоже, боится.

По частым темным лужам пробежала мелкая рябь. Началось.

– Держитесь, – посоветовал Митрофан Майнеру и прильнул к мокрой траве всем телом.

– Держусь, – послышался приглушенный голос верхолаза.

Мелкая дрожь повторилась еще несколько раз, а потом болото зашевелилось. В самом прямом смысле, будто было живым. Пучки травы в руках дергались из стороны в сторону, вода то тут, то там взлетала крупными фонтанами, словно под темной поверхностью резвились огромные рыбины, островки и кочки наползали друг на друга, подобно людям, слившимся воедино в любовных объятиях. Мир сошел с ума.

Митрофан зажмурил глаза, он не мог видеть, как вокруг все скачет и переворачивается, его начинало тошнить. Странное дело – все это буйство можно было только увидеть, с закрытыми глазами ощущения, что тебя опрокидывает вместе с кочкой вверх тормашками, не было, просто трясло.

Кто-то закричал. Митрофан открыл глаза, его тут же начало мутить, голова закружилась. Он пытался найти того, кто вопил, но никак не мог задержать взгляд хоть на каком-нибудь предмете. Мир вокруг переворачивался с ног на голову и обратно. Митрофана несколько раз ощутимо подбросило, а потом пришлось ухватиться за траву изо всех сил, потому что пальцы стали соскальзывать с мокрых пучков – кочка, на которой сидели бородач, Майнер и один из его телохранителей, начала заваливаться вбок.

Митрофан увидел кричащего – один из бойцов неуклюже размахивал «коловоротом», плавно погружаясь в черную грязь. Несколько раз густая вязкая волна перекатилась через торчащую над поверхностью топи голову. Сухостой теперь оказался не впереди, а сбоку, и кочка проводника становилась все дальше. Он пытался дотянуться своим шестом до тонущего бойца, но тот не то не видел помощи, не то не мог дотянуться. У него еще пара попыток, заметил про себя Митрофан, если не получится – шансов спастись нет.

Но на самом деле самого Митрофана больше занимал вопрос, куда движется их кочка. Он знал, что происходит – вся «точка»,

все болото, заключенное в одномерную бутылку Клейна, сейчас сминалось в одном месте и распрямлялось в другом. Как раз то, что он пытался объяснить Майнеру: у бутылки стенки неровные, они смяты и сейчас мнутся по новой. Когда все закончится, тропы, по которой их вел Сухостой, не будет, придется искать иной путь. А касательно Сухостоя – Митрофан не на шутку испугался, что их кочку может отбросить на приличное расстояние, даже на противоположную стенку «бутылки». Тогда они обречены, без проводника из этого болота не выбраться.

Светопреставление закончилось внезапно, словно кто-то снаружи выключил моторчик, приводивший в движение этот мирок. Митрофан поднял голову и осмотрелся. На душе сразу полегчало: Сухостоя он видел. Их отнесло совсем недалеко, метров на пятьдесят.

– Стойте там, – крикнул Сухостой, – я за вами приду!

Голос проводника звучал бодро, что несколько удивило Митрофана. Стало быть, дорогу он уже знал.

Упавшего в топь бойца нигде не было. Когда Сухостой добрался до них, на вопрос Майнера о бойце он ответил:

– Держаться надо было за кочку, а не за автомат. Я же предупреждал, что оружие не понадобится.

– Но сам карабин взял, – парировал Майнер.

– Здесь я диктую правила, – сквозь зубы процедил проводник. – Быстрее пошли, недолго уже осталось.

Теперь Митрофан понял, отчего повеселел Сухостой. Землетрясение не испортило ситуации, а, напротив, приблизило их участок болота к воронке, в которой застрял вездеход. Тот самый, добраться до которого так хотел Майнер. Настолько сильно хотел, что согласился лично ползать по болоту, чтобы до него добраться – это было условием Сухостоя, и выполнить его пришлось. Присланный на проверку правдивости рассказов проводника Шкодин утопил команду и сам немного умом подвинулся. Так что выбора у Майнера не было: либо отказаться от затеи, либо приехать самому. Где и как пересеклись Сухостой с верхолазом, Митрофан не знал. Но сомнительно, что о вездеходе Майнер мог узнать от кого-нибудь другого.

Топь закончилась очень скоро. Буквально через пару сотен метров. Почва под ногами еще оставалась влажной, но с каждым шагом совершенно промокшие ноги ощущали все более твердую опору. Трава теперь росла не столь плотно, и деревья – все такие же невысокие и чахлые – стали попадаться чаще, постепенно образовав нечто вроде небольшой рощицы. Если этот похожий на привидение лес не «перевернуло», сразу за ним должна начинаться Пустошь, а дальше уже и поле с шептун-травой и

воронкой по центру появится. Это недалеко, километра три-четыре, но как удастся пройти – неизвестно. Чем ближе к воронке, тем кривей становятся прямые. Так Сухостой говорил.

Редколесье закончилось внезапно, как ножом отрезали.

Сухостой остановился, за что Митрофан был ему несказанно благодарен – идти по сухому, конечно, куда легче, чем в топи, но слишком уж быстрый темп взял проводник. Охранники Майнера, даром что ребята тренированные, тоже дышали тяжело и с удовольствием присели на влажную землю.

– Тихо здесь, – сказал Сухостой, внимательно вглядываясь в Пустошь.

Пустошь была пуста. Абсолютно. Ни травинки, ни залетного листочка из леса.

– Пошли, – отдуваясь, сказал верхолаз.

Проводник покачал головой.

– Пошли. Ты же сам говорил, что осталось немного.

– Расстояние не всегда можно измерить километрами, – возразил Сухостой.

– Ага, – согласился Майнер, – еще милями или верстами.

– Вон она, воронка, – Сухостой ткнул ненужным здесь шестом в направлении горизонта и пожал плечами. – Иди.

Гладкая, как стол, поверхность Пустоши там, куда показал проводник, плавно опускалась, образуя довольно крупную не то вмятину, не то даже яму. По форме это образование действительно очень напоминало воронку. Будто именно сквозь нее и засосало все живое с Пустоши. И от нее исходило слабое оранжевое свечение.

– Сколько времени? – внезапно поинтересовался Митрофан.

В его сторону обернулись все, кроме Сухостоя.

– Десять почти, – ответил Майнер.

Митрофан кивнул, потом стянул с плеч рюкзак, порылся в нем и явил на свет небольшую темно-синюю коробочку. Контейнер, в котором уже почти два года хранилась его «балалайка». Пользоваться ею Митрофану отчего-то совсем не хотелось, но выбрасывать не стал. Не то чтобы жалко было, просто Сухостой сказал, может пригодиться. Теперь Митрофан понимал зачем.

Чип в затылок бородач не вставил. Пока. Взвесил коробочку на ладони, словно примериваясь, и спрятал в карман.

Десять, стало быть. Значит, осталось меньше часа.

– Пошли, – сказал Митрофан, кивнув верхолазу, и ступил на серовато-бежевую почву Пустоши.

Земля здесь была рассыпчатая, хоть и влажная, как все в этих краях. Как будто ее кто-то тщательно боронил-боронил, да так и

забыл засеять.

Митрофан сделал один шаг и застыл. Прислушивался к ощущениям. Остальные, похоже, тоже ждали от него чего-то. А чего ждать-то? Чего он сам ждет, будто не знает, что случится?

За спиной, в рюкзаке, что-то происходило с Сухостоевыми амулетами. Точно рой пчел завозился там. Не нравится им или своих учуяли?

– Пошли, – повторил Митрофан и шагнул в Пустошь обеими ногами.

И вот тут его накрыло. Не мог он объяснить, что накрывало. Не тоска, не страх. Пустошь. Абсолютный ноль. Бездна, где нет ничего и исчезает все, что ни кинь.

Первым желанием было – бросить все и побежать стремглав, не разбирая дороги. Все равно куда, главное, не останавливаться, пока не появится хоть что-то, что можно считать ориентиром. Что-то, от чего можно начать отсчет.

Митрофан глубоко вдохнул, плотно сомкнув губы, чтобы не выпустить распирающий грудную клетку воздух. Он зажмурился, продолжая шагать. Правая нога, левая. Правая нога, левая. Зовут меня Митрофан.

Все, голова включилась. В конце концов, он здесь не впервые, бывал уже на Пустоши, ничего – жив остался. И при памяти, вроде. Хотя, если совсем начистоту, на сто процентов Митрофан в последнем пункте уверен не был. Во всяком случае, пока память не вернулась. Но начало положено – вспомнить, кто он, удалось.

Пустошь была Пустошью не только потому, что там ничего не росло. На этом странном поле вообще ничего не было, даже мусор не задерживался. Митрофан не задавался вопросом, куда все девается. Пытаться понять устройство мира большой бутылки Клейна, которую Сухостой почему-то прозвал «точкой», было делом бесперспективным: не было в ее существовании никакого смысла. А если и был, людям его постичь не дано. И законы обычные, те, что в обычном мире, здесь не действуют. Нет здесь ничего привычного. На самом деле Пустошь опустошала все – и саму себя, и людей, которые имели наглость здесь появиться. Она высасывала все воспоминания, все, из чего состоял человек. То, что делало его личностью, а не ходячим мешком с костями и пятью литрами крови.

Хорошо, уже лучше, уже он знает, куда идет – вон та полоска, немного отливающая оранжевым на фоне остальной серости. Это воронка.

Точно! Воронка, вот туда и идем. И зовут меня Митрофан, повторил бородач, теперь уже вслух.

– Ты чего, Митрофан? – послышался голос сзади.

Знакомый голос, совсем недавно его слышал. А потом кто-то другой засмеялся. Смех-то он сразу узнал, так только Сухостой смеется.

Митрофан обернулся. Голова немного кружилась, но совсем чуть, не страшно. Сзади стояли какие-то люди. И Сухостой, который хохотал. Вот этот, что спрашивал, плотный такой, довольно молодой, в темной куртке и мокрых штанах, – знакомый. Его привел Сухостой, ему нужно к воронке.

Воронка, туда мы идем.

Еще десяток шагов. Нормально, помним, куда идем.

– Нормально, – сказал вслух бородач. – Можно идти.

– Ладно, – согласился мужик в мокрых штанах и занес ногу, чтобы шагнуть в Пустошь.

Его тут же остановил один из здоровяков с оружием, преградив путь вытянутой рукой. Майнер оттолкнул руку и…

Точно, это Майнер, верхолаз. А остальные – с ним, телохранители. Им к воронке надо.

Мы идем к воронке.

Там вездеход, он хочет до него добраться.

Черт, там же еще шептун-трава, ее не обойти никак. А Сухостой все смеется, аж заливается.

– Идите следом. Андрей, останься здесь, выходишь только вместе с проводником.

Майнер сделал шаг. Выражение лица у него изменилось резко, словно ледяной водой его окатили.

– Эй, – крикнул Сухостой, – как дела?!

Верхолаз повернулся, посмотрел на проводника. Он наморщил лоб, явно не в силах вспомнить, где видел его раньше. Все базы данных – те, что в голове, – отформатированы в ноль.

– Нормально, – голос звучал неуверенно, словно Майнер не верил в то, что вообще умеет разговаривать.

Да так оно и было. Митрофан вдруг вспомнил, что, когда попал в Пустошь впервые, на самом деле разучился говорить. Ходил и то с трудом.

Это уже почти рядом, осенило вдруг Митрофана, и он непроизвольно ускорил шаг.

К воронке надо, очень надо. Не помню зачем, но надо.

Верхолаз вместе с тремя своими людьми брел по безжизненной почве Пустоши, словно в космосе. Они переставляли ноги, но толку не было никакого. Так они могли бы бродить здесь вечность – просто топчутся, не зная зачем.

Нам к воронке, напомнил себе Митрофан, но тут же понял, что идет куда-то вбок, а воронку давно потерял из вида. Что-то не так на Пустоши сегодня. Вроде он и помнит, куда идти, а держать

направление не получается.

Сухостой повернулся лицом к безвольно стоящему на одном месте Шкодину. Он что-то ему говорил. Или не говорил – звуки, которые вырывались изо рта проводника, назвать словами было сложно. А потом замеряченный Шкодин уверенно шагнул в Пустошь и пошел, с силой вколачивая ступни в пыльную поверхность, словно пытался измерить серое поле неестественно большими шагами.

За ним надо идти, понял Митрофан. Михаил топал точно к воронке. Вон же она, как это Митрофан раньше не мог удержать ее в поле зрения?

Сухостой шагнул вперед. На Пустоши странное волшебство проводника почти не действовало, его взгляд подернулся пеленой забвения и отрешенности так же, как и у остальных. Но он знал, что нужно идти за Шкодиным.

Сухостой нагнал верхолаза, ткнул его пальцем и буркнул:

– Ты Майнер.

Верхолаз вздрогнул, вспомнив вдруг свое имя, и тоже двинулся следом за марширующим Шкодиным.

– Митрофан! – выкрикнул Сухостой.

– Да помню, что я Митрофан, – отозвался бородач. – Сам-то в курсе, что Гришкой величать тебя? Или только Сухостоя помнишь?

Проводник не отозвался. К воронке они шли вчетвером: Шкодин впереди, будто ледокол, прокладывающий путь, остальные за ним, выстроившись в ряд. Телохранители Майнера отстали, не найдя дороги, а боец по имени Андрей так и не решился ступить на Пустошь.

«А ведь Сухостой предупреждал верхолаза, что никого брать не надо, – вдруг вспомнилось Митрофану. – Сухостой не хотел жертв, он сказал, но его не послушали».

Когда они добрались до конца Пустоши, проводник, только ступив на «живую землю», резко выкрикнул что-то, похожее на воронье карканье. Шкодин, стоявший у самой кромки безжизненной Пустоши, вздрогнул, помотал головой, явно пытаясь понять, где он. Митрофан хотел было подойти к нему, успокоить, но не успел – Михаил резким движением скинул с плеч рюкзак и, заорав во все горло, рванулся назад, в серую пыль Пустоши.

Кричал Шкодин недолго, с минуту. И то, наверное, по инерции – спустя пару секунд он уже вряд ли помнил, чего вообще начал орать. Он метался из стороны в сторону, так же, как трое бойцов Майнера. Он свое отслужил.

Сухостой недовольно цокнул языком и натянул рюкзак,

брошенный Шкодиным. Придется ему теперь нести свою ношу самостоятельно.

– Зачем ты так? – спросил Митрофан.

Сухостой вздернул брови, сделав удивленные глаза. Бородач, не сводящий с него взгляда, отшатнулся: глаза проводника вдруг налились черным, как будто в них нефти плеснули. Потом он моргнул, и все исчезло.

– Он сам решил пойти туда, – спокойно объяснил Сухостой.

И ведь не возразишь ему – Шкодин действительно сам в Пустошь рванул, никто его туда не посылал.

– Пошли, – сказал пришедший в себя Майнер и двинулся к вездеходу, который отсюда был уже хорошо виден.

Корма угловатой машины торчала из самого центра воронки. Передняя ее часть зарылась когда-то в грунт, сейчас основательно в нем увязнув. Лобовое стекло было разбито, с левой стороны зияла черным провалом большая дыра, а остальную его часть покрывала густая сеть трещин. Борта покрылись ржавыми пятнами и поросли мхом. И еще какой-то, испускающей легкое свечение дрянью, которой в нормальном мире не существовало. А впереди, у самой земли, сквозь наслоения времени виднелся логотип, изображающий выплывающий наподобие солнца из-за линии горизонта глаз, с надписью латиницей – «Оракул».

И еще – с машиной что-то происходило. Что-то странное. Пятна ржавчины словно переливались разными цветами, вмятины и островки растущего мха казались размытыми, будто нарисованными. Светящаяся дрянь длинными липкими нитями скатывалась вниз, тут же заново возникая наверху, оплетая металлический остов неестественной паутиной.

– Стойте! – крикнул Сухостой Майнеру, но было уже поздно.

Верхолаз, разогнавшись на покатом склоне воронки, врезался в переливающиеся тусклым темным светом заросли шептун-травы, словно корабль воду, раздвинув ее бедрами. Потрескивающее поле травы пошло волнами. Митрофан услышал низкочастотное бормотание, тут же вызвавшее тошноту. Сухостой рванулся было следом, но резко остановился, едва не потеряв равновесие.

– Черт бы его побрал, – зашипел проводник, сдавив голову руками. – Не так надо было.

Митрофан сел на землю и, никого не стесняясь, завыл. Бормотание шептун-травы выворачивало мозги наизнанку. Только никакая это была не трава. Ее вообще как бы не было, рука ощущала легкое потрескивание и покалывание, как будто пластмассы, натертой шерстью, коснулся. Какие-то разряды. Или заряды – не разберешь. Они с головой что-то делали, «шептать» ее

заставляли. Вынимали из памяти редкие и совсем уж позабытые воспоминания и начинали «нашептывать» их. Шептун-трава. Иногда Митрофану казалось, что воспоминания вообще откуда-то из потустороннего мира берутся: не было в его жизни такого.

А вот образы из головы Майнера он вообще не собирался слушать. И вникать в них абсолютно никакого желания не имел. Но шептун-трава желания его не спрашивала, резво и с напором вещала непонятное и какое-то жутковатое содержимое головы верхолаза всем, кто попадал в ее колдовское поле. Как-то странно реагировала на Майнера шептун-трава, слишком сильную отдачу вызывали его мысли.

Сухостой, сжав зубы, пошел за верхолазом, нырнув в покачивающиеся на высоте бедра нити. Митрофан смотрел вслед проводнику, и вдруг ему захотелось увидеть глаза Сухостоя. Очень захотелось. С его глазами происходило сегодня что-то важное. Но Сухостой не поворачивался, и Митрофану приходилось пялиться в темный с проседью затылок, завывая от накатывающей оттуда дурноты.

В центре воронки что-то громыхнуло. Митрофан перевел взгляд на вездеход – массивное заднее крыло вдруг прогнулось, резко дернулось, еще раз издав приглушенный ржавчиной стук, а потом шептун-трава, что росла прямо у гусеницы, под тем самым крылом, вспыхнула ярким красно-желтым огнем. Вездеход немного просел, сдвинулся к центру. Он как будто…

Да, многотонная машина медленно рассыпалась, она стремительно старела, гнила. Скоро от нее ничего не останется.

– Время! – заорал Митрофан. Чертов Майнер, куда он прет? Он что же, не понимает, что без Митрофана ему не достать то, что он хочет? – Сколько времени?

Майнер не отреагировал на крик, его словно и шептун-трава не брала. Верхолаз пер как танк через колышущееся марево, потрескивающее электричеством, не притормаживая ни на мгновение. Дался ему этот вездеход!

Сухостой остановился и обернулся.

Глаза!

Митрофан закусил нижнюю губу, сильно закусил, до крови, и шагнул вперед, позволив шептун-траве прилипнуть к его ногам. Ему было страшно, но ведь время-то поджимало.

Да что же, черт возьми, должно произойти?! На кой ляд Сухостой притащил их всех сюда именно сегодня?

– Время самое подходящее, – сказал проводник.

С его глазами творилось что-то невероятное. Они становились то белыми, как снег, то чернели, наполняясь нефтяными пятнами и растягиваясь на пол-лица. И выражение их

менялось с каждой метаморфозой. Только карие глаза Гриши-Сухостоя по-прежнему оставались тоскливыми и полными сомнения, а те, странные белые и черные, злорадно сверкали, радуясь происходящему.

Майнер уже добрался до вездехода. Верхолаз полез наверх, на крышу кабины, пытаясь через дыру в лобовом стекле дотянуться до приборной панели. Он дернул остатки растрескавшегося стекла, под его коленями что-то с протяжным скрежетом проломилось, и Майнер рухнул в недра железного монстра. Из его бедра торчал ржавый, измазанный чем-то искрящимся обломок, по черной штанине текла кровь, но мужчина как будто не замечал боли. Он ничего не замечал, ему нужен был бортовой компьютер вездехода, все еще работающий от резервного источника питания. Даже здесь, в воронке, в самом центре аномальной «точки», он продолжал собирать информацию с функционирующих датчиков, рассыпанных по проржавевшему кузову.

– Ты убедился, что вездеход тот самый?! – крикнул ему Сухостой. – Я же тебе говорил, что его послали сюда из «Оракула»!

Проводник остановился, больше спешить было некуда, теперь они трое находились внутри круга с шептун-травой.

– Ты узнал логотип?

Майнер, казалось, наконец заметил, что вокруг него есть кто-то еще. У Митрофана язык не поворачивался сказать: «Есть еще люди». Он очень сомневался, что Сухостоя с Майнером можно отнести к роду человеческому. Хоть верхолаз и выглядел обычно, его пропоротая насквозь нога, на которую он не обращал никакого внимания, наводила ужас. И взгляд – глаза остались прежними, но это были глаза совершенно иного человека. Иного существа.

– Разумеется, – Майнер усмехнулся. – Я его вижу каждый день из окна своего офиса. Что тебе надо, прелат?

Прелат? Митрофан знал, кто такие прелаты, но при чем здесь Сухостой? Он же в спецслужбе работал.

Хотя в спецслужбе работал тот, с грустными карими глазами. А вот с огромными черными кляксами вместо глаз… Да, он мог быть прелатом.

– Или это нойд что-то задумал? А? Кто из вас? Старая развалина с белыми глазами или ублюдок с черными?

Майнер глухо рассмеялся, от него по шептун-траве разбежались концентрические волны.

Гул шептун-травы нарастал. Уши заложило, в носу сделалось влажно, Митрофан вытер лицо рукавом и обнаружил на руке

густой кровавый след. Энергетические ростки «точки» шептали страшные вещи. Митрофан видел незнакомого человека с разбитым в кровь лицом, за спиной которого сквозь кристально чистое стекло окна виднелся этот самый всплывающий из-за нарисованного горизонта глаз – логотип корпорации «Оракул». Человек не знал о вездеходе, он не смог ничего рассказать, даже когда рука Майнера сняла предохранитель с «дыродела», ствол которого стучал о его зубы. Разумеется, он ничего не мог знать о вездеходе, тогда еще ничего не было решено. Но Сухостою Майнер все же поверил.

Потом картинка из офиса верхолаза исчезла, сменившись какой-то мрачной ладьей, с обросшим ракушками носом. Древнее судно с разгона вонзилось в красноватую гальку, на камни тут же выпрыгнул человек в грязной юбке. За нечесаной бородой и грязными космами с трудом угадывались черты лица Майнера.

Митрофан потряс головой, видения на секунду отступили. Гул внутри воронки становился все более осязаемым, дрожал сам воздух. Как будто…

Да, это был вездеход, он приближался. Еще пара минут, и сюда, в эту воронку, на полном ходу влетит многотонная железная туша.

Митрофан моргнул, прогоняя наваждение. Вот он, вездеход, на нем стоит Майнер, одной ногой провалившись в кабину. Он все еще пытается слить данные с компьютера, подключив к нему «раллер», который достал из своей небольшой поясной сумки. Но у него ничего не выйдет, нужно иметь особую цифровую подпись в «раллере» или «балалайку», как у Митрофана, чтобы получилось. Доступ есть только у некоторых сотрудников «Оракула».

Митрофан вытащил из кармана футляр и вставил «балалайку» в «гнездо». Перед глазами непривычно вспыхнули иконки тестовых систем чипа – два года не пользовался сетью. Но сети в этих краях не было.

Митрофан закрыл глаза, но продолжал видеть. Вездехода не было. Ничего не было, только трава – самая обычная, никаких огненных стеблей, шепчущих энергетических выбросов. Здесь был старик, которого Митрофан видел в тот день. Которого он увидит через несколько минут или даже секунд.

Так ведь он его уже видит!

Голоса Майнера и Сухостоя звучали тихо и непонятно, приглушенные гулом шептун-травы. Вездеход пер прямо на них, переваливаясь через кромку воронки. Прибыли.

А потом исчезло все.

– Какого черта ты здесь забыл, старик? Твои боги давно

умерли. Не место богам в Срединном мире, они забылись, оставшись здесь. Они давно изгнаны.

Это был голос Майнера. Вернее, не Майнера, а лохматого туземца в килте и с лицом Майнера, выпрыгнувшего на берег из древней ладьи. Митрофан ничего не видел, он и не слышал, а скорее ощущал голос… или это был не голос, а просто мысли? Информационные потоки, отправляемые в эфир шептун-травой?

– Тогда этот мир не был Срединным, это благодаря вам, островным неучам, испохабившим всю идею, его низвергли из Высших Сфер, – ответил белоглазый.

– Ты помнишь, я обещал тебе. Но у тебя есть только одна попытка, – сказал другой голос.

Митрофан знал, что говорит тот, кого он считал Сухостоем, но это был не Григорий Веденеев, а странное существо с черными глазами.

Хориус Феng – вот как его зовут. Только откуда это известно Митрофану?

Здесь – или сейчас? – известно все. Можно выбрать любую точку, в этом месте так или иначе все повторится сначала. Он хозяин «точки», этот черноглазый. Он и есть сама «точка», ее суть, ее душа. Это он все придумал. Но Митрофан совсем не был уверен, что у него получилось намеренно.

В памяти отчего-то встал чуэрвь-гарт, с помощью которого Сухостой… Митрофан так и не понял, что делал тогда Сухостой, но зима вдруг обратилась жарким летом на той поляне. Точно – обратилась, теперь он уверен в этом, хоть и был безбожно пьян.

Митрофан понял, что держит в руках какие-то предметы. Он не видел, что именно, но глаз не открыл. И так знал – это амулеты, которые он нес в рюкзаке. Древние камни и полусгнившие остатки оленьих рогов, которые Сухостой собирал везде на болотах. Реликвии сгинувших лопарей. Несколько камней полетело влево, обломок рога лег прямо под ноги. Митрофан не знал, как правильно, но Сухостой… нет, это белоглазый старик, он подсказывал, его мысли заставляли руки Митрофана делать, как нужно. Он пользовался шептун-травой, подчиняя разум Митрофана себе.

Воронка! Это же огромный чуэрвь-гарт. Древний, как сам мир!

Митрофан на секунду открыл глаза. Представил, что делает это. Прямо перед ним блестело стекло вездехода, приборная панель переливалась огнями, а дальше – за бортом – ему в лицо летела невысокая каменная пирамида, окруженная выбеленными временем оленьими рогами. И белые глаза старика, промелькнувшие за мгновение до…

Он снова зажмурился, и все исчезло.

А кто такой Майнер? И на кой черт тебе это знать?

Ответ пришел сам собой. Алексей Майнер – верхолаз. Почти настоящий, хоть далеко и не самый богатый. Ему нужны данные о «точке», ее география, ее физика. Да, так и есть – правильно Митрофан предполагал, – Майнер надеется попасть отсюда на Станцию. Власть над миром – вот что интересует его.

Сухостой ведь специально сделал так, чтобы слухи о пропавшем на болоте вездеходе достигли ушей именно этого человека. Исключительно этого человека. И условие он поставил – только личное присутствие заказчика. Сам Майнер большого значения не имеет, важны его предки. Вернее, предок – «островной неуч», колдун с древнего северного острова, лохматое чудовище в килте. Что-то у них не заладилось с белоглазым стариком в стародавние времена.

Времени нет, ты же понял. Сейчас нет никакого времени, главное – не открывать глаза. Вездеход прибыл к воронке. Вездеход стоит в ней два года, проржавел весь. Вездеход стоял здесь сто лет назад, блестя деталями. Вездеход будет стоять, уткнувшись носом в рыхлый грунт, до скончания веков. Ну или пока прелат не решит уничтожить «точку». Если, конечно, он может решать подобные вопросы самостоятельно – что-то подсказывало, что мнения прелата особо не спрашивали.

Внутри «точки» время движется по воле Хориуса Фенга. Одна беда – прелат, похоже, не подозревал, что этот чуэрвь-гарт с ним такую шутку сыграет: смешает времена в кашу, вовек не расхлебаешь.

И еще старик со своими амулетами. С теми, что притащил сюда Митрофан. Он ведь пытается управлять «точкой» с их помощью, плевать он на прелата хотел. Не слишком ли он самоуверен?

И выбирать придется…

Что там говорил прелат о попытке? У кого она одна?

– Ми-тро-фан! – крик звучал издалека, словно Сухостой падал в какую-то бездонную пропасть.

– Что, Гриш? – Митрофан не открывал рта, но проводник его услышал. Это все шептун-трава, это все шутки Хориуса Фенга.

– Пожелай за меня. Ты же можешь. Пожелай, ты знаешь, как это сделать. Усмири их. Пожалуйста.

Ну да. Григорий Веденеев пропал давно, еще до аварии на Станции. Или аккурат во время нее. Теперь Митрофан вспомнил, это Шкодин рассказывал. Только он пропустил мимо ушей странный рассказ. Да и не понял он, что Веденеев и есть Сухостой.

А майор Веденеев здесь застрял, накрыло его лучом или еще чем – что тогда со Станции вырвалось в разные стороны? Чуэрвьгарт в воронке, случайно оказавшийся на пути луча, переплел времена, вернул стародавних богов из небытия.

А Сухостой?

Наверное, майор Веденеев тоже оказался в пространстве луча случайно, кроме него, здесь никого больше не было. Его они и выбрали – из-за отсутствия иных кандидатов, все, так сказать, на одного. Ни старика с белыми глазами, ни черноглазого прелата не существовало в физическом мире, они лишь энергия, взаимодействующие частицы. А Сухостой стал для них оболочкой. И каждый тянет «оболочку» в свою сторону, у каждого свои цели.

Прелат обещал Сухостою одно желание. Так уж получилось, или Фенг это специально устроил – но сейчас он мог (или был обязан?) поработать золотой рыбкой. Только пожелать должен Митрофан, он со своим вездеходом вломился сюда, на него настроены таинственные эффекторы шептун-травы. Да и Сухостой с прелатом суть одно – черноглазый не может свои желания исполнять.

Вот еще вопрос – как вездеход сюда попал? Понятно, что его прислали хозяева – корпорация «Оракул». Они там случайно заметили несоответствие на карте и на всякий случай загрузили в компьютер своего вездехода, что так кстати совсем рядом с «точкой» искал нефть, координаты странной черной полосы. Но как машина попала внутрь?

Через выжженную полосу в реальности, кроме Сухостоя… то есть хозяина «точки» прелата Хориуса Фенга пройти на эту сторону никто не может. Но ведь Сухостой не зря был проводником, он мог вести людей за собой.

Митрофан зажмурился, изо всех сил смежив веки. Он сам, физхимик корпорации «Оракул», желающей найти нефть – ну хоть где-нибудь, – попал сюда два года назад. Он попадает сюда прямо сейчас. Он, так же, как вездеход, внутри «точки» – всегда. Его никто не хватился, потому что он никуда не исчезал. Вездеход с экспедицией, в составе которой был и он – Митрофан Поленов, – попал на территорию аномалии вчера ранним утром. Потом они сутки плутали по болоту, «точка» крутила машину с людьми как хотела. А выбрался из «точки» Митрофан два года назад. Вместе с Сухостоем выбрался, остальные погибли при крушении вездехода.

Но и попал сюда Митрофан с Сухостоем. В памяти снова и снова повторялась картинка: яркая молния выбелила тундру, почти лишив ее теней. И только одна тень, промелькнувшая рядом с несущимся вездеходом, показалась странной для этого

места. Это был Сухостой, он шел по выжженной полосе, как раз в тот момент, когда машина с глазом-солнцем на борту, проскочила мимо. Проводник выполнил свою миссию, вездеход провалился сюда.

Вот куда отлучался Сухостой, устроив всех на ночлег. И выходить в ночь именно поэтому пришлось.

– Дайте, я помогу.

Митрофан не сразу понял, что голос, который он только что слышал, принадлежит ему. В руках бородача оказалась шершавая металлическая скоба, а рядом отчетливо слышалось тяжелое дыхание Майнера. Или не Майнера – какая, в сущности, разница? Смотреть было необязательно, чтобы понять, что происходит, – открывать глаза Митрофан не собирался.

– Как? – прохрипел верхолаз. Несмотря на волшебство, проткнутая ржавым обломком стойки кабины вездехода нога давала о себе знать. Крови натекло немало: Митрофан отчетливо ощущал ее запах. Ничего, шептун-траве должно понравиться угощение.

– У меня коды есть, – объяснил Митрофан.

Бородач нащупал пластик клавиатуры «раллера» и быстро набрал пароль. Теперь идентификация пользователя. Несмотря на то что глаза он так и не открыл, наноэкраны, напыленные на роговицы, послушно воспроизводили всю поставляемую «балалайкой» информацию. Бортовой компьютер вездехода опознал «этикетки». В то, что «этикетки» подойдут, верилось с трудом. Больше верилось внутренним ощущениям, а те упорно твердили, что он получил коды два года назад. Но «этикетки» совпали, и компьютер вездехода, моргнув индикаторами, послушно слил данные на машинку верхолаза.

Майнер нетерпеливо вырвал из рук Митрофана свой «раллер». Раненая нога подвела – верхолаз пошатнулся и опрокинулся на спину. Пластиковый корпус компьютера с треском ударился о вездеход.

А звук стал звонче, раньше металл прогибался и издавал глухой, шуршащий звук. Ржавчина исчезла, понял Митрофан. Видимо, вездеход – настоящий вездеход, тот в котором сидит Митрофан, – все ближе, он уже почти слился с тенью, отпечатавшейся на времени, попавшей в плен шептун-травы. Нужно что-то решать.

– Усмири их! – выкрикнул Сухостой. Нет, он не кричал, во всяком случае, голоса его Митрофан не слышал, но он знал, что проводник прокричал именно это. – Останови их, освободи меня, пожалуйста.

Митрофан заставил себя открыть глаза. Заляпанное грязью

стекло вездехода дергалось перед самым лицом. Но он продолжал видеть и то, что происходило в центре воронки: Сухостой быстрыми, нервными движениями дергал рассыпающиеся в прах рога, верхушки которых торчали из земли. Он пытался изменить рисунок чуэрвь-гарта, он что-то хотел сделать с помощью колдовского инструмента нойдов.

Это же не Сухостой, это старик с белесыми глазами, древний лопарь. Это он крутит рога. Откуда бы майору Веденееву научиться исчезнувшему в веках искусству северных шаманов?

Но что он хочет сделать?

– Зачем ты включил для него эту вещь? – говорил Сухостой, но голос его изменился: надтреснутый, хриплый, но, вместе с тем, наполненный внутренней силой. Голос нойда, давно умершего лопаря.

А потом Сухостой засмеялся. Противно так захихикал, подвизгивая. В глаза смотреть необходимости нет, и так ясно, что появился третий обитатель тела Веденеева – храмовник Хориус Фенг.

– Открой это!

Кто-то тянул Митрофана за штанину. Это оказался Майнер, который пытался подняться. Точнее, его предок, намертво угнездившийся в генах своих потомков, другой древний северный колдун, не поделивший очень давно что-то с лопарем. Грязными, исцарапанными пальцами он тыкал в клавиши треснувшего «раллера», пытаясь открыть папку с данными.

Они же с ума съехали, они все безумцы. Двое давно умерших колдунов никак не могут оставить затею поделить давно поделенный без них мир, а третий, похоже, упивался эффектностью собственной задумки – ведь это прелат свел их вместе. Черноглазый откровенно развлекался, его веселило то, что здесь происходит.

– Пожелай, чтобы они ушли! – смог прорваться наружу Сухостой. В смысле, законный хозяин тела Григорий.

«Хорошо», – подумал Митрофан и изо всех сил вцепился в руль вездехода. Машина прыгала из стороны в сторону, двигатель ревел, что есть сил, и отчего-то никак не удавалось сбросить обороты. Связи не было – ни с сетью вообще, ни с компьютером вездехода.

Внезапно земля, покрытая какой-то непонятной светящейся травой, покачивающейся из стороны в сторону, исчезла из поля зрения, и ее место заняло не менее странное, клубящееся, словно молоко, налитое в воду, серое небо. Вездеход взлетел на край воронки, перекинулся через нее и с размаху ухнул вниз. Митрофан инстинктивно дергал руль, но помочь уже ничто не

могло – точно ему в лицо летела верхушка каменной пирамиды, возвышающейся в самом центре воронки. Еще пару мгновений, и древний камень разобьет стекло и размозжит голову водителя. Но пока Митрофан видит седого старика с абсолютно белыми глазами, его длинные усы шевелит ветер, а губы двигаются, произнося заклинание.

Осталось только пожелать. Чтобы все исчезли и круг разорвался. А каменная пирамида все ближе – несущая смерть древняя твердь.

– Жить хочу, – прошелестел одними губами Митрофан, а сзади колдун с торчащей из ноги ржавой железякой бестолково водил пальцами по клавиатуре «раллера».

Лобовое стекло мгновенно покрылось трещинами и осыпалось водопадом маленьких осколков. Митрофан все еще видел пирамиду, словно застывшую в метре от кабины, он слышал крики товарищей, понимающих, что дело плохо. Но он уже не сидел в кабине. Ремень на его кресле почему-то оказался расстегнутым, а сам Митрофан летел головой вперед, опережая падающий вездеход. Но он падал немного вбок, поэтому приземлился справа от рухнувшей машины.

Земля вздрогнула, светящаяся трава всколыхнулась в последний раз, выпустив в воздух сноп искр.

Митрофан машинально схватился за голову, провел ладонью по щекам, ощущая едва заметную щетину, и поднял глаза, пытаясь понять, где находится.

– Придурок, – зашипел стоящий перед ним человек.

Митрофан не был с ним знаком, но откуда-то знал, что зовут его Сухостоем.

– Снова все по кругу, – посетовал знакомый незнакомец.

Он схватил Митрофана за воротник куртки, встряхнул и наклонился к самому его лицу. Митрофану показалось – или так оно и было? – что глаза у этого Сухостоя на мгновение налились молочной белизной, а потом подернулись нефтяной пленкой.

– Запомни имя – Алексей Майнер. Хорошо его запомни.

Митрофан кивнул и потерял сознание, а прелат Хориус Фенг с удовлетворением отметил, что ему удалось начать новый круг.

Александр Золотько
Его право

К станции вертолеты группы поддержки вышли без проблем, что, если честно, было почти чудом. Оба аппарата нарушали все возможные правила, инструкции и предписания – от минимальной высоты полета до непрерывности связи с диспетчером.

Даже канал телеметрии был вырублен, а это не просто не рекомендуется при полетах в районах чрезвычайного режима, но и прямо запрещается. Категорически. Считается, что вероятность успешности полета снижается до тридцати процентов, а в некоторых случаях и вообще сводится к нулю. Полторы сотни километров сплошных нарушений и должностных преступлений.

Но вертолеты все-таки добрались, несмотря на эти нарушения. Или благодаря им.

Вертолеты группы поддержки почти до самой станции ползли, прижимаясь к земле и царапая бронированные брюха о верхушки замерзших деревьев. Потом метрах в ста от комплекса станции один из них – с цифрами «05» на борту – резко прыгнул вверх, до сотни метров, а второй – «03» – завис над деревьями.

Если верить приборам, никто не подсвечивал вертолеты сканерами системы наведения, но это если верить приборам. К тому же «молотки» вполне могли наводиться и вручную. Эффективность огня при этом снижалась, но если до цели было меньше ста метров, то особая точность и не требовалась.

А у станции только стационарных крупнокалиберных пулеметов было шесть штук, не считая тех, что размещались на мобилях или хранились, согласно инструкциям, на складе. А шесть «молотков» – это шесть «молотков». Броню вертолетов они, может быть, сразу бы и не порвали, но лопасти винтов вполне могли с вертушек пообстричь.

«Ноль пятый», опустив нос к станции, описывал круги, «ноль третий», не выходя из режима бесшумного полета, висел неподвижно, словно кого-то ждал.

Ни звука в эфире, ни импульса, ни байта информации – молчание было полным, даже пилоты не переговаривались с членами экипажа. Бортовой стрелок, вглядывавшийся вниз, заметил, что из ложбины между холмов появилась спецгруппа – пять белесых силуэтов в «хамелеонах», показал большой палец пилоту; тот молча кивнул. Пехота прибыла – можно работать.

Пехотинцы замерли на минуту, позволяя «хамелеонам»

настроиться на цветовую гамму нового ландшафта. Рощица, над которой висел «ноль третий», светилась насквозь: подлеска не было совсем – здания станции были видны как на ладони.

Основной комплекс – три здания, соединенные рукавами переходов, ангар, площадка для беспилотников, две вышки с пулеметами наверху – все было чуть припорошено снегом и выглядело безжизненным. Стволы пулеметов на вышках были опущены вниз, словно пулеметчики понуро высматривали что-то у себя под ногами. Сетчатое ограждение было прорвано со стороны рощи, стойка погнута, а фонарь свисал, раскачиваясь на ветру.

«Ноль пятый» продолжал выписывать перевернутый конус, держа в прицеле центральное здание станции, «ноль третий» медленно поплыл в сторону, рисуя круг по часовой стрелке и фиксируя обстановку.

«Хамелеоны» настроились – фигуры пехотинцев стали почти неразличимы на фоне деревьев и земли, едва припорошенной снегом. Если бы спецгруппа стояла неподвижно, то люди вообще стали бы невидимыми, но они развернулись в цепочку и медленно двинулись к станции.

Пара выдвинулась вперед и вправо, вторая – приняла влево, а пятый член группы – командир – держался метрах в десяти сзади своих бойцов.

До ограждения – пятьдесят метров.

Еще на базе, при подготовке операции, аналитики решили, что в разрыв ограждения идти не стоит. Долго рассматривали данные, привезенные беспилотником, накладывали картинки во всех режимах сканирования одну на другую, искали отличия и подвох – ничего не нашли, но все-таки решили не рисковать.

Это была перестраховка чистой воды – все это понимали: каждый участник совещания прекрасно знал, что это станция наблюдения номер семь дробь тридцать девять, принадлежит «Науком», находится в безопасной… ну, практически безопасной, полосе, до официально определенной зоны аномалий от нее почти пять километров. Можно было просто прилететь и сесть прямо во дворе.

Однако никто этого не предложил, каждый надеялся, что эту мысль озвучит кто-то другой. Тем более что никто из сидящих в комнате для брифингов к станции наблюдения идти не собирался. Все волнения и сомнения в таком случае приобретали окраску чистого теоретизирования.

Работать должна была спецгруппа, а если сильно беспокоиться о судьбе спецгрупп, то кто будет ходить в пекло?

Командиру спецгруппы сообщили выводы аналитиков,

передали общую карту объекта и окрестностей. Вот пусть он и решает все на месте. Командиры для того и существуют, кстати. А что при этом думал командир спецгруппы и что ему могло показаться странным?..

Странным, например, командиру группы показалось то, что ограда была разорвана изнутри, со двора станции. Клочья титанопластовой сетки тянулись по земле наружу, строго на юг от станции. Было бы понятно, если б оказалось наоборот, если б кто-то или что-то пыталось вломиться на станцию снаружи, ведь выбраться из-за периметра в чисто поле можно было через ворота, которые, если судить по информации от начальства, были хоть и закрыты, но ничем не заблокированы.

Последний раз снег в районе станции шел неделю назад, но беспилотник вроде бы не обнаружил ничьих следов ни внутри периметра, ни снаружи, сразу за ограждением.

Черная промерзшая земля с белыми пятнами снега.

Правофланговый боец замер, легонько щелкнул прицельной рамкой «дрели», привлекая внимание командира, и опустился на колено. Командир продублировал сигнал для левофланговой пары, убедился, что парни сигнал услышали и поняли, потом медленно двинулся вперед-вправо.

Его движения были плавными: каждый член группы знал, что каким бы надежным ни был камуфляж, но резкое движение обязательно привлечет внимание или даже пулю. Станция «Науком» не была враждебным объектом, но рисковать никто не собирался.

– Что? – тихо, одними губами, спросил командир группы, опустившись на колено рядом с правофланговым.

Было холодно: перед вылетом им сообщили, что будет до минус пятнадцати, но забрала шлемов у всех были сняты, от режущего ветра и колючего снега лицо защищали только подшлемники и очки.

Пар вырвался изо рта командира и клубком взлетел кверху. Ветер, набросившись на него, мигом растерзал в клочья.

– Справа, тридцать метров, – шепотом ответил боец. – Овраг.

Поначалу командир решил, что это снежный сугроб, потом, сообразив, что при такой погоде сугроба быть не может, предположил, что это небольшой холм, скорее бугор земли чуть меньше метра в высоту на самом краю оврага.

Тут был овраг; с точки зрения безопасности место для станции выбрали неудачно – по нему можно было добраться почти до самого ограждения, не подставляясь под «молоток» на вышке.

Правда, дно и склоны оврага наверняка утыканы сенсорами,

но если бы развертыванием станции руководил командир группы, то он бы выбрал другое место. Просто из въевшейся в него за время работы нелюбви к «мертвым зонам» в системе обороны.

– Что с ним не так? – командир сдвинул очки на лоб и оглянулся на станцию: останавливаться вот так на виду неправильно, собираться в кучу – тоже неправильно. «Да и вообще, – подумал командир, – а что за последние полгода было сделано правильно?»

– Это мобиль, – сказал боец. – Слетел в овраг, полупереворот вправо, корма вверху.

Командир присмотрелся, прикрывая глаза рукой от ветра и снега, кивнул. Дэн – молодец. Глазастый Дэн, как всегда, на высоте. Невооруженным глазом, без тактического монитора и без сканера распознал мобиль, даже не мобиль, а его корму, повернутую и покалеченную, засыпанную снегом.

– Я тебя люблю, Дэн, – тихо сказал командир. – С меня – пиво.

– Мне сходить, Гор? – спросил польщенный Дэн.

– Я сам, – командир группы Клим Горяинов, по прозвищу Гор, расстегнул подсумок с гранатами. – Ты подстраховываешь меня, а Зеленый наблюдает за станцией…

«Ноль третий» завершил облет станции, ничего подозрительного, похоже, не заметил, поэтому двинулся по сходящейся спирали к зданиям. Прошел над самой головой Гора, поднимая клубы снежной пыли.

«Если бы можно было попросить вертушку сдуть снег с этого мобиля, – подумал Гор. – Но с ним никто разговаривать не будет, у них сегодня тихая операция. Бесшумная. Впрочем, как всегда. Придется работать молча».

Главное – не спешить и не суетиться.

Никто и ничего не говорил о разбитом мобиле возле станции. Хотелось верить, что вряд ли кто-то из начальства стал бы скрывать эту деталь от группы. Значит – сами не знали. Не сообразили проследить линию от разрыва ограждения дальше в поле. Лучше верить в глупость начальства, чем в его подлость. Значит, прозевали аналитики. Не подставили, а прозевали. А ведь, судя по всему, это мобиль разорвал сетку, выскочил за периметр и влетел в овраг.

«Странно, – подумал Гор, – почему и зачем кто-то мог выбираться со станции таким нелепым образом?»

Над головой что-то щелкнуло, потом раздалось шипение и хлопок. Гор поднял голову. «Ноль пятый» выстрелил красную ракету. Через пару секунд ее продублировал «ноль третий». «Все нормально, операция идет в штатном режиме» – значил этот

сигнал. Не для группы, конечно, для наблюдателя, который отслеживает все происходящее с безопасного расстояния.

– В штатном режиме, – прошептал Гор, приближаясь к оврагу.

Десять метров.

Мобиль действительно лежит на боку. Видна только его корма, кабина в овраге. Корма с багажным отделением, пластик корпуса лопнул, трещина вспучилась, словно края гноящейся раны. Ярко-оранжевый пластик, черная полоса разлома, белый ободок снега – гангрена еще не началась, но помощь нужно оказывать немедленно.

«Как можно было не обратить внимания на яркое пятно посреди равнины? Значит, просто не сочли нужным предупредить. Сволочи».

Пять метров.

Горяинов остановился, мельком оглянулся на своих ребят, не сразу разглядел их в клубах снежной пыли, которые гнал «ноль третий». Наверное, следовало вернуться и предупредить парней.

Нет, если все делать правильно, нужно было немедленно связаться по защищенному каналу со штабом и сообщить о вновь открывшихся обстоятельствах. Но защищенный канал как обычно был недоступен. Полное молчание – так полное молчание. Сходить к ребятам – потерять время, ведь все равно потом придется вернуться к мобилю, попытаться понять, что именно с ним произошло, а затем, что бы там ни было, идти на станцию…

«Интересная у меня работа, – подумал Горяинов. – Захватывающая».

Захотелось лечь на землю и оставшиеся пять метров преодолеть ползком. Инстинкты почти никогда не подводили Гора, но тут он решил им не подчиняться. Сколько дней мобиль лежит в овраге? Снег шел неделю назад, если бы мобиль выехал после снегопада – следы четко отпечатались бы на снегу. Поземка не смогла бы их замести. Значит, ничего опасного в мобиле быть не могло.

Ну разве что мина. Или какая-нибудь автоматическая стрелялка для любопытных. Это нужно иметь в виду, хотя вероятность подленького сюрприза близка к нулю. А вот то, что мобиль не сам слетел в овраг, – это сто процентов. Двести.

Пробоины от четырнадцатимиллиметровых гостинцев пулемета «Молотов» спутать с чем-либо сложно. И удержать мобиль на курсе, получив не меньше десятка пуль в корму, – тоже очень трудно. Практически невозможно.

Левого заднего колеса у мобиля не было – наверное, отлетело куда-то в сторону и лежит на земле, припорошенное снегом. Крышка багажника сломана ударом, а бок корпуса продырявлен

пулями. И, судя по кучности, стрелял не человек. «Молотком» явно управляла автоматическая система огня, и шансов ускользнуть мобиль не имел. Абсолютно никаких. Вот как, например, у Горяинова нет шансов выжить, если спарка на вышке вдруг оживет, развернется и…

Такие мысли нужно давить сразу.

Горяинов приблизился наконец к оврагу, лег набок, чтобы заглянуть в кабину мобиля. Лобового стекла не было – мелкая стеклянная крошка высыпалась на разорванный капот и походила на крупный зернистый снег.

На месте водителя сидел человек. Сидел, если так можно сказать. Человек, если так можно сказать. Сколько раз видел Горяинов подобное, а привыкнуть – не получалось. Пули «молотков» прошили мобиль насквозь – от кормы до мотора. А то, что было между мотором и кормой, просто разорвали в клочья.

Нижней части тела у водителя не было, верхняя половина туловища ударилась о стойку кабины и застряла в боковом окне. Руки свисали за борт, на скрюченных замерзших пальцах, в складках кожи, лежал снег. В линии жизни на ладони тоже лежал снег. Линия жизни была длинная, сулила водителю никак не меньше сотни лет. Линия жизни не предвидела спаренный пулемет «Молотов» ПС9399 на вышке. Не приняла его к сведенью.

«Ему больно не было», – прошептал кто-то в левое ухо Горяинову. И тут же кто-то другой прошептал в правое: «Мне не было больно…»

Гор сцепил зубы и мотнул головой, отгоняя наваждение: дыхания он не почувствовал, были только голоса на самой грани слышимости.

«Сам понимаешь – четырнадцать миллиметров, да с такого расстояния…» – продолжил голос справа. «Четырнадцать… – подхватил голос слева. – Понимаешь?»

– Понимаю, – сказал Горяинов. – Это понимаю, а вот…

«Чего?» – «Чего ты не понимаешь?» – «Спроси…» – «Мы скажем, спроси…»

– Какого хрена ты полуголый в мобиль полез? – спросил Горяинов. – Почему через периметр ломился, а не в ворота ехал… И почему система опознавания не сработала, почему «свой-чужой» не вырубил «молоток»?

«Может, я был ему чужим?» – «Так бывает…» – «Или он стал мне чужим?» – «Так тоже бывает…» – «Я вообще никогда не любил оружия…» – «А оно вообще никого не любило: оружие никого не любит, любит только стрелять…»

Тихий смех прозвучал за спиной Горяинова и растаял.

– Но почему ты в одном белье в мобиль полез? Что

случилось? В мобиль время забраться было, а связаться с базой…

– А может, ему было страшно? – голос за спиной перестал быть призрачным, прозвучал четко и ясно.

Горяинов помимо воли втянул голову в плечи, ожидая, что сейчас тот, кто это сказал, хлопнет его по плечу и поинтересуется, а почему это Гор не повернулся к собеседнику, почему так невежлив…

Но никто ничего не сказал. Никто не толкнул Горяинова в спину. И никто ничего не ответил, когда Горяинов, заглядывая в растерзанную кабину, спросил, был ли водитель один или кто-то ехал вместе с ним? Только ветер, только шорох снега, только рев двигателя «ноль пятого» высоко над головой.

Заднее сиденье мобиля превратилось в кашу из обшивки корпуса, обивки и наполнителя сидений, щедро украшенных кроваво-красным льдом. Там могли быть еще и останки второго человека, а могла быть только кровь водителя.

– Ладно, – сказал Гор, – потом посмотрим. Посмотрят, – уточнил Горяинов. – Кому нужно, тот посмотрит.

Гор встал, выпрямился, словно наказывая себя за разговор с призраками. «Молоток» на вышке? И ладно, пусть попробует. Пусть он только дернется – вертолеты превратят в обломки и его, и вышку, и саму станцию. Перемолотят. «Молотки» – штука страшная, но совокупная огневая мощь двух наукомовских «Неясытей» – куда как внушительнее.

Горяинов быстрым шагом двинулся к ограждению, прямо к разрыву. Парни, наверное, сильно удивятся, но остановить его все равно не смогут, да и не станут. Командиру виднее.

Горяинов подошел к разорванной сетке. Оглянулся. Размытые силуэты его ребят медленно приближались к периметру. Парни не торопятся, парни пытаются понять: сам ли их командир идет вовнутрь или его повели за собой голоса. Никто из разумных людей там, на непораженной территории, в эти голоса, конечно, не верит, но пересказывают друг другу истории о них, по секрету сообщают, что где-то есть записи того, что люди творят под воздействием этих голосов.

Разумные люди – они такие. Недоверчивые. А в спецгруппе откуда взяться разумным людям? В спецгруппе каждый умеет стрелять-убивать-выживать… умирать – тоже умеет хорошо. И этого, как правило, достаточно. Никто от спецгруппы большего и не ждет.

Мобиль наверняка рванул прямо из ангара – ворота до сих пор открыты. Вылетел наружу и, не сворачивая, даже не пытаясь маневрировать, проскочил полсотни метров двора, врезался в ограждение, с ходу прорвал его и рванул в поле. Еще пятьдесят

метров. Потом ударил пулемет.

Горяинов посмотрел на ближайшую вышку: стволы пулеметов все так же глядели вниз, на блоке управления не светился ни один индикатор – ни режим ожидания, ни режим открытия огня – мертвый брусок металла.

– Вот и славно, – пробормотал Горяинов. – Вот и отлично.

Можно было войти в ангар, осмотреться. Может быть, там еще кто-нибудь лежит. Кажется, на стенках ангара есть пулевые отверстия, не от «молотка» – калибр поменьше, и сила удара гораздо слабее. «Дыродел» какой-нибудь. Не меньше девяти миллиметров. Вполне может быть «рудобой», такой же, как тот, что у Гора в кобуре.

– Ладно, – громко сказал Гор. – И это – потом. Вначале – жилой корпус.

Горяинов оглянулся на пролом, поднял руку. Кто-то из его ребят, скорее всего, Дэн – к нему переходит командование группой в случае выхода из строя командира – махнул в ответ.

Горяинов развел руки в стороны, потом поднял их над головой – «Продолжаю работать самостоятельно». Дэн повторил его сигнал – значит, понял и принял к сведению.

Горяинов прошел мимо лабораторного корпуса; несколько окон было выбито, осколки валялись на земле возле стены. Будто что-то выбрасывали наружу. Крови нет. Тел – нет.

Двор между зданиями покрыт мелким снегом. Никаких следов. Неделю никто из комплекса не выходил. И никто не входил, что, наверное, гораздо важнее.

Если кто-то надумает выстрелить в Горяинова, то делать он это будет через выбитые окна лаборатории или жилого отсека. Из глубины комнаты. И пока он не выстрелит, Горяинов даже не заметит стрелка. Если бы у Гора был включен сканер, если бы у него вообще был хоть один гаджет…

Гор медленно скользил вдоль стены. «Хамелеон» перестроился: теперь его окраска не фиксирована, по ней пробегают волны, справа-налево, слева-направо – со стороны кажется, что человек качается, движется рывками, постоянно меняя амплитуду и скорость перемещений. Горяинов перевел «хамелеон» в режим активного камуфляжа, включились форсунки на ранце, разбрызгивая пигмент на стену за спиной. Теперь потенциальный стрелок из жилого комплекса может видеть и две, и три цели сразу: силуэты, нарисованные «хамелеоном», появляются, исчезают и снова проступают с разной периодичностью, демонстрируя движение одновременно в нескольких местах.

Надолго пигмента не хватит, но минут пятнадцать у

Горяинова есть.

Стоп.

Посреди двора лежит человек.

Мертвый, естественно, человек. Руки вытянуты вперед, словно в последнее мгновение жизни он прыгнул, пытаясь дотянуться до чего-то. Или это просто его толкнула пуля из «дыродела».

«Подойти посмотреть?»

Горяинов огляделся. За выбитыми окнами – темнота. Дверь в жилой комплекс закрыта. На карте, которую вручили Гору перед началом операции, никаких покойников нет. Не хотели преждевременно расстраивать, наверное.

Подождать, когда его ребята войдут во двор? Это будет правильно. Вначале войдет двойка Дэна, вторая двойка – двойка Джошуа – останется за оградой на всякий случай. Или…

Над двором повис вертолет, снег разом взлетел в воздух, открывая мертвое тело. Покойник почти раздет. Только легкий спортивный костюм. А под правой рукой – «дрель». И несколько гильз вмерзли в лед справа от тела.

– Мы присмотрим! – прогремело с неба: пилоту «ноль третьего» надоело молчание, и если он не мог говорить по радио, то уж через наружные динамики пообщаться с пехотой, односторонне, так сказать, ему никто запретить не мог. Ведь понятно же, что он здесь никакую маскировку не нарушает, а ему, наконец, приятно поболтать, да и парню в «хамелеоне» внизу прибавит уверенности.

Многостволка на турели медленно ворочается из стороны в сторону, бортовые стрелки взяли под контроль окна зданий. Если что – ракеты рванутся с консолей и превратят дом внизу в огненную кашу.

Горяинов отключил «хамелеон» – пусть уж ребята с «ноль третьего» четко видят, где он, чтобы не спутали в суматохе перестрелки, – помахал рукой пилоту и быстрым шагом подошел к телу. Пришлось обойти вокруг – мертвец лежал, повернув голову влево. Правой щекой на промерзшей земле.

Перед выходом группа познакомилась со всеми работниками лаборатории. На всякий случай – со всеми. Собственно, не с людьми, а с информацией о них – фото и видеозаписи. Поэтому Горяинов легко опознал лежащего.

Пауль Крозе, тридцать пять лет, физик.

– Мертвый физик, – пробормотал Горяинов. При трех ранах в спине (позвоночник, сердце, печень) выжить он не мог. Но стрелял человек опытный, умелый – три выстрела, три раза убил.

– Дверь! – прогремело сверху, Горяинов, метнулся в сторону,

вскидывая «дрель» и поворачиваясь лицом ко входу в жилой комплекс.

Не выстрелил, удержался. Молодец.

На крыльце стоял человек. В зимнем пальто, в теплом городском пальто, совершенно неуместном здесь, на станции наблюдения номер семь дробь тридцать девять. Невысокий, худощавый, без шапки. Ветер от винтов «ноль третьего» трепал жидкие волосы, в левой руке человек держал дорожную сумку, в правой – чемодан, старинный кожаный, а может быть, просто сделанный под старину из имитации кожи.

– Стоять! – крикнул Горяинов.

– Я стою! – крикнул в ответ человек с чемоданом. – Мы откуда улетаем?

– Что? – не понял Гор.

– Я спрашиваю – где сядет вертолет? Вы же за мной прилетели?

…Ильмар Генрихович Терпилин, сорок лет, администратор станции наблюдения. Сканирование отпечатка пальца, сетчатки глаза, экспресс-тест ДНК – все точно, все подтверждено техникой. Верить ей или нет – вопрос другой. Горяинов убрал комп в набедренный карман комбинезона и вздохнул.

Ильмар Генрихович сочувственно улыбнулся.

В кабинете администратора станции было тепло, Горяинов изменил настройки своего костюма, но Терпилин пальто так и не снял. Он даже снег не стряхнул с плеч, как вошел в свой кабинет, просто сел в кресло за столом. В хозяйское кресло, предоставив Горяинову гостевое. Снежинки быстро растаяли на пальто, оставив крохотные темные пятнышки.

– Я – Терпилин, – сказал Ильмар Генрихович. – Я – администратор этой станции. А вы, насколько я понимаю, руководите эвакуацией. Так что мы, наверное, можем пойти к вертолету и улететь. Кстати, времени у нас на все не очень много – светового дня осталось меньше двух часов, но у нас тут перед закатом проявляются лиловые сумерки… вы в курсе?

– В курсе, – кивнул Горяинов.

«Дрель» лежала у него на коленях, на предохранитель он ее так и не поставил, но хозяин кабинета этого не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

– Я уж думал, что за мной не прилетят… – снова улыбнулся Ильмар Генрихович. – Понимаете, я каждый день по десять раз отправлял запрос на эвакуацию. Десять дней по всем каналам. Я даже оба уцелевших беспилотника отправил с письменным сообщением. На бумаге, как в старину. Знаете, как потерпевшие крушение пускали записки в бутылках по волнам? Читали? Вот

так и я… И думал, что с тем же успехом. Но вдруг…

Терпилин полез в ящик письменного стола, рука Гора легла на рукоять «дрели».

– У меня есть отличный коньяк, – заявил Ильмар Генрихович, водружая на стол бутылку. – Именно коньяк, а не бренди какое-нибудь. Мне прислали прямо из провинции… Выпьете?

– Нет, спасибо, – Горяинов заставил себя улыбнуться. – У нас не приветствуется употребление спиртного при выполнении задания. И не только спиртного, вы понимаете…

– Понимаю, – Терпилин достал из ящика стола стакан, скептически посмотрел сквозь него на светильник. – Нужно бы помыть, но, с другой стороны… Скажите, если я не ошибаюсь, то эвакуация обычно происходит быстро, без задержек?

Терпилин наполнил стакан на треть и сделал глоток.

– Так сказать, с ходу. Транспорт может даже не приземляться, снижается, подхватывает и улетает…

– Можно и так. – Гор смотрел на руки собеседника, внимательно следил за выражением лица.

Администратор доволен. Удовлетворен. Но радости – нет. Есть настороженность. Есть легкое разочарование. Искренность отсутствует. Текст выступления – вполне достоверный, интонации – почти… самую малость недотягивают. Не то чтобы Ильмар Генрихович врет, но…

– Напрасно вы отказываетесь… э-э… как вас, кстати, можно величать?..

– Клим.

– Вот так просто – Клим?

– Если не просто, то старший группы экстренного реагирования Службы Спасения и контроля Северо-Восточного сектора «Науком», номер три-пять-семь-ноль-восемь, эн-ка четыреста пятнадцать Климентий Игоревич Горяинов.

– Значит – Клим. – Терпилин допил коньяк и удовлетворенно откинулся на спинку кресла. – И что же не так с моей эвакуацией?

– Все – так, – спокойно произнес Гор. – Но в нашей службе есть много разных вариантов эвакуации. В нашем конкретном случае запущен план «Приоритет». Он подразумевает…

– Я знаю, что он подразумевает. Приоритеты расставлены очень точно. Вначале – спасение информации, наиболее ценного оборудования и только потом – людей. Я уже собрал все данные. Я скопировал все и сложил в сумку. Я…

– Все займет не так много времени… Сейчас прибудет транспортник с техниками, они быстро демонтируют компьютеры, соберут все, что смогут, из регистрационного оборудования…

– Нет здесь ничего интересного, – сказал Терпилин. – Нет ничего интересного… Я…

– Вы уничтожили информацию? – ласково улыбаясь, спросил Горяинов.

– Нет, конечно, но…

– Но вы же знаете, самое интересное в базах данных не то, что там есть, а то, что из них удалили… По секрету скажу – в службе имеются специалисты по восстановлению уничтоженной информации… – Горяинов замер, прислушиваясь.

Дверь в кабинет он не прикрыл, осталась щель, сквозь которую доносились голоса ребят из группы. Дэн зычно перекрикивался с Зеленым, тот громогласно отвечал, но сейчас Горяинов слушал не их. Легкий шепот просачивался в кабинет. Тихое бормотание. Еле слышные голоса, сплетаясь и клубясь, струились сквозь неприкрытую дверь. Невозможно было разобрать, о чем именно говорят голоса, спорят или наперебой хотят о чем-то сообщить или предупредить… просто неразборчивое бормотание двух… нескольких голосов.

– Да, – сказал Горяинов. – Об уничтоженной информации… Я вот забыл у вас уточнить – а кто это на дворе мертвый лежит? То есть нет, – не нужно на меня так удивленно смотреть, – я знаю, кто там лежит. Физик Крозе. Пауль Крозе. Но вот кто его там уложил… Руки на стол! Ничего не трогать!

Терпилин замер с протянутой к настольному компу рукой, удивленно посмотрел на Горяинова.

– Да что с вами, Клим? Я просто хотел включить запись, показать, как именно все происходило… – Терпилин покачал головой. – Вы меня прямо испугали, честное слово. Вот, даже потянуло запить стресс… Я могу взять бутылку или?..

– Берите, – разрешил Горяинов. – А записи… Записи вы потом покажете, и не мне. Я выполняю очень простые функции, а непростые функции выполняют совсем другие люди…

– Непростые, – усмехнулся Терпилин. – А вам хочется выглядеть проще, чем вы есть на самом деле. А я хочу выглядеть менее испуганным, чем… Вы знаете, что я сделал, когда увидел вертолет над станцией? Нет, вы угадайте! Я пока себе коньяку налью, а вы…

– Чего тут гадать? Вы побрились, уважаемый господин администратор, – Горяинов провел ладонью по своему шершавому от двухдневной щетины подбородку, левой рукой провел, правую от оружия не убирая.

Терпилин замер, так и не донеся стакан до рта.

– Лихо! Это как же вы…

– От вас несет лосьоном, – пояснил Горяинов. – Дорогущим

лосьоном, между прочим. Я года три назад чуть не купил такой на половину месячного жалованья. Аромат имеет пять оттенков, первый появляется сразу после применения и держится более двух часов… От вас именно им и пахнет. Это во-первых. Во-вторых, вы производите впечатление человека аккуратного, но побрились небрежно, щетина на шее местами уцелела… Так что вы брились недавно и второпях. Хотя, если честно, мне не совсем понятно, зачем, но…

Терпилин залпом осушил стакан, зажмурился, через несколько секунд выдохнул и посмотрел на Горяинова.

– Вам доводилось пугаться? – спросил Ильмар Генрихович. – Да что я спрашиваю – наверняка приходилось. И даже если по работе вам удавалось держать себя в руках, то когда два года назад рвануло… Когда Станция – та самая Станция, единственная и неповторимая, – вдруг начала работать… Да что я несу? Когда грянула Катастрофа, вам разве не было страшно? Вы где были в самый момент? Вы…

– Это не важно, – Горяинов с трудом сдерживался, чтобы не оглянуться – шепот плавал у него за спиной, возле затылка, будто клубок призрачных змей или рой бесплотных ос. – Я понял ваш вопрос. Да, я знаю, что такое страх. И я знаю, что вы пытаетесь уйти от моего вопроса… Кто убил Крозе?

Терпилин положил руки перед собой, ладонями на крышку стола. Будто стол в любой момент мог вспучиться, а он собирался этого не допустить. Даже несколько раз провел ладонями по столешнице, словно разглаживая морщины на полированном дереве.

– Кто убил Крозе? – переспросил глухим голосом Ильмар Генрихович. – А я не знаю. Не знаю!

Терпилин выкрикнул это «Не знаю!» и замолчал, потрясенно глядя на свои руки.

– Я не знаю… – повторил он уже значительно тише. – И даже не знаю, где именно…

– Во дворе, – напомнил Горяинов. – Сразу перед дверью из комплекса, если вы не заметили. Лежит, вытянувшись… О покойниках говорят, что они протянули ноги, а Крозе протянул руки…

– А, вы об этом, – отмахнулся администратор и снова потянулся к бутылке. – Это не Крозе… И не смотрите на меня так – это не Крозе, я знаю, что говорю…

– Понятно, – Горяинов откашлялся. – А в мобиле кто? В том, что в овраге? Я лица не рассмотрел…

– В мобиле? В мобиле Марат Сорокин. Не Марат Сорокин, – Терпилин взял наконец бутылку, покрутил ее в руке. – Там не

Марат Сорокин. Не Марат! Слышите? Не Марат! И не смотри ты на меня как на сумасшедшего!

Бутылка разлетелась в брызги, ударившись о стену, Терпилин попытался вскочить, но пола его пальто зацепилась за что-то, администратор дернулся и рухнул обратно в кресло.

На пороге кабинета вырос Джошуа с «дрелью» в правой руке.

– Все нормально, – сказал Горяинов. – Это просто нервы. Сам понимаешь – человек нервничает… Человек такого здесь насмотрелся…

– Ну да, – не отводя взгляда и оружия от Терпилина, сказал Джошуа. – Парни пробежались по комплексу… Сколько, говоришь, всего народу было на станции?

– Семнадцать, – Горяинов тоже, не отрываясь, смотрел на Терпилина. – Я ничего не путаю, Ильмар Генрихович?

Терпилин прижал ладони к лицу и медленно кивнул.

– Значит, в морозильниках лаборатории – девять человек.

– Девять… – повторил Горяинов.

– И все, – сказал Джошуа. – Этот – десятый, один во дворе…

– Один в мобиле, ведь в мобиле был только один? – спросил Горяинов.

– Один, – глухо ответил Терпилин.

– Итого – одиннадцать, – подвел итог Джошуа. – И все. Больше никого нет. Шесть – без вести.

– Еще двое кремированы, – тихо произнес Терпилин. – Марта Замойская и Ринат Хидиатуллин. А четверо… Трое лежат там, с северной стороны. Эпштейн, Силин, Маренко… Трое… Феликс Царев не вернулся из поиска… Я его там оставил, в поселке… Там оставил…

– Эти трое – далеко от периметра? – спросил Джошуа. – Я могу сбегать, глянуть…

– Не нужно! – выкрикнул Терпилин, оторвав наконец руки от лица и вцепившись в подлокотники. – Теперь это уже бессмысленно… совсем бессмысленно… От них уже ничего не осталось…

– Звери?

– Может, и звери… что-то и подобрали… звери… Их четырежды убивали. Четыре раза. Месяц назад. Мы их убивали, а они… они поднимались и снова шли к ограде… пули их в клочья рвали, а они… они шли-шли-шли… потом ползли… потом… – Терпилина колотила крупная дрожь, лицо побледнело, а по вискам стекали капли пота. – Вы когда-нибудь видели, как мертвецы встают? Видели?

Джошуа кашлянул, когда Горяинов указал ему взглядом на дверь, хмыкнул и вышел.

– Думаете, я сошел с ума? – спросил Терпилин, когда за бойцом закрылась дверь. – Думаете, брежу? Да? Тогда, может, меня нужно эвакуировать? Вывезти отсюда в лабораторию, подвергнуть изучению… Вызовите эвакуатор!

– Вы не волнуйтесь, – негромко проговорил Горяинов. – Вы так нервничаете… Это бывает. С каждым может случиться. Вы не похожи на сумасшедшего, правда. Не похожи…

Администратор не был похож на сумасшедшего, тут Гор не соврал. Ильмар Генрихович был напуган. Растерян. Напряжен. И ему было холодно, несмотря на теплое пальто с меховым воротником.

– Я не сумасшедший… не сумасшедший… Но почему вы так на меня смотрите? Вы мне не верите? А… Вы думаете, что я сейчас вру ради эвакуации? Вру… Так в чем я вру? Где неправда? Уличите меня, Климентий как вас там по батюшке? – Терпилин сцепил пальцы рук и заложил их за голову, словно собирался сдаваться. – Не молчите, стрелок! Ну, где я вру?

«А где ты не врешь?» – чуть не спросил Горяинов, но сдержался.

В конце концов, какая разница? Он работает по сценарию. Войти, осмотреть, принять первые меры. Обеспечить основную фазу операции. Это главное, все остальное – на его усмотрение. Он вообще может просто всадить пулю между глаз собеседнику. Но не хочет. Сейчас он решил не дать единственному выжившему на станции устроить истерику. Очень хочется поболтать. С выжившими одиночками так интересно болтать. И поучительно, между прочим.

– О живых мертвецах, – сказал Горяинов и пожал плечами.

– Вам не говорили, что здесь… что в зоне аномалий мертвецы могут?.. – администратор недоверчиво усмехнулся. – Вы же не с улицы сюда попали… Вы же…

– О мертвецах мне, естественно, говорили. И пять дежурных теорий изложили по этому поводу – от энергетических полей, возникших и возникающих в результате Вспышки, до паранормальных явлений… – Горяинов говорил тихо и ровно, как с больным ребенком. – Но ваша станция расположена в пяти километрах от границы зоны. Пять километров – это очень много. Это с запасом. Аномалии на таком расстоянии не возникают и не перемещаются…

«Интонация, – напомнил себе Горяинов. – Без назойливости и назидательности. Немного лени в голос. Мы ведь говорим о вещах невозможных и несуществующих. Пять километров от зоны и все такое. Я произношу глупости, они раздражают и вызывают желание высказаться – уличить и поправить».

– Да? Значит, мы в полной безопасности? – спросил Терпилин, раскачиваясь в кресле. – Пять километров – это чертовски много, я понимаю. Я и сам принимал участие в составлении первого обобщенного отчета. Пять километров от границы, до пятисот метров от поверхности земли, с возможными пиками над высотными строениями… То есть тут все нормально… нормально… Почему вы не пользуетесь связью?

– Что? – не сразу понял вопрос Горяинов, администратор слишком резко сменил тему. – Вы о чем?

– Почему вы не пользуетесь радиосвязью? – повторил свой вопрос Терпилин. – У вас нет гарнитуры. И ваш шлем… Почему с него сняли забрало? На забрало ведь выводится вся информация, с центрального пульта, с ваших сенсоров… А ваш шлем – без экрана. Почему?

– Это имеет какое-то отношение к нашему разговору?

– Конечно. Непосредственное. Самое непосредственное… – Терпилин потер лицо ладонями. – Вы можете позвать кого-то из своих людей?

– Джошуа! – крикнул Горяинов.

Дверь распахнулась, и на пороге снова возник Джошуа.

– Вы не могли бы… э-э… Джошуа, сходить в лабораторный корпус? – Администратор полез во внутренний карман, достал пластиковую карточку и бросил ее через комнату, Джошуа поймал. – В лаборатории номер три… С выбитыми окнами, не ошибетесь… В лаборатории номер три, сразу за боксом, слева, в стене сейф. Это ключ плюс код: три, двенадцать, восемьдесят семь, четырнадцать… Запомните? На верхней полке такая коробка из черного пластика. Принесите ее, пожалуйста, сюда…

Джошуа молча посмотрел на Горяинова, тот кивнул.

– Там нет ничего хрупкого! – крикнул вдогонку Джошуа Терпилин. – Если уроните, ничего страшного. Можете вообще пинать ее ногами…

– Обязательно, – ответил из коридора Джошуа.

Горяинов молча смотрел на Ильмара Генриховича. С нескрываемым интересом.

– Могу поспорить… – пробормотал Терпилин. – На что угодно могу поспорить, что у вас на глазах нет наноэкранов. Нет? Я прав? И не было? Или у вас их сняли? Да что же вы не отвечаете? Вот у меня, например, их никогда не было. Я против гаджетов в живом человеческом теле. У меня даже «балалайки» нет, можете взглянуть… нет даже гнезда для разъема. Давайте, вначале я вам покажу свое, а потом…

– Я и в детстве не велся на такие предложения, – спокойно заявил Горяинов. Во всяком случае, он очень надеялся, что

произнес эти слова спокойно. Раньше у него «балалайка» была, а полгода назад – не стало. И глаза очистились тогда же. Потому, может, и жив до сих пор? Собственно, почему «может»? Интересно, что по этому поводу думает Терпилин.

– А у Абдуллы Махмутова и «балалайка» была, и наноэкраны на глазах… Он же ученый, он должен быть во всеоружии. Они все были учеными… Все до одного… Но первым попался Махмутов. Да… – Терпилин зябко потер ладони. – Мы обедали как раз… Прошло два месяца с начала нашей вахты. Ничего особенного. Да и что может быть особенного в пяти километрах от зоны аномалий? Мы гоняли беспилотники для съемок и сбора проб. Пару раз даже выезжали в зону. Рутина. Никаких изменений. Вы в курсе, что пробы земли и воздуха, взятые там… за Линией… в них нет ничего особенного? Абсолютно. Мы были к этому готовы, прогоняли пробы через тесты… химия, физика, биология… с биологией было чуть сложнее, но кто разберет – проклятые одноклеточные мутировали в момент Катастрофы или мутации продолжаются и сейчас? Биологи что-то говорили по этому поводу, Марта Замойская и Ринат Хидиатуллин… полагали, что процесс все-таки идет… Обещали, что скоро докажут… и доказали… Доказали…

Терпилин открыл ящик стола, выругался, открыл по очереди все остальные, со злостью захлопнул.

– У вас ничего нет с собой? – спросил администратор у Гора. – Ну, вы понимаете меня? Берут же некоторые с собой… флягу или ингалятор… У вас нет? Или у кого-то из ваших людей?

– Я уже говорил – нам запрещено…

– Да знаю я, знаю! – Терпилин помотал головой. – Проклятые нервы… Почти полную бутылку разбил… Почти полную последнюю бутылку…

– Вы говорили о Махмутове, – напомнил Горяинов.

– Врете, я говорил о Марте и Ринате. О том, каким образом они доказали… Но они уже потом доказали, через полтора месяца после того, как это случилось с Махмутовым. Первичный осмотр образцов, анализ оборудования, побывавшего за Линией. Он безвылазно сидел в лаборатории, прокачивал через свою «балалайку» потоки информации… А потом… мы обедали… все вместе, у нас была традиция – принимать пищу вместе, как большая патриархальная семья… Мы кушали… Тушеные овощи, луковый суп – Марта расстаралась, Эпштейн приготовил мясо, он отлично готовил мясо… Знаете, это не так просто – приготовить еду на семнадцать человек… Как раз Эпштейн внес блюдо… торжественно так… большое блюдо, потрясающий запах… – Терпилин втянул воздух через нос, словно и сейчас слышал тот

самый аромат. – И вдруг Махмутов встал из-за стола… Нет, не встал – вскочил, опрокинув стул. Мы все обернулись на грохот, а Абдулла пятился от стола, не сводя глаз с Копылова… И пальцем – дрожащим пальцем – указывал на него. Вы что, не видите?! Не видите? А мы ничего ТАКОГО не видели, только удивленное лицо Копылова и ужас Махмутова. Копылов встал… Абдулла закричал, чтобы он не приближался… Бросился к двери и выбежал из столовой. Мы переглянулись. На шутку это похоже не было. Совсем не было похоже… Копылов хотел выйти вслед за Абдуллой, но я сказал, что не нужно… Зачем? Если это шутка – сам вернется. Если что-то ему взбрело в голову… я тогда мог совершенно спокойно, без эмоций сказать это самое «взбрело в голову», представляете? Я предложил продолжить обед, Эпштейн сказал, что остывшее мясо можно будет просто выбросить, и стал раскладывать порции в тарелки… Я даже успел попробовать, действительно вкусно… потрясающе вкусно… и вдруг открылась дверь, и в столовую вошел Махмутов… Ну вот, сказала Марта, вернулся… Вернулся, сказал Абдулла, и выстрелил из пистолета. Пуля прошла между мной и Отто и ударила Копылова в лицо… Бах! Пробила лоб и выплеснула на стену красную жижу… Вы видели когда-нибудь, что делает девятимиллиметровый пистолет с короткой дистанции? А да, наверняка видели… Тело Копылова упало, красное стекает по пластику стены, в столовой пахнет порохом, кровью и жареным мясом… А Махмутов говорит… что же вы, идиоты, говорит… не видели, что ли? А мы молчим, я смотрю на кровь, мне мертвого тела не видно… Прикидывался, сказал Махмутов… Только от меня, говорит… от меня…

Терпилин закрыл глаза, облизал губы.

– Первым на него бросился Отто. Вцепился в руку с пистолетом, повалил на пол. Кандауров и Царев… у Махмутова оружие отобрали, руки скрутили чем-то… Подождите, чем же его связали? – Терпилин открыл глаза и посмотрел в лицо Горяинову. – Чем же?.. Чей-то пояс? Нет, не пояс… Нет… А, полотенцем связали. Точно – полотенцем. Кто-то в столовую прямо из душа пришел… Карина, точно…

Терпилин удовлетворенно улыбнулся. Он был искренне рад, что вспомнил, чем именно связали Махмутова и кто принес полотенце. «Странно, – подумал Горяинов. – Или все нормально? Человек может пытаться спрятаться за деталями от страшного воспоминания, раздробить свой тогдашний ужас на кучу безопасных осколков».

Открылась дверь, и в кабинет вошел Джошуа. Поставил черный пластиковый куб на стол перед Терпилиным.

– Пришел транспортник, – сказал Джошуа вполголоса. –

Началась погрузка.

– Да? – вскинулся Терпилин. – Это хорошо! Это очень хорошо! Вы же помните, что до лиловых сумерек осталось чуть больше часа? Вы им скажите, пусть поторопятся… Скажете?

– Скажу, – уверенно соврал Джошуа и вышел.

Лучше бы он, конечно, спросил разрешения у Горяинова, так получилось бы достовернее, но Терпилин, кажется, не заметил поспешности и самоуправства бойца.

– Значит, скоро уже… – Терпилин улыбнулся и погладил ладонью коробку. Осторожно, будто она была не из ударостойкого пластика, а из тончайшего стекла.

– Вы говорили о Махмутове… – напомнил Горяинов. – Что с ним произошло?

– А я не знаю! – воскликнул Терпилин. – И никто не знает! Мы попытались с ним говорить, но он твердил только, что мы – идиоты слепые, что мы не видели, кто был вместо Копылова… Сказал, что Копылова подменили эти твари…

– Какие твари? – быстро спросил Горяинов.

– А я не знаю. Эти. И еще эти твари орут прямо за дверью. Бьются в стену. Вы что, не видите, что они заполонили двор? Махмутов требовал, чтобы мы открыли огонь, чтобы срочно отремонтировали автоматическую систему огня – она не работает, пропустила нелюдь вовнутрь периметра… – Терпилин говорил все тише и тише.

– И что было во дворе?

– А ничего. Пустой двор. И никто не орал. И никто не пытался проломить стену… Мы заперли Махмутова на складе. У нас не было другого места, никто не предусмотрел изолятора на станции… Только биологические завесы: они могли, конечно, кое-как удержать вирус, но только не безумца. Мы заперли Абдуллу – я приказал. Сообщил по инстанции о происшествии и приказал связать и запереть Махмутова… Он кричал, бился, потом затих… Утром ему занесли завтрак, а он… он разбил себе голову о стену. Мы не говорили об этом вслух. Положили его в морозильник, я приказал проверить его «балалайку». И знаете что? Оказалось, что последнюю неделю перед смертью Абдулла жил очень странной жизнью… «Балалайка» получала искаженную информацию… Или сама искажала ее… Поэтому на его наноэкраны могли поступать какие угодно изображения. Любой из нас мог показаться ему чудовищем… Он слишком долго и слишком часто впускал в себя… – Терпилин замолчал.

– Что впускал?

– Это… – Терпилин махнул рукой. – Все это, что находится за Линией… Мы, кстати, тоже находимся за Линией…

– Вы мне уже это говорили и даже, кажется, собирались доказать…

– Конечно, мы же реалисты. Нам нужны доказательства. Мы ученые, мы постигаем действительность через наши ощущения, а там, где наши органы чувств пасуют, мы применяем технику. Наноэкраны выводят нам картинки прямо на глаза, через «балалайку» мы впускаем в мозг информационные потоки и сигналы… Мы фиксируем показания приборов, мы анализируем показания приборов, мы накапливаем и систематизируем показания приборов… А кто вам сказал, что эти показания верны? Что приборы не врут, что не гонят нам в мозг вместо информации хаос? Мы думаем, что подключаем приборы к себе, а ведь это мы подключаемся к приборам… Доверяем им самое главное – сбор информации для наших мозгов. Смешно получается – вначале мы запускаем наши сенсоры и датчики в окружающее нас дерьмо. Присасываемся к тому, что ворочается там, за Линией, в зоне аномалий, и думаем, что так и должно быть, что все получится… Мы, крохотные и слабые, пытаемся вместить в себя нечто громадное… неизмеримое… И что? – Терпилин посмотрел на Горяинова. – Что происходит?

– Вы и скажите.

– Я? Я и скажу… – Терпилин смотрел в глаза Гору, а руки его скользили по граням контейнера, гладили их, словно успокаивали. – Варианта два. Два – пневматический и электрический. С какого начать? Давайте с пневматического, он смешнее… Вот тут… тут, на станции, есть мы – очень реальные, весомые, ощутимые… А там, за Линией, есть нечто громадное… то, чего нельзя понять и уложить в рамки наших теорий и законов, то, перед чем пасует наша наука… но мы очень хотим прикоснуться к этому неизвестному, мы долбим дырочку в стене, чтобы хоть одним глазком… а дырочки у нас долбить получается лучше всего. За все время нашей цивилизации мы только и делали, что долбили дырки. В стенах, в земле, в людях, в мироздании… Вот и сейчас – продолбили. А там, за стеной, – пустота. Вакуум. И нас просто высасывает в эту дырку. Хлопок, хруст ломающихся костей, бездна вздохнула, проглотив очередного из нас, и дыра захлопнулась. Но мы снова начинаем ее долбить, нашего ума хватает лишь на то, чтобы изменить место расположения новой дыры… Правда смешно?

– Очень, – кивнул Горяинов.

Ему хотелось посмотреть на часы, но он не стал этого делать при Терпилине. Пусть говорит.

– Электрическая теория тоже забавная, – сказал Ильмар Генрихович. – Ее придумал Пауль Крозе. Незадолго перед тем,

как погиб…

– Не во дворе? – уточнил Горяинов.

– Нет, не во дворе, – подтвердил Терпилин. – Во дворе – не Пауль…

– Да-да, я помню… Так что же придумал покойный физик?

– Он сказал, что мы тянемся рукой к чему-то яркому, сулящему открытия и прогресс. Мы тянемся изо всех сил, а когда дотягиваемся, то оказывается, что у нашей цели слишком высокое напряжение. Мы просто не способны его выдержать, мы сгораем. Мы – проводники – сгораем. И это, наверное, спасает наш мир от гибели. Если бы разряд от Прекрасного Нечто достиг нашего мира, нашей Земли, то полыхнуло бы все. Гигантский фейерверк, по сравнению с которым Копье Катастрофы – не более чем свечка на именинном торте, – Терпилин похлопал ладонью по крышке контейнера. – Почему же мы до сих пор горим только в индивидуальном порядке? Почему разряд не проникает в остальной мир? А потому, что существует изоляция, ограничение по времени и расстоянию. Там, – Терпилин безошибочно указал в сторону зоны аномалий, – есть много странного и загадочного. Раньше я еще говорил – интересного, но сейчас… сейчас говорю – страшного и опасного. Там время может течь по-другому, гораздо быстрее, чем здесь. Там животные – птицы и всякая наземная мелочь – становятся чем-то невообразимым. Любая ерунда – камешек, ветка, комок земли могут стать артефактом, заряженным неизвестной энергией, наделенным непостижимой силой… Я бывал там, за Линией… Я видел, как человек превращается в ничто и, как воздух, уплотняясь, становится гигантским кристаллом. Мы вывозили оттуда в нашу лабораторию такие артефакты, тыкали в них пальцами, пытаясь понять хоть что-то… Нам так важно – понять, нам, в конце концов, за это платят деньги… Знаете, что мы выяснили, тычась в эти артефакты? Ничего, кроме того, что через час-два они теряют свои свойства. Земля снова становится землей, кристаллы растворяются в воздухе, мышь, демонстрировавшая умение ходить по воде, захлебывается и тонет. И что показательно – те, кто нас сюда прислал, шишки из «Науком», все это прекрасно знали. В инструкциях ясно сказано: любой артефакт, полученный из-за Линии, должен быть в течение часа отправлен в беспилотнике на базу. Мы даже не знаем, где эта база расположена. Просто совали контейнер в багажный отсек аппарата и отправляли. Один раз произошел сбой. Беспилотник отказался взлететь, наши техники завозились, прошло четыре часа… Все, сказал я, время вышло, можно выбрасывать то, что было артефактом. Мы вынули контейнер, открыли, а там…

– Готово, – сказал Дэн, заглянув в кабинет.

– Можно улетать? – Терпилин вскочил с кресла.

– У нас еще есть немного времени, вы так и не рассказали, что в контейнере.

– В том, что мы достали из беспилотника? Артефакт был артефактом, он словно не знал, что находится в пяти километрах от границы зоны, искрил себе потихоньку… Вы слышали о живой глине? – Терпилин хлопнул ладонью по контейнеру. – О той, что дает человеку возможность поиграть в бога?

– Да, – сказал Горяинов. – Человек может слепить любое существо из этой глины, и существо будет двигаться, будто живое…

– В границах аномальной зоны или в течение часа вне ее, – закончил Терпилин и снял с контейнера крышку. – Прошу!

– Глина, – сказал Дэн, заглянув в контейнер.

– Глина, – подтвердил Терпилин. – В детстве лепили зайчиков-собачек? Смелее, Климентий! Такой героический десантник… Что-нибудь изваяйте. Форма не важна, можете просто раскатать колбаску… Дерзайте!

Горяинов медленно поднялся. Повесил «дрель» на плечо.

– Перчатки снимите, – посоветовал Терпилин. – Можно, конечно, и в перчатках, но тогда придется долго мять глину в руках.

Горяинов снял перчатку, сунул ее за пояс. Протянул руку к глине. На вид – ничего особенного. Темно-коричневая, влажная. Мертвая. Комок размером с кулак прилеплен к стенке контейнера. Не ко дну, а именно к стенке.

– Сколько нужно взять? – хриплым голосом спросил Горяинов.

– Да сколько хотите. Можете щепотку, можете весь комок.

Горяинов осторожно прикоснулся к глине. Это мог быть просто розыгрыш. Трудно себе представить, что человек станет шутить в подобной ситуации, но чего только не бывает на свете.

Кусочек глины отделился легко. Горяинов подбросил его на ладони, оглянулся на Дэна. Тот неодобрительно поморщился. Не любил Дэн играться с непонятными предметами. У него и специализация такая была – разминирование.

Горяинов сжал кулак. Глина еле слышно чавкнула. Если сдавить сильнее – она полезет между пальцев. Рука раскрылась – на глине отпечатались линии ладони. Линия жизни – длинная. «Как была у того парня, в мобиле», – подумал Горяинов и бросил комок на стол.

Шлеп.

– Можно и так, – усмехнулся Терпилин. – В конце концов,

чего мы ждем? Мы же в пяти километрах от аномалий… Аномалии здесь не проявляются, а артефакты дольше часа не живут… Это иллюзия…

Комок глины с отпечатавшимся папиллярным узором Горяинова вдруг вздрогнул. Качнулся.

– Твою мать… – пробормотал Дэн тихо и зачем-то положил палец на спуск своей «дрели».

Край комка приподнялся, удлинился. Он медленно покачивался из стороны в сторону, словно пытался что-то разглядеть. Потом опустился на столешницу. На противоположном конце комка вздулся пузырь, медленно переместился вперед.

– Ползет, тварь… – сказал Дэн.

– Вот именно – ползет, – Терпилин поднял указательный палец. – Если бы ваш командир не поленился и дал бы голему хоть какие-нибудь конечности, то голем сейчас бы довольно живо бегал по столу. А так – только ползком.

Комок глины полз медленно, мучительно содрогаясь, то вытягиваясь в тонкую линию, то собираясь в почти идеальный шар.

– Но – нам некогда, – напомнил Терпилин, подцепил комок глины пластиковой папкой, выхватывая его из-под руки Горяинова, тот как раз собрался прикоснуться к артефакту. – Нам пора улетать.

Комок со звонким шлепком ударился о глину, лежащую в контейнере, прилип к ней, потом медленно растекся по ее поверхности и пропал.

– И что это значит, господа стрелки? – Терпилин закрыл контейнер и приложил свой палец к сенсору замка. – Не стесняйтесь, господа! Выдвигайте предположения.

Дэн молча вышел из кабинета.

– Правильно, – сказал Терпилин. – Вы совершенно правы. Это значит, что Линия… граница аномальной зоны, не там… – взмах на север, – а там, на юге. И, боюсь, не в пяти километрах. Вы сколько летели сюда?

– Пойдемте, – Горяинов натянул перчатку и отступил в сторону, освобождая администратору путь к двери.

– Да-да, конечно… Мои вещи уже, наверное, погрузили… – Терпилин подхватил контейнер со стола под мышку. – Нужно лететь.

Проходя мимо Горяинова, Ильмар Генрихович остановился и подмигнул ему.

– А вам, небось, и не сказали, что бросили в самое пекло? Нет? Ну ничего, у нас умеют лгать.

«Еще как, – подумал Горяинов, глядя в спину выходящего из кабинета администратора. – Еще как».

Терпилина он нагнал у выхода, Ильмар Генрихович требовал, чтобы его выпустили, а Зеленый уговаривал его зайти в медотсек.

– На минуту, – бубнил Зеленый. – Беглый осмотр – и полетим.

Зеленый никогда не умел вести переговоры.

Транспортник за его спиной во дворе висел метрах в десяти над крышами корпусов, багаж на внешней сетчатой подвеске болтался над самой землей. Все огневые точки транспортника работали в режиме поиска, две многостволки пристально глядели через стеклянную дверь во внутрь здания. Взвыл двигатель, и транспортник ушел вверх.

– Вы не смеете меня удерживать! – крикнул Терпилин. – Остановите вертолет!

Контейнеры на подвеске медленно проплыли над ангаром и исчезли.

– Сволочи! – крикнул Терпилин и ударил Зеленого в лицо.

Попытался ударить – Зеленый легко перехватил удар и плавно, чтобы не повредить, завел руку администратору за спину.

– В медпункт, – сказал Зеленый.

– А завтра улетим, – пообещал Горяинов, понимая, что это лишнее, что Терпилин не поверит ни единому его слову.

«Основной этап завершен, – мысленно проговорил Горяинов. – Обязательная программа выполнена. Переходим к произвольной».

– Я не пойду в медпункт! – выкрикнул Терпилин, пытаясь вырваться из объятий Зеленого.

– И не нужно, – сказал Горяинов.

– Но вы же… он сказал… – Терпилин перестал дергаться.

– Мало ли что он сказал. И мало ли что я говорил… Отпусти его, Зеленый. Отбери оружие и отпусти.

– Какое оружие? – вскрикнул администратор, но Зеленый уже вытащил у него из-под пальто «рудобой» и протянул его Гору.

– Тот, из которого вы убили Крозе? – спросил Горяинов, выщелкнул из «дыродела» магазин, передернул затвор. Патрон со щелчком ударился о пластик пола, закрутился, словно волчок.

– Значит, таскаем оружие на боевом взводе? – спросил Горяинов. – В меня собирались стрелять?

– Кто ты такой, чтобы в тебя стрелять? – процедил Терпилин, оправляя одежду. – Это не для тебя…

– А для кого? Последнюю неделю, похоже, вы единственный живой человек на этой станции… По призракам стрелять хотели? Так это бессмысленно…

– По… по каким призракам? – спросил растерянно Терпилин. – А, это фигура речи…

– Какая фигура речи? – спокойно улыбнулся Горяинов. – Самые настоящие. Ученые их как-то по-своему называют, а мы – призраками.

Терпилин посмотрел в глаза Горяинову, обвел взглядом лица стоящих вокруг бойцов группы.

– Так это не я сумасшедший, – сказал Терпилин. – Это вы все сошли с ума.

Джошуа засмеялся.

– Понимаете, Ильмар Генрихович…

– Не понимаю! – крикнул Терпилин и попятился к стене. – И не желаю понимать! Я хочу улететь отсюда. Почему вы меня не пропустили в вертолет? Я не хочу здесь оставаться. Не могу здесь оставаться…

– А контракт? – поинтересовался Дэн. – На сколько у вас контракт подписан? На год? А прошло сколько? Сколько вы на станции?

– Четыре месяца… – сказал Терпилин.

– Даже если вас на органы разобрать, то не хватит денег, чтобы оплатить неустойку, – усмехнулся Дэн. – Там же все прописано в контракте. Преждевременный разрыв одной из сторон – неустойка другой стороне в размере пятисот процентов, кажется? Вы, небось, когда прочитали, решили, что это для вас гарантия, что «Науком» не станет расторгать договор… А если даже расторгнет, то вы сможете неплохо устроиться в любом из анклавов. А тут такой облом…

– Даже так… Значит, мы про контракт заговорили… – Терпилин ощерился, будто хотел зубами вцепиться Дэну в глотку. – Значит, я не могу прервать контракт, даже если это угрожает моей жизни? Так?

– Успокойтесь, Ильмар Генрихович, – начал Горяинов, но Терпилин не дал ему закончить.

– Вы не поняли… Вы так ничего и не поняли… Я убил десять человек. Я убил десять человек своими руками. Понимаете? Вот этими, – Терпилин протянул вперед руки ладонями вверх. Растопыренные пальцы дрожали. – Вы обязаны меня арестовать. По всем правилам и инструкциям – вы обязаны меня арестовать и доставить на базу для расследования… Я требую, в конце концов…

– Сумерки наступили, – сообщил Зеленый, посмотрев сквозь дверь наружу.

Воздух за стеклом двери стал лиловым, словно кто-то промыл в стакане воды кисточку, испачканную акварелью. Легкий, но

отчетливый оттенок.

– Все, – прошептал Терпилин. – Они не вернутся… В сумерках даже беспилотники не летают…

– Они бы и не вернулись, – сказал Горяинов. – Будем устраиваться на ночлег. Нужно включить «молотки» по периметру. Разобрались, что к чему там?

– Леонид все восстановил. Сейчас на пульте ждет команды, – Дэн поправил ремень «дрели» на плече. – Что с этим делать будем?

– С этим? – переспросил Горяинов. – Ничего не будем. Он, в конце концов, хозяин станции…

– Может, пожрать организует хозяин? – спросил Джошуа.

– А ты сам займись, – приказал Горяинов. – Зеленый, передай Ленечке команду врубать периметр. Разрыв в ограждении – под контроль. Пусть сидит и пялится. Если что заметит – призрака, человека, голема…

– Неужели стрелять? – удивился Джошуа.

– С яростью и настойчивостью, – подтвердил Горяинов.

– Не может быть… – поцокал языком Джошуа.

– Разговоры прекратить, – Горяинов посмотрел на Зеленого, тот кивнул и ушел в сторону информационного центра.

– Ухожу, – сказал Джошуа. – Ужин через сорок минут. Если Дэн поможет…

– Дэн пройдется по станции и заблокирует слабые места. Выбитые окна, сорванные двери. Минируем, не стесняясь, но без фанатизма. Так?

– Само собой, – Дэн подхватил стоявшую возле стены упаковку зарядов. – Начинаем с входной двери. Прошу зрителей покинуть помещение.

– Вернемся в ваш кабинет? – спросил Горяинов администратора.

– Вы…

– Я, – подтвердил Горяинов. – Я должен ужаснуться тому, что вы убили десять человек? А наши любимые начальники должны по этому поводу вас вывезти отсюда? Чушь! Как-то вы плохо понимаете наше начальство…

– Я хочу отсюда улететь… – продолжал говорить Терпилин, глядя перед собой стеклянными глазами. – Я хочу улететь… Для меня это очень важно… Я убил десять человек для того, чтобы выжить и выбраться отсюда. И что – это все напрасно?

– Вы убили десять человек – это, наверняка, плохо. Я когда свою первую десятку оприходовал… – Горяинов задумался на мгновение, потом покачал головой. – Вру. Когда десятого убил, ничего не испытал. Все закончилось на третьем – все страдания и

сомнения. Первого не прочувствовал совсем, убил и прошел мимо, удивился слегка, что ничего такого в душе не шевельнулось… Может, потому, что убить пришлось совсем уж ублюдка. Курьер с грузом синдина, мы его перехватили, он стал стрелять зачем-то, вот и пришлось… А второго – да, второго я переживал сильно. Думал вообще уйти… сбежать… Но психологи поработали, да и выбирали меня не просто так – с особо хрупкой психикой в нашу структуру не брали. К десятому я успокоился… И вы мне тут не врите, что каждого из десяти убитых вот так уж сильно вспоминаете. Не нужно!

– Каждого! – крикнул Терпилин. – Это ты такой деревянный, а я… Я их постоянно вижу. Иду по станции, а из двери выходит Феликс Царев… Из своей комнаты. Выходит, улыбается… Его я не убивал, его я хоронил там, за Линией, но он все равно приходит ко мне… А вот Крозе и Сорокин…

– Не Крозе и не Сорокин? – уточнил Горяинов.

Дэн закончил возиться у входной двери и ушел в лабораторный корпус. Не оглядываясь. Дэн человек простой, он не стал бы вести такие вот душевные разговоры с выжившими. Рубанул бы всю правду и оставил переваривать. Потом глянул бы на результат и подвел черту – пусть живет дальше или всадил бы пулю. Дэн человек простой. И, возможно, он прав. Но Горяинов не может иначе. Человеку нужно помочь.

– Нет… – сказал Терпилин. – Или – да… Их я, если вдуматься, убил дважды. Каждого… Мы остались втроем. Я и эти… Они пытались делать вид, что все нормально. Они люди… Они – люди? Нет, люди остались там, за Линией. Оба они остались за линией, не могли оттуда вернуться, никак не могли… Понимаешь, Клим?

– Нет.

Терпилин оглянулся на окно. Сумерки снаружи становились плотнее, лиловый цвет – насыщеннее. Будто кто-то вливал в воду краску. Воздух окрашивался неравномерно, струйки краски не сразу растворялись, плавали капельками, размазывались рваными ошметками, висли в воде клочками лиловой кисеи…

Терпилин резко отвернулся от окна, передернув плечами.

– Мы можем вернуться в мой кабинет? – спросил администратор глухо.

– Не нравится цвет?

– Я хочу и вернусь к себе – с вами или без вас.

– Хорошо, – сказал Горяинов.

За окном вдруг полыхнуло, ярко-пурпурный сгусток проплыл по двору, вынырнув из-за ангара и скрывшись за лабораторным корпусом.

– Красиво, – сказал Горяинов. – Ярко. В районе вашей станции картинки яркие. В других местах около Линии не так красиво. Звуки – да. Звуки, скажем, у третьей станции куда интереснее. Когда начинает звенеть небо – заслушаешься… Но тут…

Снова полыхнуло – пурпурным и алым. Несколько вспышек – одна за другой. Перед самым окном возник громадный – метров десять в диаметре – шар.

– Оп-па! – воскликнул восхищенно Горяинов. – И каждый вечер у вас такое?

Терпилин не ответил. Терпилин ушел к себе в кабинет и захлопнул дверь, не дожидаясь Горяинова. Когда Гор вошел следом, в кабинете уже были включены все светильники и задернута штора. Ильмар Генрихович сидел в своем кресле, спрятав лицо в меховом воротнике пальто.

– Как вас… – покачал головой Горяинов.

– Смешно? – спросил Терпилин. – Тебе смешно? Что ты можешь понимать? Прилетел, навел порядок, обеспечил эвакуацию имущества и ждешь отправки домой? Там тебе выдадут премию, оплату внеурочных… До следующего раза будешь пиво жрать в баре? «Науком» умеет прикармливать дурачков.

– Но своем примере убедились?

– На своем! – с вызовом произнес Терпилин. – Я работал в Университете. Неплохое место. Я, конечно, не был ученым, я обеспечивал процесс, следил, чтобы ученые имели все необходимое, но не зарывались… Я не был верхолазом, мне не светила головокружительная карьера, но и скатиться в Болото мне тоже не грозило. Ты когда-нибудь бывал на Болоте?

Горяинов не ответил.

– И не важно. Важно то, что я был уверен… уверен, что так будет продолжаться долго… я был нужен. Я… Потом грянул День Оружия… Ты помнишь День Оружия? Люди убивали друг друга, жгли дома, громили все, до чего могли дотянуться… Из-за чего? Ты знаешь – из-за чего? Из-за синдина. Он вначале пропал, а потом вроде как нашли целую машину… Она случайно разбилась в аварии. И началось… Я выжил, но почему-то меня выперли из Университета. Знаешь, как это происходит? У тебя все сосредоточено там, ты живешь в Университете, все твои знакомые – из Университета, ты там кормишься, там себе находишь партнершу на пару ночей… И когда тебя оттуда вышвыривают – ты лишаешься всего. Да? Красиво? Куда мне идти? В Мутабор? В кантору к тупорожим дебилам? У меня были сбережения – их хватило как раз до Катастрофы. Так сложилось: закончились

деньги – и тут рвануло. Я смотрел репортаж об атаке на Станцию, видел, как толпы обезумевших людей ломились через ограждения, слышал репортаж об ударе флотов по Станции… А потом… Потом пришла вспышка. Пока Сеть не рухнула, я сидел и слушал о том, что творилось в мире. Десять миллионов погибло. Двадцать миллионов погибло. Сто миллионов погибло. Цунами, вулканы, землетрясения… Атомные электростанции взлетали на воздух, разрушая все вокруг и заражая воздух… Еще сто миллионов погибших… Потом информация перестала поступать, зато на улицу вышли люди, и День Оружия показался невинным детским пикником. Все рушится – чего тогда стесняться? В соседнюю квартиру вломились погромщики, я слышал, как насиловали двух девчонок, видел, как из окна выбросили их отца – с пятнадцатого этажа, он кричал до самой земли. Ко мне не пришли почему-то. Я сидел, забившись в угол, выставив перед собой два кухонных ножа… Вот так… – Терпилин протянул над столом сжатые в кулаки руки. – Я потом еле их разжал, судорогой свело. Пока на улицах наводили порядок, я чуть не сдох от голода. Когда стало тихо… почти тихо, выстрелы еще время от времени раздавались, но это уже была не перестрелка, это расстреливали тех, кто не успокоился… я выполз из дома. И отправился в Университет. А куда я еще мог отправиться? Там меня… там меня приняли… не на должность администратора, я стал чем-то вроде мальчика на побегушках. За еду, между прочим. За еду и кровать в спортивном зале, где кроме меня жили еще двести таких же неудачников. Снаружи, за стенами Университета, что-то наверняка происходило. Порядок навели, расчистили улицы, перестреляли мародеров и прижали канторы, но меня это не касалось. Меня там, снаружи, не ждали. Больше года я хлебал похлебку из биореактора. Трое моих соседей покончили с собой. Пятеро, кажется, сошли с ума, и их куда-то увели… А потом… потом мне предложили контракт с «Науком». Черт, да если бы в том контракте стояло пожизненное рабство – я бы и тогда подписал. Еще бы и руки целовал тому уроду, что сделал мне это предложение. Выбраться из спортивного зала, провонявшего потом, злостью и безысходностью. Уехать в один из наукомовских городков, принять участие… да какая разница, в чем принять участие… просто – выбраться отсюда… вдохнуть свежего воздуха…

– Вдохнули? – спросил Горяинов.

– Еще как! До головокружения! В «Науком» все серьезно и широко. Щедро и богато. Словно ничего и не случилось в мире. Я снова жил в отдельной комнате – крохотной, без окна, но в отдельной, мог закрыться и сделать вид, что все нормально, что

ничего страшного не случилось. Что я – Я! – уже выбрался на вершину Арарата из бездны Всемирного потопа. И как много нового я узнал в «Науком»! Там болтали, почти не стесняясь, – полная свобода слова. Мне объяснили, почему грянула Катастрофа. Зачем она грянула. Вы знаете, как все произошло? И зачем?

Горяинов молча пожал плечами.

– Все очень просто, – засмеялся Терпилин. – Оказывается, наш мир пребывал в тупике. Все – стагнация, вырождение, никаких перспектив… Человечеству грозило вымирание. И нашелся кто-то, кто взял на себя ответственность. Кто придумал, как выдернуть Землю из болота… Заставил всех работать на свою идею. Все, кто хотел его уничтожить, – на самом деле работали на него. «Синдин», «поплавки», «ломщики»… «Мутабор», Католическое Вуду, механисты, найкисты – все! Каждый хотел его остановить, но все вместе делали то, что хотел он. А он хотел найти выход в новые миры. Хотел предоставить человечеству новые возможности. И добился своего! Все услышали, как он этого добился. Нет, он, естественно, ничего такого ужасного не планировал. Ему только нужно было открыть врата. И вот – новые миры для всего человечества! Если бы не завистники, если бы не та ракета, что ударила в Станцию в самый неподходящий момент. С другой стороны… Что? Несколько сот миллионов погибших? Но это же ради блага всего человечества! Какая цена может быть слишком большой в таком случае? Да никакая! Мы должны чем-то жертвовать ради спасения человечества. Он, говорят, тоже пожертвовал. Это снимает с него вину? Наверное. Наверное… Не знаю только, он понимал, что ничего не бывает бесплатно? Даже для него. Он смог открыть новые миры, поиграл с другими измерениями, с немыслимыми структурами… Только и они с ним поиграли. Со всеми нами. В открывшийся проход не только смог пройти он и его люди в другие миры, сюда, на Землю, тоже смогло пройти…

– Что? Что смогло пройти?

– Не знаю… И никто, думаю, не понимает. Хаос? Нечто? Но образовались вот эти зоны аномалий. Их нужно изучать, правда? Нужно потыкать пальцем во все эти аномалии, погрызть артефакты, попытаться применить их к чему-нибудь. Перспективы цивилизации, основа прогресса. Новые возможности и технологии. И мне предложили… предложили новый контракт. На год. Не мне одному, как я понимаю. Но очень симпатичный контракт. В нем, правда, не указывалось, где именно будет мое новое место работы, но на словах… на словах – в пяти километрах от опасной зоны. В целых пяти километрах. Потом

уже я стал подозревать неладное, когда оказалось, что у нас нет прямой связи с базой, что я отправляю информацию по кабелю и через некоторое время получаю ответ. Или новый приказ. Инструкцию. Беспилотники для транспортировки артефактов, отчетов, материалов. – Терпилин раскачивался в кресле, словно в трансе, говорил-говорил-говорил… – Мы изучали хаос, а он изучал нас. Мы пытались уложить его в рамки наших научных представлений, а он… Он размазывал нас, рвал в клочья, перемешивал с безумием… И у него это получалось куда лучше, чем у нас. Куда лучше… Вначале это на себе проверил Махмутов. Я думаю, что Это… Ну то, что свело его с ума, оно не преследовало никакой цели. У него и нет никакой цели. Если вдуматься – так и Его нет. Просто Хаос изменяет наше восприятие мира. Не мир даже, а его восприятие… Эти лиловые сумерки – может быть, они были всегда, только мы их не замечали? Наши органы чувств просто не были приспособлены к восприятию этого явления. А в результате контакта мы стали их видеть? Или нет, не так… Не знаю… Мы ведь воспринимаем мир не объективно, только через свои рецепторы. Мы даже краски видим неправильно. Если бы наши глаза были чуть иначе устроены, наш слух – мир бы воспринимался нами совсем по-другому… Мы видели бы гораздо больше…

– Призраков, – подсказал Горяинов.

– Что? А… Вы об этом… Призраков… Думаете, я не проверял? Не пытался проверить? И не только я… Тогда еще были живы Кандауров и Маканга. Мы засекли этих призраков, попытались их зафиксировать. Съемки – ноль. Ничего нет в записях. Ни в электронных, ни на фотопленках. Пусто. Энергетика – без отклонений. Есть призрак – нет призрака, показатели не меняются. Мы призрака видим, а приборы нет. Врут приборы? Врут наши глаза? Как понять? Как сделать выбор – это наш бред или недостатки техники? На что опереться, как осознать – что реальность, а что иллюзия? Тем, у кого имелись «балалайки» и наноэкраны, было еще хуже. Они начинали слышать голоса. Что-то воздействовало на их мозг через «балалайки», на наноэкранах появлялись изображения несуществующего… невозможного. Отто вдруг начал видеть в инфракрасном режиме. Смотрел на человека и видел, как меняется у того температура на разных участках тела. Вначале все это происходило только со вставленной «балалайкой», а потом… потом оказалось, что даже пустое гнездо для «балалайки» обеспечивает прием этих сигналов… А может, просто уже перестроился мозг Отто. Мы так и не выяснили. Он попытался взорвать наш генератор, пришлось его… остановить… да, остановить…

Терпилин посмотрел на свои ладони, вытер их о пальто, снова посмотрел и снова вытер.

– Мы прекратили биологические исследования, когда Марта и Ринат… Марта молодец, когда у них все это проявилось, то ушла в биоотсек, под завесы. И Рината с собой увела, он уже не мог сам принимать решения, но приказы выполнял. Странно получилось, они вместе с Мартой утверждали, что биологическое воздействие аномалий существует. Пусть ни один из экспериментов не выявляет воздействующих факторов, анализы не показывают ничего нового – все в норме, все безопасно и привычно. Марта и Ринат доказывали, что главная причина возникновения аномалий – биологическая. И доказали… Да, доказали… Или… В общем, через три дня после того, как это у них началось, тел, в принципе, уже не было – были какие-то сгустки, переплетения нитей, багровые комки и зеленоватая слизь. И все это продолжало жить, пульсировало, подергивалось, словно от электрических разрядов, потребляло воздух – анализаторы указывали, что с точки зрения состава это будто два человека вдыхают и выдыхают воздух, два обычных человека… Я приказал кремировать… База мой приказ подтвердила, даже не просила выслать образцы. Разве не странно? Такое открытие и просто сжечь. Тебя это не удивляет?

– Нет.

– И ладно. Что ты можешь понимать? Да и мы, если честно, уже переставали удивляться. Боялись – да, но удивляться… И как раз на следующий день после кремации Эпштейн, Маренко и Силин отправились туда, за Линию… Уже в биокостюмах, как космонавты. Пять часов за Линией. Когда стали возвращаться, их мобиль занесло… или не справились с управлением, в общем, ударились, перевернулись, Маренко получил ранение, и Эпштейн с Силиным потащили его на руках. Они так сообщили по радио. Мы их ждали, Карина хотела ехать навстречу, но я запретил. Идти им было недалеко, Маренко только сломал ногу. И порвал костюм, понимаешь? Это потом мы перестали обращать внимание на биологическую угрозу, а сразу после кремации того, что осталось от наших биологов… Я потребовал, чтобы они остановились и поставили палатку для Маренко. Мы бы провели исследование, подумал я тогда, и если бы нашли заразу… Сейчас я понимаю, что ничего бы мы не обнаружили, раз уж даже Марта и Ринат… Я приказал остановиться, но они не выполнили приказ. Я повторил, но они шли и шли. Оставалось всего метров пятьсот, когда я задействовал пулеметы на вышках. Вначале – предупредительная очередь. По инструкции – пять пуль в десяти метрах перед целью. Они не остановились. Я орал в микрофон. Я

орал во внешние динамики – они продолжали идти, переговариваясь друг с другом. Они словно не слышали меня и не видели фонтанов земли, поднятых пулями прямо перед ними. Силин успокаивал Маренко, Эпштейн говорил о том, что вот сейчас они придут на станцию, примут душ… Пулеметы дали еще очередь – в четыре ствола, фонтаны взметнулись выше голов, а они продолжали идти… Маренко что-то начал напевать. Детскую песенку какую-то. Что я должен был подумать? Что это шутка их «балалаек»? Что они и в самом деле не видят ничего опасного и не слышат моих приказов? Мы все стояли перед пультом молча, даже Карина – сердобольная Карина – перестала уговаривать меня впустить их на станцию. Я сам – сам – дал приказ пулемету с северной вышки перейти на поражение. Установил маркер на Силина – он был справа. Одиночным. Царев торопливо убрал увеличение картинки, остались только три небольших силуэта на пределе видимости. Выстрел – одна фигурка исчезла. А две других – продолжили движение. Как будто ничего не случилось. Как будто не отшвырнула одного из них смерть ударом в грудь. И даже Маренко, которого только что почти несли, дальше двигался свободно, ступая на сломанную ногу. Что бы ты сделал на моем месте? Да любой бы на моем месте принял такое же решение. Ударили все четыре ствола с вышек. Люди упали. У Маренко пулей оторвало руку, Эпштейна почти перервало пополам. Они упали, Карина заскулила, прикусив губу. Мы ведь могли ошибаться. Мы к тому моменту уже понимали, что на самом деле то, что нам показывают приборы, и то, что происходит на самом деле, – необязательно одно и то же… А вдруг наше оборудование сошло с ума? Вдруг на самом деле все трое замерли после моей команды, а мы этого не увидели? Что тогда? Мы убили своих товарищей? Просто убили, потому что так решили вышедшие из подчинения сканеры и камеры? Мы стояли в ужасе, глядя на экран. Целых пять минут никто не сказал ни слова, а потом… Потом встал Силин. Встал и пошел к станции. Встали Маренко и Эпштейн. И тоже пошли к станции. Карина вскрикнула, Царев увеличил изображение на экране. Они не могли идти. С такими ранениями – не могли. Они были мертвы, но шли… Я снова открыл огонь. И они снова упали. Пули рвали их в клочья, швырнули на землю… Но через пять минут – я опять засек время – они поднялись… попытались подняться… стали ползти… Я стрелял еще дважды, пока они не потеряли способность двигаться. Там просто нечему было двигаться. Все живые молча разошлись по своим местам, не знаю, что они думали, о чем думал каждый из них, но мне в голову пришел один вопрос. Простой-простой вопрос. А если бы они добрались до станции?

Если бы мы впустили за периметр эту троицу?

Терпилин взял со стола карандаш и одним движением сломал его, посмотрел на обломки в своих руках и вздохнул.

– Мы неделю не выходили за периметр. Потом база потребовала проверить выставленные беспилотником датчики. В десяти километрах за Линией. Моего мнения не спрашивали, просто приказали, а я тогда все еще не мог не подчиниться Базе. Я никому не мог приказать, собрался ехать в одиночку, но в последний момент со мной вызвался Феликс Царев. Мы поехали, договорились о процедуре проверки с оставшимися на станции. И поехали. В общем, все прошло нормально. По дороге туда. Беспилотник с Базы положил контейнер прямо посреди поселка… Ты знаешь, что там есть поселок? Вон там… – Терпилин указал пальцем на стену. – Мы думали, что он пустой, а он… Там были люди. Не трупы, не ожившая глина, а самые обычные люди. Когда мы въехали в поселок, они спрятались, а когда мы добрались до контейнера, вдруг оказалось, что мобиль окружен. Человек сто – мужчины, женщины, дети, старики. Одежда поношена, они два года не получали ничего нового, но выглядели обитатели поселка вполне по-человечески. Феликс пошел к ним. Он так и не снял биокостюма, наверное, поэтому его и убили. Какой-то мужчина шагнул навстречу Цареву и проломил ему голову молотком. Толпа двинулась к мобилю. А я… я не стал стрелять, хоть мог их всех уничтожить там, на месте. Я рванул мобиль задним ходом, развернулся, кажется, кого-то задев, вылетел из поселка и… Остановился в нескольких километрах от поселка. Меня тошнило, а в скафандре, как ты понимаешь, это неудобно… Я выбрался из мобиля… Да черт с ней, с безопасностью, подумал я… Если была зараза, то она была и на станции, чего бояться? Я стащил костюм, упал на колени… меня вывернуло, перед глазами полыхнуло, боль взорвалась в голове с такой силой, что я даже потерял сознание… Потом очнулся, вернулся за руль, добрался до станции, три часа простоял перед ограждением, отвечая на вопросы, тыкая в себя анализатором и ожидая, что у кого-то не выдержат нервы, и я получу пулю прямо здесь… Меня впустили, я рассказал о Цареве, камера, писавшая все во время поездки, подтвердила. Вышли из строя часы. Все – встроенные, контрольные, во всех гаджетах, но так бывает…

– Бывает, – подтвердил Горяинов.

Он сам с таким сталкивался неоднократно. И возле того поселка время ведет себя странно. Не часы – именно время.

– И сколько ты потерял? – спросил Горяинов.

– Что?

– Сколько минут ты потерял там, у поселка?

– Не знаю. Всего прошло с момента выезда до моего возвращения почти десять часов. Возможно, я пролежал без сознания какое-то время, но мне показалось, что недолго… Не знаю. Но тогда… тогда я решил, что рисковать нельзя. Понимаешь? Нельзя рисковать. И я придумал распоряжение Базы – перед выходом за Линию принимать комплекс препаратов номер восемь.

– Тонизаторы, стимуляторы… – сказал Горяинов.

– Да, в таких ярких двуцветных капсулах. Программируемых на время рассасывания. От пятнадцати минут до шести часов. – Терпилин потер ладони и снова спрятал руки в рукава. – Первая половина комплекса принимается перед выходом, вторая – по возвращении. Все просто. Следующими в зону отправились Крозе и Марат Сорокин. Должны были вернуться через два часа, но задержались, приехали через пять. Сказали, что наткнулись на какую-то тварь, которая летала против всех законов физики и пыталась добраться до них, сквозь обшивку мобиля. Такая некрупная, размером с собаку, какого-нибудь бассет-хаунда. Возможно, раньше оно и было собакой, но сейчас – нечто уродливое и, если верить записям, летающее при помощи лоскутов плоти не больше носового платка размером, которыми эта тварь живенько так размахивала, как будто крыльями. Ну не могла она удержаться в воздухе таким образом, понимаешь? Вот Крозе и Сорокин пытались ее или изловить, или подстрелить, увлеклись, потратили кучу времени, но так ничего, кроме записей, не привезли…

Терпилин снова посмотрел на свои ладони и снова вытер их о пальто.

– Видеозапись работала все время? – Горяинов поторопился с вопросом, администратор явно собирался снова сказать что-то вроде «своими руками».

– Да не может она все время работать. Постоянно идут помехи, – поморщился Терпилин. – То «снег» на экране, то помехи полосами, то полностью заливает молоком… От пятнадцати секунд до полутора часов есть лакуны.

– Понятно, – кивнул Горяинов. – И вы решили, что там их кто-то подменил? Почему решили? Ведь наверняка подвергли их проверке. Как вас самого проверяли – анализы, тесты, вопросы… Почему решили, что это не Крозе и не Сорокин?

– Нет, конечно… они прошли все наши наскоро придуманные тесты. Ничего подозрительного. Если бы не комплекс препаратов номер восемь.

– В смысле?

– Капсулы им выдавал я. И я настраивал капсулы по времени

рассасывания. Я выставил четыре часа, с двукратным запасом по времени. Они приехали через пять часов. И еще два часа проходили тесты. А я эти два часа мучился сомнениями – сразу их расстрелять или все-таки возможна ошибка? Понимаешь, в капсуле не было тонизаторов и регуляторов, там был яд. Сильный и быстродействующий, из набора наших биологов. Через четыре часа оба – и Крозе, и Сорокин должны были умереть. Если бы они вернулись вовремя, я бы вручил каждому противоядие. Яд должен был убить их три часа назад, но они были живы. Вернулись живыми и, что самое главное, прошли тесты. И все остальное время вели себя совершенно естественно, что не было естественным, согласись… Если бы они не вернулись – мне было бы плохо, я бы мучился, наверное, переживал, но они приехали. Полагаешь, там произошло чудо и капсулы исчезли вместе с ядом? Я в это уже поверить не мог… Но у меня не хватило силы воли приказать их убить. Или самому нажать на спуск. Меня тошнило от одной мысли об убийстве. А потом… Потом мы работали, выполняли распоряжения Базы, тянули рутинную лямку. Даже удивляться перестали чему бы то ни было: вот той самой глине, световым шарам, хрустальному дождю и поющему звездопаду. Здесь может происходить все, что угодно, с этим просто нужно свыкнуться и бесстрастно фиксировать – веришь ты в это или нет. Можно было сравнивать показания приборов и свои личные впечатления… наши ученые – те, кто еще был жив, – привыкли уточнять у меня. Как ты это видишь, Ильмар? Это ведь камень? Не дерево? У меня-то ведь точно не могло случиться наведенных через разъемы «балалаек» галлюцинаций… Мы работали и умирали потихоньку. И убивали тоже. Кто-то сходил с ума, бросался на коллег, но у меня с собой всегда был пистолет. И я стрелял, не задумываясь. Можете посмотреть на следы от пуль на стенах. В столовой я убил Макангу за то, что он начал общаться с лоа. Он оказался членом Католического Вуду, никогда не отличался особым рвением, а тут, на станции, вдруг смог не просто общаться с лоа, а даже управлять ими… В шутку поначалу, все смеялись… нервно, но смеялись, когда лоа приносил ему тарелку… или полотенце плыло по воздуху, извиваясь, как мурена. Но через пару дней Маканга вдруг попытался натравить лоа на Венцеслава. Поссорились, повздорили, Маканга вдруг запел что-то дурным голосом, потянулся скрюченными пальцами к Венцеславу, не дотронулся, сжал воздух в трех метрах от горла. Венцеслав захрипел, забился, но не упал, словно кто-то невидимый его удерживал вертикально. Я выстрелил Маканге в голову… Сара Кэдиган покончила с собой, перерезала вены, Кандауров и Ван Донг не смогли пройти тест по возвращении,

несли какую-то чушь, отвечая на вопросы… даже вроде и не слыша вопросов… пришлось задействовать пулеметы… «молотки» вообще оказались самой надежной частью нашего оборудования. Мы остались на станции втроем – я, Крозе и Сорокин. Друг с другом они общались, а меня… нет, не избегали, может, лишь слегка сторонились. Десять дней назад пришло распоряжение Базы снова отправиться в глубь зоны аномалий, забрать приборы. Базе было наплевать на то, что мы тут уже почти все вымерли. И даже на то, что я им сообщил о подмене… о фокусе с капсулами – Базе было наплевать. Им нужно было забрать приборы. Крозе сказал, что плохо себя чувствует. Получалось, что ехать нужно мне с подменышем… Я не мог… Я не собирался… Я… Они что-то поняли. И побежали. С ходу, без подготовки. Сорокин бросился к мобилю, а Крозе задержался, он пытался меня уговорить не делать глупостей. Размахивал «дрелью» и кричал, что я сошел с ума, что он не позволит мне, что нужно всем выбираться отсюда, садиться в мобиль и ехать, наплевав на контракты и наказания… Я сказал, что они могут уезжать… Давайте, сказал я Крозе. Ваше дело. Он не поверил, но что ему оставалось? Из ангара его звал Сорокин. Нужно было пробежать всего пятьдесят метров до ангара, был шанс, что я не попаду…

– А ты попал…

– А я попал. Сам не ожидал, но попал.

– Три из трех, – сказал Горяинов.

– Да. А потом – по ангару. Уже сгоряча, понимаю, но не смог удержаться. Мобиль выскочил, прорвал ограждение – и вдруг с вышки ударили «молотки». Я их не включал. Даже не подумал об этом, тем более что они и не могли стрелять по нашему транспорту и по целям внутри периметра. А тут… Словно и не было на мобиле определителя «свой-чужой». Знаешь, что я понял? Я понял, что База не хочет никого выпускать наружу. Я понял, что есть в программе нашей системы защиты элементы, которые включаются независимо от нашего желания. И я даже не пытался выбраться со станции. Сидел в здании, посылал просьбы об эвакуации одну за другой, рискнул только выбраться наружу, чтобы отправить беспилотники…

– И ты понимал, что если тебя и повезут отсюда, то только куда-то в такое же изолированное место, – без вопроса, утвердительно произнес Горяинов. – Понимал?

– Да, конечно.

– И ты приготовил пистолет для экипажа вертолета?

– Для пилота. Экипаж мне был не нужен. Нет, не нужен. Я приготовил пистолет и комбинезон из кевлайкры. Шансов, что меня отсюда вывезут в непораженные места, не было совсем, но

вероятность, что вертолет все-таки меня возьмет на борт для перевозки в какую-нибудь лабораторию – была. Я ведь вывел из строя все медицинское оборудование на станции. Здесь, на месте, меня изучать было невозможно. И привезти сюда весь комплекс оборудования было бы очень трудно. Проще отвезти меня к оборудованию. Вот тогда я пристрелил бы пару-тройку людей – а что, мне не привыкать – и заставил бы пилота лететь…

– К свободе, – закончил за администратора Горяинов.

– Да, к свободе, – с вызовом произнес Терпилин. – Я что, не имею права выбраться отсюда?

– Отсюда никто не имеет права выбраться, – спокойно произнес Горяинов. – И ты это прекрасно знаешь. Ни ты, никто другой из лабораторий по периметру. Ты разве не понял, что лаборатории – это ведь…

– Я понял, это как раз я понял. В лабораториях не мы изучали зону аномалий, это нас изучали ученые с чистой, незараженной стороны. Смотрели, как мы себя поведем… как будем превращаться в аномалии, как Нечто с той стороны будет нас переваривать… во что мы превратимся… Да, я понимаю, что они не планировали Катастрофу, хотели только приоткрыть врата, чтобы глянуть – а чего там, за ними? И если бы ракета не ударила, может, не было бы такого взрыва, не было бы землетрясений, вулканов и цунами… Та штука, из-за врат, пришла бы на Землю тихо, без вспышки и светошумовых эффектов. И что – не возникли бы эти аномалии? Не появились бы эти аномальные зоны? Что-то мне подсказывает, что все было бы точно так же. И точно так же людей гнали бы к этим аномалиям. А чего церемониться – если ради спасения человечества от стагнации и застоя уже погибли миллионы людей, то ради изучения аномалий вполне можно «переработать» еще несколько сотен неудачников. Но я не хочу просто быть подопытной крысой. Я хочу…

Горяинов смотрел на Терпилина с еле заметной улыбкой – печальной улыбкой.

– Что? – растерянно спросил Терпилин.

– Себе-то ты не ври, – сказал Горяинов. – Куда бы ты ни полетел на вертолете, там, на чистой земле, тебе места не было. И не на свободу ты рвался, Ильмар Генрихович. Ты ведь не просто так копался в себе, рассказывал мне о том, что у вас тут происходило, вытаскивая подробности, мелкие и мельчайшие. Ты не меня пытался убедить, ты себя убедить пытался…

– В чем именно?

– В том, что ты – человек.

– Я человек! – выкрикнул Терпилин. – Я – человек!

– Сколько времени ты потерял там, после поездки в поселок? – тихо, очень тихо спросил Горяинов.

– Меня не могли подменить! – Терпилин ударил кулаком по столу. – Я человек-человек-человек-человек… Я помню все, что со мной было. До мелочей. И помню, что происходило со мной здесь. У меня не было «балалайки», ничто не могло пролезть ко мне в голову. Ничто, понял? Ты понял?

– Ты прошел все тесты, когда вернулся, – сказал Горяинов. – И никто не обнаружил никаких отклонений?

– Да.

– Как было и у Крозе? Он ведь тоже был уверен, что является человеком…

– Он врал. Он – врал!

– А ты знаешь наверняка.

– Да.

– Но ты же только что говорил, что если врут ощущения, то ты не можешь знать истины. Они могу врать не только о том, что снаружи тебя, но и о том, что внутри… Не так?

Терпилин помотал головой и не ответил.

– Так, Ильмар Генрихович, так, а не иначе. И тебя интересовало только одно – добраться до настоящей границы аномальной зоны. Там, где артефакты и на самом деле перестают быть артефактами, превращаются в глину, камни, воздух… животных… Ты хотел понять – человек ты или нет. Ведь так?

Терпилин снова молча помотал головой.

– Ну, мне ты можешь врать, но себе-то… – Горяинов снова печально усмехнулся и встал с кресла.

– Тебе не понять меня! – пробормотал Терпилин.

– Разве? Я тебя прекрасно понимаю. Меня тоже мучил этот вопрос. Каждого из моей группы. Даже Джошуа, хотя он очень не любит сложные размышления.

– Что?

– Зеленый – последний уцелевший на станции наблюдения номер три. Леонид и Джошуа из экипажа эвакуатора, которому не повезло на седьмой станции. Я и Дэн вместе с группой были выброшены в район болот, чтобы вывезти упавший беспилотник… Обеспечить эвакуацию.

– Давно? – спросил Терпилин.

– Зеленый – три месяца. Джошуа и Леонид – четыре. Мы с Дэном попали сюда полгода назад.

– И все эти полгода…

– И все эти полгода, – подтвердил Горяинов. – Мне повезло… и ребятам повезло, в общем. На одной из станций был неплохой техник, извлек разъемы из наших голов… снял наноэкраны…

– Вы все… Вас тоже…

– Не знаю, – сказал Горяинов. – Честно – не знаю. И не пытался выяснить. Когда оказалось, что мне не светит возвращение, я договорился с Базой. Я выполняю для них работу здесь, они обеспечивают меня и группу… Мы прибываем на такие вот станции, как эта, обеспечиваем эвакуацию оборудования и записей, не тех, что в открытых архивах, а тех, что были сделаны скрытыми следящими устройствами. Если бы мы только дернулись к эвакуатору, он бы нас всех перемолол в пыль и брызги. Понятно? А так… База не расходует напрасно людей, а кроме того, имеет здесь средство воздействия на станции…

– Только эвакуация?

– Почему? И чистка тоже. Две станции пришлось зачищать полностью. Уничтожить с воздуха нельзя, были бы потеряны данные. Пришлось вручную… Ты, кстати, напрасно избегаешь прикасаться руками к глине. У меня получилось, у тебя, возможно, тоже получилось бы… Это не показатель настоящести, понимаешь? Если врут приборы, если обманывают чувства, то что остается?

– Что?

– Я мыслю, значит, существую, так, кажется? Я помню свою жизнь, я вижу, слышу, дышу – значит, я жив. Значит, я настоящий. И я не хочу выяснять, не слеплен ли я из какого-то дерьма и не являюсь ли порождением Хаоса, других измерений, Великого Ничто… Я жив. Я могу жить и дальше. Я – живу. Как те люди в поселке, как тысячи других, оказавшихся под ударом или бросившихся сюда в поисках артефактов. Я – живу. И могу дать шанс тебе. В принципе, я мог бы убить тебя сразу. Ты не входил в список приоритетов. Тем более что было понятно – ты хочешь схитрить. Я даю тебе возможность остаться в живых…

– Как благородно и щедро…

– Как получилось. А ты… ты можешь выбирать. Можешь попытаться уйти отсюда пешком. Если даже пулеметы на вышках не проснутся, далеко ты не уйдешь. Призраки, голоса, твари – ты еще не умеешь их определять, не знаешь, чего от них ожидать… Но попробовать – можешь.

– Это первый вариант. Еще?

– Еще – можешь выстрелить себе в голову, – Горяинов положил на стол перед Терпилиным его «дыродел». – В меня не нужно, я успею выстрелить первым, а в себя – пожалуйста.

Терпилин протянул руку к пистолету, почти коснулся рукояти кончиками пальцев, но потом руку убрал, спрятал в рукав.

– И третий вариант…

– Какой?

Горяинов посмотрел на часы:

– Джошуа, наверное, уже приготовил ужин.

– И что?

– Мы можем пойти поесть, потом переночевать, а утром – уйдем. Знаешь, при всем кошмаре, который творится за Линией, здесь есть потрясающие места. Красоты совершенно неземной, извини за банальность. Может, мы получили второй шанс для того, чтобы увидеть все это. Может, то, что прорвалось сюда с той стороны, хочет, чтобы мы его увидели и поняли? Хочет изучить себя через наши чувства?

– Чушь, – проронил Терпилин.

– Может быть, – не стал спорить Горяинов. – Тебе решать. Завтра утром, после того как мы уйдем, прилетят вертолеты, разберутся с расстрелянным мобилем, застрявшим в овраге, потом прилетят транспортники и высадят сюда новый состав экспедиции…

– Подопытных мышей, – сказал Терпилин.

– Подопытных мышей, – снова согласился Горяинов. – Но тебя здесь не будет в любом случае. Мы не сможем тебя здесь оставить, у нас такой договор с «Науком».

– Сволочи!

– Не знаю. Может, это нормальная цена для контакта с новым и неизвестным? А может, через пару-тройку лет ребята из «Науком» поймут, что ничего они не понимают во всем этом, осознают опасность, которая грозит отсюда всему миру… или придумают эту опасность. Вот тогда начнется уничтожение всего: людей, призраков, артефактов, деревьев, камней – всего. И кто-то должен будет попытаться этому помешать. Нет? А вдруг это шанс, твой шанс выяснить: что же произошло на самом деле с тобой, с нами, со всем миром. Случайно все это рвануло или действительно вышла накладка и роковое совпадение… И если ты поймешь, что есть виноватые, если узнаешь, кто именно за всем этим стоит, – у тебя появится шанс расплатиться с ними. Вдруг появится? Как бы высоко они ни находились. А вдруг ты найдешь здесь что-то, что придаст твоей жизни смысл? Не там, на незараженной земле, а здесь, в зоне аномалий, начнется новая цивилизация? Вдруг шанс для человечества здесь, а не в новых мирах… Представляешь? Ладно, – сказал Горяинов. – В общем, я пошел ужинать. Ты – как хочешь.

– Он не придет, – сказал голос слева, когда Горяинов вышел из кабинета.

– Он придет, – сказал голос справа. – Он хочет жить.

– Может, его привести? – спросил первый голос. – Я смогу.

– Не нужно, – сказал Горяинов. – Он сам решит. Это его право.

Андрей Фролов
Воля Соруса Бинга

Матерый тетерев шумно забил темно-фиолетовыми крыльями, вспархивая на макушку разлапистой ели, и Артем мгновенно проснулся. Облизнул обветренные губы, повел затекшим плечом. Спрятал выхваченный пистолет обратно в поясную кобуру. И только после этого взглянул на часы в углу глазного экрана.

Наступившее утро радовало ярким бескорыстным солнцем и полным отсутствием облаков. Над безымянной речушкой стелилась туманная перина. Роса, густо покрывавшая кустарники и замшелые валуны, сверкала россыпями стеклянных бусин. Дышалось легко, влажно, привольно. Угрюмый дождик, ливший вторую половину прошлого дня, по-английски ушел среди ночи, прихватив с собой редкие следы, оставленные путником в болотистой низине.

Выбравшись из спального чехла, Кузнецов проворно скатал тончайшую серебристую ткань и спрятал ее в рюкзак. Глотнул из фляги, забросил в рот очередную порцию энергетической жвачки. Еще раз осмотрел в бинокль вытянутую ложбину, пересеченную минувшим вечером. Сверился с намеченным маршрутом. И принял решение покинуть труднопроходимые лесные массивы и окончательно отдалиться от реки – в продуваемые ветрами лесостепи, к плавным волнам каменистых сопок, зеленым ото мха и почти лишенным растительности.

Китайцы отстали, причем основательно. Не на жалкие час-другой, а на сутки, может, двое. С их-то экипировкой рано или поздно поднебесники наверняка вернутся на след. Но Артем не оставлял самоуверенной надежды, что, если погоня вымотает узкоглазых напарников, отсутствие цели заставит ищеек вернуться в Тобольск.

Высланные за Кузнецовым люди, бесспорно, являлись профессионалами. Возможно, даже обладали какими-либо «сверхумениями», так же, как вышестоящие коллеги самого Артема – если, конечно, принимать подобное хвастовство на веру. Но с ним, специалистом, полагающимся не на волшебство, а на честную настойчивость и смекалку, преследователи сравниться не могли. Ни в марш-броске по тайге, ни в искусстве вычислять месторасположение искомых объектов: открывательствовать на ощупь, причем по самым мизерным обрывкам информации.

Артем любил сбивать спесь с таких, как парочка азиатов на

его хвосте. Пусть помаются, экстрасенсы горемычные, по болотам и каменистым пустошам, да без помощи «балалаек», в этой глухомани функционирующих хуже отвратительного. Потом сами попросятся на кабинетную работу, расшифровывать старинные пергаменты и смахивать с экспонатов пыль…

Все это Кузнецов обдумывал уже на ходу.

Шагал широко, уверенно, окончательно отринув сон и преисполнившись энергии. Курс держал на запад-северо-запад. Через час после побудки обогнул блестящую кляксу озера, обрамленного холмами. Еще через три часа – очередное озеро, чуть больших размеров и более заболоченное. В момент, когда «балалайка» окончательно потеряла и без того слабый сигнал сети, вернулся на полкилометра. Обновил запись в дневнике, предупредив руководство, что на какое-то время уходит в автономный режим фиксации и новый рапорт сбросит при первой же возможности.

Дикий край, раскинувшийся вокруг, был чист, свеж и необычайно прозрачен – протяни руку, и до хрустального неба дотянешься. Настроение Артема оставалось прекрасным. А еще росло предчувствие: совсем скоро он найдет искомое. Обязательно найдет. Оттого поступь странника делалась все поспешнее, и, упиваясь погодой четвертого августа от сотворения Нового Мира, он едва не начал насвистывать легкомысленный мотив…

Поселение дало знать о себе ближе к обеду. Взметнуло в чистое голубое небо серые столбики дымов, а затем и вовсе открылось взору – едва Артем взобрался на скалистый гребень. Поостерегшись маячить на лысом хребте, Кузнецов присел за одинокой сосенкой, вынимая из нарукавного кармана крохотный бинокль. Психоприводом подключил устройство к «балалайке», начав запись и анализируя открывшуюся картину. Не соврал, видать, его новый информатор из «Удачливого искателя»…

Деревня, залегшая в долине среди покатых холмов, была весьма необычной. Ни тебе легких модульных домишек, завозимых в тайгу вертолетами и дирижаблями, ни архаичных срубов, отстроенных еще во времена казачьей колонизации. Возведенный из бревен и контейнеров, в которых новорожденные пограничные форты и их городки-сателлиты пару-тройку лет назад получали материалы, провизию и медикаменты, поселок показался Артему памятником человеческой живучести, способной проявить себя в любой точке планеты.

Длинные рифленые вагоны, еще носящие следы облезающей краски и полустертые логотипы, были составлены хаотично, часто в несколько уровней, напомнив Кузнецову фавелу. Компактную,

сбитую в плотное угрюмое кольцо. Невесть как телепортированную на болотистый таежный рубеж, с недавних пор ставший границей двух государств. Вероятно, управлявшие грузовыми цеппелинами сибиряки решили не греть головы, вызывающе сбросив мусор на российской стороне и навсегда забыв о свалке. Но простые люди, после Инцидента превратившие скопище контейнеров в общий дом, решили иначе.

Над крышами вились дымки. Блестели на солнце полиэтиленовые стенки теплиц. Растянутое над узкими улочками, на ветру сохло белье. В крытых досками и дерном загонах толпились коровы.

Артем сверился с картами. Не сетевыми, обновляемыми в режиме реального времени, а статичными, что успели отрисовать кружащие над изменившейся планетой уцелевшие спутники. Убедился, что необычная деревня не отмечена ни на одной из припасенных схем. И спрятал бинокль, поднимаясь на ноги. Предчувствие, переполнявшее его все утро, крепло с каждой минутой.

С холма начал спускаться, сразу перестраивая походку. Она стала нарочито утомленной, потеряла бодрость и упругость. Плечи мужчины поникли, рюкзак по виду прибавил в весе, став неподъемной ношей. Ковыляя пьянчугой, спотыкаясь и безвольно мотая руками, Кузнецов направился к поселку.

Мужичка, сидящего на камне с шикарной подстилкой мха, заметил предательски поздно. А если бы не дым от трубки, густо-белый в кристальной ясности августовского дня, и вовсе бы мимо протопал.

Тяжело выдохнув, Артем куснул губу. Обыкновенно безупречный в выгодной театральности, сейчас он едва не подставил спину незнакомому человеку. Разозлился на собственную невнимательность, приказав себе не переигрывать с усталостью. И направился прямо на курильщика, размазывая по лицу облегченную улыбку.

– Мир тебе, отец! – говорил он с хриплым придыханием, как путник, последние километры марша преодолевавший на пределе сил. – Напугал ты меня, будто лесовик тут сидишь…

– И тебе не хворать, сынок, – настороженно, но не враждебно, протянул мужичок.

Вблизи стали заметны морщины, перекрученные артритом пальцы, яркая седина под мягкой войлочной шляпой. По виду вроде русский, да только в последние годы Сибирь столько народу собрала, что пойди угадай.

– Кем будешь, откуда пожаловал?

Облако табачного дыма скрыло исполосованное морщинами

лицо, но Артем успел заметить темные, лукавые и совсем не старческие глаза, изучавшие путешественника внимательно и с интересом. Кузнецов остановился в нескольких шагах от местного, упирая руки в колени, и сделал вид, что переводит дух. В действительности же осмотрел дедка, пытаясь приметить спрятанное оружие. И расстояние до поселка тоже оценил, откуда, в случае чего, могла долететь ружейная пуля…

– Да вот, отец… – Он попытался сплюнуть на камни, но пересохшие губы правдоподобно не позволили. – Заставила жизнь людные места покинуть. Уж и не ожидал, что на деревню наткнусь.

– Хм… – Старик с сомнением заглянул в тлеющую трубку – здоровенную, грубо отесанную, вырезанную из темно-рыжего корня. Шмыгнул носом, прищурился. – С законом сложности возникли, сынок, или люди дурные обижать вздумали?

– Да что ты! – Глаза Артема в негодовании полезли на лоб, и он всплеснул усталыми руками. Обиженно оттопырил уши, отрицая связь с отмороженными Куницами. Расстегнул куртку, чтобы удобнее было дотянуться до пистолета. – Ты не думай, отец, я не преступник! А про людей дурных метко подмечено…

Старик молчал, ожидая продолжения истории. Даже позы не поменял, словно прикипел к камню и его мохнатому ковру. Только поднимались в летний воздух струйки горького дыма.

– Маджонг, отец, – честно ответил Кузнецов, виновато пожимая плечами. – Не тем людям проигрался, как пить дать – не тем. Вот на меня китаезы из Тобольской диаспоры и взъелись… В рабство, должно быть, загнать собирались, денег-то у меня все одно нет. Но я проверять не стал: вещи в рюкзак и бегом, да вот только ни карт, ни компасных программ в «балалайке»…

– Азартен, значит?

– Есть такой грешок… Подскажешь, как на тракт Тюменский вернуться, а то третий день по лесам да болотам плутаю?

– Тюменский тракт? – Дед невесело усмехнулся, постучав мундштуком трубки по желтым зубам. А затем озвучил то, что Кузнецову было прекрасно известно: – Оторвался ты от него изрядно… Так, что и границу-то российскую пересек. Обратно возвращаться станешь, погранцы второго шанса проскочить не дадут. А если и просочишься, с «барсами» дело иметь будешь, это верная погибель. На юго-запад бы тебе, в сторону Тавды. Только до нее тоже не один день тайгу топтать и берега болотные. Да и Куницы по лесам здешним не редкость…

У Артема безвольно обвисли руки. Взгляд опустился к ботинкам, нижняя губа дрогнула. «Ошарашенный» новостью, он продолжал исподлобья изучать пасторального дедка,

выбравшегося из родного контейнерного поселка подымить в уединении. Заметил свежие стружки во мху, наполовину выструганную свистульку подле курильщика. Безмятежности и одиночества, выходит, дедушка искал?

Тот, перехватив взгляд чужака, заготовку игрушки ловко с камня сгреб. Торопливо спрятал в карман куртки, видавшей виды и любовно штопанной. Поднялся на ноги, почесывая седой затылок.

– Ладно, пойдем, – согласился он вдруг, будто Артем о чем-то попросил. – Не пристало хорошего человека от порога отваживать, даже воды не поднеся. Передохнешь, сынок, а потом я тебе дорогу укажу, с моих примет не собьешься.

Кузнецов улыбнулся – на этот раз почти по-настоящему. Поспешил следом за дедком, поскальзываясь на мхе и неловко взмахивая руками. Залепетал слова искренней благодарности.

– А это, вообще, отец, что за деревня? – поинтересовался он, рассматривая надвигающиеся контейнеры. Словно фрагменты нехитрой геометрической головоломки, они громоздились один на другом, обрастя балконами, теплицами на крышах, затянутыми оргстеклом окнами и шаткими переходными мостками. – Не Новый Березник часом?

– Не-е-ет, – протяжно усмехнулся старик, не по годам споро вышагивая впереди. – Официального названия нет, и не ищи… А местные Волей кличут. Да ты не переживай, сынок, тут всем рады, кто с миром.

Теперь Артем заметил мужчин, сидящих в глубине затемненных тюлем балконов. Неподвижных, угрюмых, смотрящих на юг и восток. Как один – с ружьями на коленях. Выходит, отнюдь не беззащитной оказалась Воля, какой ее с холма принять было можно. Второй раз за день Кузнецов упрекнул себя в безалаберности, когда стоило проявить повышенную концентрацию и собранность. И тут же заметил, как сквозь печные дымки Воли померкла небесная голубизна…

Улочки деревни были тесными, чуть больше ширины контейнеров, из которых и выстраивались. А еще – и Артем не сразу взял в толк, как такое возможно, – создавалось ощущение, что внутренние переходы Воли изгибались, словно не из жести местные дома были сделаны, а из податливой глины.

Доброе расположение духа испарилось, вытесненное запахами поселения – готовящейся еды, несвежего белья, звериных шкур и экскрементов. По душе будто провели ржавым гвоздиком, а образок Марии Лоа на груди под термобельем вдруг стал нестерпимо холодным. Кузнецову показалось, что идут они не по ровной улице, плавно изгибающейся направо, а вниз,

причем под большим углом спускаются. Помотав головой, чтобы не заметил провожатый, он украдкой положил в рот еще одну пастилку жевательного энергетика.

– Меня Артем зовут, – сказал негромко, чтобы хоть как-то раздробить серое душевное безветрие, царившее внутри Воли.

– А меня Степаном называй, – кивнул, будто ожидал знакомства, и представился старик.

– А по батюшке? – стараясь казаться вежливым и усталым, уточнил Кузнецов.

– А ты не усложняй, сынок. – И пусть странник сейчас не видел дедова лица, был готов под присягой утверждать, что Степан улыбается. – Тут тебе не анклав и не столица, чины да отчества – хлам ненужный…

И что-то в его голосе заставило Артема убедиться, что дед ему не поверил. Да только не могло такого быть, ибо личина Кузнецова – ушлого малого из сибирской глубинки – приросла к разведчику так давно и плотно, что лжи бы не вычислила и родная мать. А может, одичалые местные всех так встречают – с теплом, помноженным на недоверие? Чтобы избавиться от давящего чувства, мужчина провел рукой по пистолету, спрятанному в секретной поясной кобуре. Не помогло.

– «Балалайка», как понимаю, у вас тут не ловит, – не спросил, а уточнил Артем, разглядывая неутешительные отчеты на глазном наноэкране.

– Говорю ж, не анклав, Артемка, – снова усмехнулся старик, на ходу попыхивая трубкой. Свободной рукой демонстративно постучал себя по затылку, скрытому белыми волосами. – Внутренняя сеть еще как-то держится, спасибо Штырю, железячнику нашему. Да только он чудной, незнакомым доступа в нее все равно не даст…

Кузнецов, стараясь не отставать от Степана, тут же запустил поиск всех возможных сетей, в том числе заблокированных или запароленных. Ничего не нашел, нахмурившись. Старик же свернул направо в арку, образованную тремя контейнерами, и Артем чуть не наткнулся на группу детишек, игравших прямо на земле.

Ругнулся приглушенно, едва не наступив на мальчонку лет трех, а тягостное ощущение внезапно усилилось. Неоправданное, иррациональное, но весьма ощутимое, как бывает перед грозой или в преддверии личной беды. Потому что виделось в детях что-то ненормальное, выбивающееся из стереотипа о том, как должна вести себя заурядная ребятня…

Сбивчиво и машинально вознеся короткую молитву, Кузнецов отринул дурные мысли. Ускорился, догнал Степана, даже не

подумавшего обернуться. И еще долго перед внутренним взором Артема маячили лица детишек, сидящих в пыли – уставившись в пустоту, будто мультфильмы через «балалайку» смотрели, и вяло перебиравших подобранные на свалке игрушки. Молча.

Стараясь не думать о деградации российских деревень, Кузнецов глубоко вдохнул. Вымирают регионы. Особенно такие вот, на свалках гнездящиеся. Малышня эта волевская – возраста примерно одного, но заторможенная какая-то, нелюдимая – тому лучший пример.

Затем Артем увидел местных женщин. Обряженных в странную смесь старой городской одежды и рукодельной, из коровьих шкур собранной. Две тетки стояли в дверном проеме контейнера, завешанном тяжелой мохнатой шторой. Еще одна несла навстречу кожаное ведерко, полное воды.

Красивые женщины были, статные, это Кузнецов сразу отметил. Крепкие, яркие, хоть и рожавшие не по разу, такое в деревне не скрыть. Но, так же, как дети, словно чем-то внутренним и потаенным опечатанные. Смотрели ровно, без страха или любопытства, а в глубинах темных глаз посверкивало…

Кузнецов не успел додумать метафору про угольки костра. Дорогу загородили, и без того небогатый свет узкого переулка перечеркнула тень. А затем над Артемом кто-то навис. Он вздрогнул, испуганно отшатываясь, потянулся к пистолету. В последний момент осознал, что едва не демаскировал резервное оружие, и переложил ладонь на поясной охотничий нож. А затем глаза привыкли к полумраку, «балалайка» усилила сумрачное зрение, и по телу прокатилась дрожь…

Мужчина, стоящий перед путешественником, был высоким и широкоплечим. Да вот только выглядел так, словно заживо в супе сварился, а после забыл к пластику сходить, чтобы шрамы вывести. Одноглазый, с ожогами на полголовы и шеи, он казался бродячим лесным ужасом, пришедшим из легенд по душу Артема Кузнецова. Да вот только тот не просто презирал нелепые народные мифы. Он их разрушал.

– Чего надо? – негромко и на плохом русском поинтересовался обезображенный здоровяк, наклоняя лысый череп, покрытый белесыми узорами. На груди качнулся серебристый кулон – оплавленная голова дракона, любовно подвешенная на гайтан. – Звали тебя в деревню-то?

– А ну, Коленька, остынь! – охнул дед, не успел Артем и рта раскрыть. – Чего накинулся на человека?! Не видишь что ли, со мной он.

Правый глаз урода, подозрительно раскосый и навевающий

мысли об отнюдь не русском происхождении Коленьки, сжался в щелку. Крепыш повернул голову, бросив на Степана короткий изучающий взгляд, а затем тяжело и весьма недружелюбно вздохнул.

– Иди, Николай Степаныч, иди куда шел, – старик вернулся к месту, где Артему преградили дорогу. По-отечески обнял обезображенного за плечи, для чего деду пришлось встать на цыпочки. Развернул и подтолкнул в сторону. – Нечего гостя пугать, он и без этого бед от твоего племени натерпелся…

Кузнецов сглотнул комок. Его редко удавалось застать врасплох, и это являлось еще одним пунктом для гордости в обширном списке талантов разведчика. Но этот страшила… казалось, он вынырнул навстречу прямо из стены с блеклым логотипом «ТрансГеоМед», настолько неожиданным стало его появление. Артем попытался миролюбиво и чуть заискивающе улыбнуться, не очень уверенный, что у него получилось.

– Пойдем, Артемка. Ты ж, небось, с дороги-то оголодал… – Продолжая ворчать на Коленьку, каковым тот являлся в той же мере, что и сам Артем – профессиональным игроком в маджонг, Степан потянул гостя за рукав. – Пойдем, мой дом совсем рядом…

– Твой гость, Горский… – все так же перемалывая слова акцентом, проскрипел поднебесник. – Но я за ним слежу.

– Да полно, полно тебе… – И Степан утащил Кузнецова по кишкообразной улице, не давая оглянуться. – Уф, чертяка, может же напугать, верно?

– Верно, – не совсем понимая, что именно происходит с его хваленой самоуверенностью и сноровкой, пробормотал Артем. – Да только какой же это Коленька?

– Ну, какой есть, – вздохнул старик. Трубку, уже выколоченную, он спрятал в карман. – Назвали первым, что в голову пришло. Думали, на могиле писать придется, никто ведь не верил, что выкарабкается бедолага… Приполз, помню, обгорелый весь, про птиц-людоедов бредил. На языке своем сверчковом лепетал, про зверей гигантских сочинительствовал. «Балалайка» вместе с волосами сгорела, документов нет, вот Колей и прозвали. Ты ведь небось сразу смекнул, что меня тоже не с рождения Степаном кличут?

Артем чуть не споткнулся на ровном месте.

Конечно, он мог догадаться. Да нет же! Он правда догадался – вот только понял об этом лишь сию секунду, едва Степан Горский вслух упомянул. И стало Артему еще гаже. Словно события, управлять которыми он стремился, вышагивая через безлюдные таежные пустоши, внезапно приняли его в свой

мрачный, пропахший протухшим мясом оборот, и не было сил этому воздействию сопротивляться.

Он потянулся нащупать образок на шее, а Степан уже заталкивал гостя в очередной переулок. Поселок, с холма казавшийся компактным и убогим, изнутри производил впечатление бесконечного лабиринта. Только теперь Кузнецов понял, что ему составит немалого труда найти выход, если Волю потребуется покидать в спешке и со стрельбой…

– Выходит, Степанович у вашего Николая – не отчество, а принадлежность скорее? – постаравшись взять себя в руки и перехватить инициативу в беседе, спросил Артем. Концентрация мыслей чуть не отняла у него последние силы, а тесные проулки поплыли, будто сделанные из воска.

– Ага, в точку попал, сынок, – покивал старик, участливо заглядывая в лицо. – И принадлежность, и фамилия. Ох, совсем ты утомился, я вижу. Не болен, часом?

– Нет, спасибо, все в порядке, – соврал Артем, и впервые за долгое время не был уверен, что его ложь прозвучала убедительно.

Улицы сменяли одна другую. Над головой шумело белье. Навстречу попадались местные: с Горским тихонечко здоровались, на Кузнецова глядели, будто на место пустое. Где-то в стойле, за рядами контейнерных стен, промычал бык. Ущелья из вагонов все отчетливее нашептывали Артему, что он находится не под открытым небом, а глубоко под землей, и избавиться от угнетающего впечатления не помогали даже отчеты «балалайки».

Чуть приотстав от старика, он попробовал сосредоточиться на работе.

Там, где стены домов-ящиков украшали детские рисунки, повертел головой, старательно фотографируя. Звезду о восьми лучах. Корчащиеся в ее молниях фигурки. Женщину в центре узора, нарочито карикатурную, с большой грудью и не менее большим задом. Артем чувствовал себя так, словно его находка стала трясиной, а предчувствие успеха – тяжелой свинцовой чушкой. И чем крепче он сжимал в руках увесистый брусок оправдавшегося ожидания, тем глубже погружался в… Во что? На этот вопрос Кузнецов ответа пока не имел.

– Вот, Артемка, прибыли…

Дед, после стычки с Николаем, казалось, еще сильнее подобревший к гостю, открыл рифленую дверь в боковине темно-красного контейнера. Створка была сделана из куска все той же жестяной стенки, посажена на две разноразмерные петли и утеплена изнутри лосиной шкурой.

– Проходи, сынок, присаживайся…

«Сынок» прошел, прижимая руку к пистолетной кобуре. Настроил «балалайку», торопливо осмотрел помещение. Не заметив ничего подозрительного, шагнул к широкому дощатому столу, корректируя зрение под окружающий полумрак.

Было уютно, насколько это возможно в длинном экранированном гробу, в котором на границу новой республики когда-то скинули снаряжение, пропагандистскую литературу о свободной Сибири и модули для строительства острогов.

Окна отсутствовали. Дальнюю от двери часть «дома» отгораживал занавес, за которым виднелась массивная кровать с каркасом из некрашеных железных трубок. В центре притулилась корявая винтовая лестница, уводившая в овальный потолочный люк. У дверей разместилась кухонно-обеденная зона, состоящая из стола, металлической печи, топливо которой совсем не благоухало, нескольких табуретов, полок и немногочисленной поварской утвари. Когда Артем притворил за собой входную дверь, ему показалось, что петли отчаянно простонали…

Снимая с плеча рюкзак, чужак сел за стол. Пока старик возился с занавесом, пытаясь скрыть от глаз гостя неубранную спальную зону, поудобнее передвинул на живот кобуру. Степан, убедившись, что Кузнецов благополучно разместился в ожидании, понимающе кивнул. И прокричал наверх, в задрапированный мехом лаз над лестницей:

– Марика! Сестра, помоги гостя принять…

Сестра, вот ведь как. Выходит, в дом стариков Артем угодил. Это приободрило, ибо на разговоры с представителями старшего поколения в его деле зачастую приходилось делать главную ставку. Однако, едва Марика спустилась по спиральным ступеням, приветливо улыбнувшись Кузнецову, тень недопонимания опять окутала его сознание.

Марике, которую дед величал сестрой, было от силы лет двадцать. А может быть, и того меньше. Это означало, что или Степан при всем его внешнем виде стариком отнюдь не являлся, либо живущая на втором этаже метелка Горскому совсем не родней приходится. А еще она была красива, будто с модного глянца сошла. Такой место в свите верхолазов Цюриха, а не в поселке помоечном. Может, любовница стариковская? От несправедливости такого предположения Артем чуть не фыркнул…

Девушка робко встала у лестницы, посматривая на гостя со смесью любопытства и недоверия. В полумраке комнаты, освещенной бедной химической лампадой, ее черные глаза сверкали полированными обсидиановыми бусинами.

– Ну, чего примерзла? – Степан легко хлопнул в ладоши,

заставив девушку потупиться. – Человек несколько дней по тайге шастал, проголодался. Накрывай на стол, Марика.

Потом «человека» щедро кормили. Похлебкой, в которой определенно присутствовала натуральная говядина, и явно фабричными галетами. Поили чаем, настоящий напиток напоминающим весьма отдаленно. Артем ел неспешно, но всем видом излучая честный голод и благодарность. Когда тарелка опустела во второй раз, Кузнецов сыто отодвинулся от стола, скрипнув стареньким табуретом.

– Спасибо, хозяева.

Он кивнул сначала деду, затем Марике. Та, за обедом прислуживавшая ловко и сноровисто, хихикнула и зарделась. Это не укрылось от Степана, довольно крякнувшего и скрывшего улыбку в кулаке. Нет, точно не любовница! Может, дочь приемная? Почему тогда сестрой называет?..

Горский достал трубку, принявшись неторопливо набивать ее из кожаного кисета. При этом Артему не переставало казаться, что образ доброго пасечника у хозяина дома является таким же маскарадом, как его личный сценарий азартного неудачника.

– Отплатить мне нечем, Степан, я уже говорил, – осторожно начал Кузнецов, заставив седые брови деда сойтись на переносице. И добавил более настойчиво: – Но отблагодарить сумею. Вот, возьмите. У меня их два, а в хозяйстве лишним не будет…

И снял с пояса охотничий нож, добрый, хоть и не новый.

Старик с пониманием вздохнул, морщины разгладились. Марика, побренчав банками на кухонной полке, по старой традиции выложила перед Артемом металлическую монетку.

– Добрый ты человек, Артем, – кивнул Степан, от спички раскуривая трубку и с видом знатока разглядывая подаренный нож. – Не Куница, не мародер. Хоть всей правды о себе и не говоришь…

Сердце Кузнецова екнуло.

Марика, изучавшая чужака воровато, но с ненасытным интересом, снова рассмеялась. И вдруг так жарко нахлынуло на Кузнецова желание выложить правду, что хоть всю операцию к чертям посылай.

Но он сдержался. Даже под гнетом необычной атмосферы поселка, к которому рвался, стряхивая повисших на загривке поднебесников. Потому что был профессионалом. Пусть тщеславным, нескромным, лишенным «сверхумений», но профи. А кого попало в Сибирь бы не послали. И потому Артем выдал новую порцию лжи:

– Верно говорят, что мудрых людей обмануть нельзя. – Он

весьма правдоподобно вздохнул, признавая поражение. – Видят насквозь. Я не игрок в маджонг, отец. Не серчай, что запутать хотел. По делу я в Тобольске был. А вот уходить от дурных людей действительно пришлось, тут обмана нет.

– И что ж это за люди такие? – Старик прищурился, а примолкшая Марика заломила пальцы.

– «Барсы», – обреченно и как мог искренне пожал плечами Кузнецов. – Борцы за суверенность, будь они неладны. Шпики Новосиба, по границе рассыпанные.

Девушка сдавленно охнула, но дед глянул грозно, призывая держать эмоции в узде. Снял шляпу, положив перед собой, скрюченной пятерней зачесал назад белые волосы.

– И чем же это ты им, Артемка, насолить сумел? – спросил он ласково, но одним только тоном призывая больше не лукавить.

– Слыхали, наверное, – снова вздохнул Артем, – что Сибирь вот-вот «чернуху» новорожденную найдет? Весь мир об этом шепчется, правду знать хочет. Вот и посылают фирмы людей разных, не самых трусливых, чтобы секреты эти у «кротов»… разузнать. А если у посланников не получается, им приходится уходить. Спешно. Через леса.

– Выходит, Артемка, промышленным корпоративным шпионажем на жизнь зарабатываешь, – с улыбкой констатировал Горский, не отводя от Кузнецова черных глаз. – «Кротов» трясешь, прииски систематизируешь?

Тот вздрогнул, будто оса в шею ужалила. Прищурился, позволив покрывалу полуправды соскользнуть с липового образа, приобнажить скрытый под ней титапластовый каркас опасной истины. Подался вперед.

– Не слишком ли, отец, умные слова для дедушки из глубинного поселка в сердце таежном? – спросил аккуратно, без нажима, но «балалайка» его в это время старательно фиксировала мимические реакции собеседника.

– Хех, сынок… – Степан, как ни в чем не бывало, выдохнул дым через ноздри, окутав себя облаком. – Не все мы в Воле родились. Когда-то, равно как и ты, пришлыми были, от страхов и прегрешений старых скрывались. Но ты не переживай, Артем, ничего тебе не угрожает. Давно уже нас проблемы «барсов», Питера и остального мира не трогают. А если к нам с добром, да без злого умысла, то и бояться нечего. Никто твоей тайны не узнает, обещаю.

Правду говорил дед. Чистую правду, кристальную и прозрачную, как вода с гренландских ледников. Артем, лжец до мозга костей, это доподлинно знал. Это же подтверждала специальная аналитическая программа «балалайки». Потому

Кузнецов позволил плечам облегченно обмякнуть, кивнул и продолжил беседу, построенную на принципах взаимного доверия.

– А вот скажи, Степан, – попросил он, наблюдая, как стройная Марика убирает со стола грязную посуду. Работает шустро, деликатно, но нет-нет да и взглянет гостю в глаза, отчего по позвоночнику будто горячее молоко льют, – кому благодарность за гостеприимство и встречу нашу вознести? Ни полумесяца, ни креста в домах местных я не заметил. Может, часовня есть или место освященное?

– Так ведь ты уже человеку вознес, сынок. – Степан важно приподнял перед собой подаренный нож. – В нем все божественное скрыто, так считаю. А лишних поклонов и не требуется. Религию тут не жалуют, уж поверь старику. В Воле судьбы так перемолоты, что веры и нет никакой.

– Понимаю, – осторожно парировал Артем, мягко, как матерый хищник, подбираясь к самому главному. – Но я пока в Тобольске жил, слышал, что течение новое окрест объявилось. Враки или нет, понять сложно. Но, может, вы, хозяева дорогие, про Врачующего что слышали?

Взгляд Горского остекленел, стал испуганным. Марика за спиной Кузнецова замерла, не донеся тарелку до корытца, в котором мыла посуду. Сам разведчик собрался, борясь с сытой негой, и еще раз внимательно изучил морщинистое лицо деда.

– Ох, Артемка, – наконец нарушил липкое молчание Степан, качая седой головой. – Слышал я о таком, да только его Врачующим-И-Отнимающим величают. Но тебе в это дело лезть не советую. Мутно там, как в иле болотном. А если и судачат о новом поверии, то шепотом и при свете дня…

– Так если говорят, то?..

– Марика! Чего встала столбом? – не дав Артему договорить, Горский сурово прикрикнул на молодую сестру. – Неси воду давай, миски мой. Или мух разводить собралась?

Кузнецов скрыл накатившее раздражение, но пальцы машинально пробарабанили по столу легкую дробь. Вот, значит, как? Мужчина встал, с подчеркнутой вежливостью кланяясь старику. Марика, вдруг почувствовав его настроение, прикусила нижнюю губу, но поспешно отвернулась, с грохотом вынимая из-под верстака жестяное ведро.

– Спасибо еще раз за хлеб-соль, хозяева. Но гостеприимством злоупотреблять не намерен. – Перед уходом из Воли Артем решил обойти деревушку и, если повезет, установить еще пару знакомств. Может, другие будут более разговорчивыми, нежели улыбчивый старикан? – Покажи, отец, как на Тавду курс взять, да

и пойду я дорогой своей.

– Вежливость, Артемка, это правильно. Ее современной молодежи ох как не хватает. – Горский кивнул, будто в полной мере оценил жест гостя, но тут же легонько пристукнул мундштуком по зубу и поинтересовался: – Только куда ж, на ночь глядя, по болотам-то лазать, ноги ломать? Останешься, может, до утра, а на рассвете я дорогу и укажу?

– Полно тебе, отец, какая ж ночь?.. – отмахнулся было Артем и вдруг осекся.

Глянул на экран «балалайки», а ноги предательски дрогнули, чуть не уронив тело обратно на табурет. Дед смотрел прямо на игрока-шпиона, откровенно растерявшись от его оторопи. Марика, забрав ведро, послушно выскочила вон. Но до того, как за девушкой прикрылась неказистая входная дверь на разнокалиберных петлях, Кузнецов успел заметить уличный свет. Померкший, крепко-вечерний.

Он лихорадочно, но стараясь не подавать виду, пересчитал часы, потраченные на переход от места ночевки, обнаружение контейнерной Воли и знакомство с местными жителями. Не сходилось, хоть волком вой, он же к старику обедать шел, а не ужинать! Что за чертовщина?

Отравить или одурманить Артема не могли: анализатор ядов и наркотиков, вживленный в язык и соединенный с затылочным чипом – незаменимый гаджет в его недоверчивой профессии, – молчал. При этом «балалайка», работая в прежнем режиме и тоже не регистрируя сбоев, показывала 19:21. Неужто гипноз?

– Оставайся, Артемка, – тактично позволив Кузнецову в полной мере насладиться замешательством, миролюбиво вставил Горский. – И не волнуйся ты так. Побледнел вон, аж лица нет… Говорю тебе, нам с Марикой ты в тягость не будешь. С самого утра и отправишься. Пожалуют если злодеи в Волю, мы их отвадим, а тебя укрыть сумеем, даже не сомневайся.

Истуканом нависая над отодвинутым табуретом, Артем в который раз попробовал собрать мысли в кучу. Поиграл мимикой, пряча злость и досаду за нарочито неловким проявлением благодарности и смущения. Натянуто улыбнулся.

Ему определенно требовался тайм-аут. Нужно составить отчет, указать особенности аномалии, занести в память этнографические особенности деревни, вызнанные у старика. Может, даже провести стартовый анализ обнаруженных рисунков. Еще раз поискать местную сеть и попробовать внедриться в нее. Но обстоятельства, закружившие разведчика в хороводе, и не думали отпускать. Что-то мягко давило на виски, щекотало загривок, сушило в горле. Наконец Кузнецов кивнул.

– И правда, отец… – Его улыбка стала естественней, виноватей. – На время-то я и не глянул, заболтались мы совсем. Раз не в тягость, приглашение приму, земной поклон тебе за это…

– Верно решил, сынок. – Горский кашлянул, с интересом глянул в чашечку трубки. – Ляжешь наверху, в Марикиной. Сестра тебе постелет, воды умыться подогреет. А саму ее к подругам ночевать отошлю.

– Спасибо, Степан. Только просьба одна есть. Я, пока не стемнело, прогуляюсь, ладно? Отяжелел с еды, да и воздуха глотнуть охота.

– Ох! Прости старика, совсем про трубку забыл. Мы-то к духоте привычные… Конечно, иди.

Естественным жестом, будто на автомате, Артем накинул на плечо рюкзак. Не хотел давать деду лишнего повода сунуть нос в свои пожитки, да и мало ли как вечер сложится…

Мужчина вышел из дома-контейнера, на пороге столкнувшись с возвращавшейся Марикой. Та ойкнула, чуть не расплескав воду, и очаровательно покраснела, став еще привлекательнее. Пробормотав извинения, Кузнецов пропустил девушку внутрь, закрывая за собой дверь и прислоняясь спиной к прохладной рифленой поверхности.

Летние краски меркли на глазах, на Волю опускался вечер. Тени стали длиннее, по дистрофичным улочкам гулял ветер. Куда он смотрел, пока на дворе темнело? Как смог упустить несколько часов своей жизни, потраченных на бесцельную беседу и пару тарелок похлебки?

Уши Артема заложило, будто от резкой смены давления, а затем ему показалось, что над деревней стелется низкий гул, словно работал огромный трансформатор. Он потер виски, прожевал еще одну тонус-пластинку. Не помогло. Осмотрев тягучие изгибы жестяного лабиринта, разведчик призвал на помощь все свое самообладание.

Он решительно не понимал, что происходит с его разумом. Уже много лет призванием Кузнецова было развенчивать массовые истерии или заблуждения, а не поддаваться им. Но атмосфера поселка…

– Выпытываешь? – глухо, сквозь зубы, спросил Николай Степанович, бесшумно материализовавшийся из-за его левого плеча. Стоял в густой тени, насупившись и сунув руки в карманы короткого тулупа. – Тебя кормят, поят, спать укладывают… а ты все вынюхиваешь?

Артем с трудом подавил желание отшатнуться. С не меньшим трудом заставил себя избавиться от мыслей, что мог бы легко

завести обезображенного в ближайший непролазный проулок да и пристрелить.

– Ты о чем? – спросил он вежливо, но с напряжением в голосе. Подслушать застольный разговор Коленька никак не мог. Ухо одно, и то обожженное; контейнер стариковский окон не имеет, герметичен, что банка консервная. Не мог урод подслушать. Или все же мог? – Своим делом занимайся, Николай, ладно? Я тебя не трогаю, и ты меня не задирай…

– Ты, чужак… гостеприимством Горского… пользуйся, – коверкая русскую речь акцентом и паузами, процедил поднебесник, угрожающе прищурив единственный глаз, – да язык за зубами держи… Понял?

И когда Артем уже хотел ответить, причем что-то дерзкое, способное спровоцировать драку, дверь степановского дома снова открылась. Дед, выколачивая трубку, стоял на пороге, подслеповато щурясь в вечерний сумрак.

– Коля? Ты, Коля, не шуми. Зайди-ка лучше, потолкуем. Нечего доброму человеку нервы трепать, он гость мой сегодня. Отоспится да пойдет своим путем.

Николай, на слова деда отреагировав втягиванием головы в широкие плечи, сжал губы в полоску. Зыркнул на Кузнецова азиатским глазом, темным, как гиблый омут, и столь же холодным. Но в дом зашел послушно, без возражений. И тут Артем, несомненно не доверявший Степану, чуть не поблагодарил лучезарно-степенного Горского. Не хватало еще деревню изучать, пока по пятам это чудище одноглазое ходит…

Старик и китаец скрылись в контейнере, простонала неплотно пригнанная дверь. Артему показалось, что за прошедшие минуты на улице стало еще темнее, а стиснувший его корсет стен будто запульсировал, заколыхался, как бока гигантского животного.

Он судорожно вдохнул, пытаясь прочистить голову. Ощущение, что в этом странном танце он из ведущего превратился в ведомого не прошло, облепило мозг теплым влажным полотенцем, поставило вопрос неверию. Ну, ничего… в Сальтильо с ним и не такое приключилось, так ведь выкарабкался, причину нашел, сумел из-под гнета магнетического вырваться. И тут сумеет. А завтра ускользнет, собрав всю необходимую информацию.

Артем двинулся по улочке, пытаясь вспомнить, с какой стороны подходил к дому Степана и Марики. Не сумел и бесцельно побрел вперед, изучая однообразную мазню на стенках и записывая дорогу в «балалайку», чтобы не заплутать на обратном пути.

Заметил еще одну стайку детей. Маленьких совсем, максимум трехлеток.

Как прежние, эти сидели прямо на стынущей земле, перебирая машинки и куклы так, словно забыли, что с ними нужно делать. Смотрели малыши ровно перед собой, в темнеющую августовскую пустоту, и Кузнецов даже опустился на корточки, пытаясь разглядеть, нет ли в их затылках «балалаечных» портов. Хотел подойти, слово доброе детишкам сказать да пару вопросов добавить. Но тут из ближайших контейнеров показались две женщины, одинаково статные и дородные. Молча разобрали детей и унесли в дома. На Артема даже не взглянув.

«Балалайка» самого Кузнецова по-прежнему молчала. Ни выхода в глобальную сеть, ни локальных конструктов обнаружить не удавалось. Переключившись в текстовый режим, он начал делать заметки, которые в будущем предстояло развернуть в полноценный отчет. Когда дело дошло до описания потерянного времени или его собственной беспомощности, пришедшей на смену упертому эгоцентризму, растерялся, бездумно перебирая слова. И вдруг заметил, что ноги принесли его к подобию центральной площади поселка.

Контейнеры, обрамлявшие пятачок, были выставлены так, чтобы образовывать ровный круг. Ни окон, ни дверей, ни балконов внутрь не выходило – только тощие улочки, будто спицы здоровенного колеса, в центре которого виднелось полусферическое сооружение.

Темнело все быстрее. Кое-где над многоэтажными нагромождениями жести зажглись редкие неоновые трубки, наверняка подзаряжаемые от солнечных батарей. В их призрачном свете, отбеливавшем кожу, словно известь, Кузнецов неуверенно вышел на площадь, сворачивая недописанный документ и переключаясь в режим видеосъемки.

Хмыкнул, рассматривая приземистую, собранную из жердей и шкур юрту, медленно обошел ее кругом. Лицезреть в Воле, состоявшей из однообразных железных параллелепипедов, нечто столь необычное и архаичное, как этот домишко кочевников, было неестественно и дико. А еще Артем понял, что едва различимый его слухом гул, напомнивший о трансформаторе, исходит именно из юрты.

Приметив вход, он аккуратно, украдкой, но внимательно осмотрелся. Набросил рюкзак на оба плеча. Проверил, удобно ли расположен пистолет на поясе. И уже собрался откинуть полог, чтобы осторожно заглянуть…

– Не нужно, сынок. – Степан стоял в одной из улочек-спиц,

пыхтя трубкой. Говорил негромко, без угрозы, словно не вора ловил, а собравшегося нашкодить внука. – Я ж объяснял, что Штырь чужаков не жалует. Он и своих-то жаловать иногда отказывается. Да только терпим, куда нам без его железок?

Артем похолодел. Замер, вытянув руки вдоль тела, медленно обернулся к проулку.

– Прости, отец, никого обидеть не хотел, – честно сознался он, виновато опуская голову. – Просто это необычно – поселок ваш, и юрта в середине. Раньше, наверное, шаман жил?

– Нет среди нас шаманов, – тем же спокойным тоном ответил Горский. – И не было. – Затянулся дымом, отчего угольки в трубке разгорелись чуть ярче, заставив блеснуть черные глаза. – Чем слушал, Артемка, раз не запомнил? Штырь тут квартируется, чудной машинист наш, что сеть дает и из железок старых компьютеры собирает. Нелюдимый, чудной. Повидаться с ним можно, только когда наружу выбирается заказ на новое барахло сделать. Не любит, когда без спроса к нему, ох не любит…

Артем знал, что ему врут.

Но тут, на полутемной площади Воли, когда стены домов пульсировали, будто сшитые из плотной парусины, у него не возникало ни малейшего желания уличать старика во лжи. Он чувствовал, что находится очень близко к цели. И еще знал, что обязательно заглянет в странную юрту. Ночью, когда дед уснет и улицы окончательно опустеют…

– Странная у вас тут сеть… – непринужденно отметил он, кивнув на полусферу из пятнистых коровьих шкур. – Сигнала совершенно нет. А вы ловите.

– Ловим, – подтвердил Степан, многозначительно постучав по затылку скрюченным пальцем. – Да не шибко она нам и нужна-то, сеть своя. Так, баловство одно – мультики малым показать, перепись продуктов провести, заявки коллективные подать на покупки в Тюмени или Тобольске.

Артем, неохотно отступив от юрты, приблизился к старику. Следил, значит, добрый дедушка за гостем. Интересно, а одноглазый Николай Степанович тоже поблизости, по теням ошивается да сигнала ждет?

– И часто вы в Тюмень наведываетесь? – Кузнецов опять стал простецким парнем, не совсем разбирающимся в ситуации и утомившимся с дальней дороги. – Или торговля к вам сама заглядывает? Может, повезет мне на торговый вездеход упасть, затеряться? Все лучше, чем тайгу шагами мерить и Куниц бояться…

– Эт вряд ли. – Степан покачал головой. – Свалку по прямому назначению давно перестали использовать, как под Тобольском

форты отстроили. Не близко, накладно. Но мы уж и сами приспособились, заметил небось – теплицы, буренки, перегонная фабрика…

– Соседи помогают? – невинно поинтересовался Артем. – Слыхал, тут деревни староверов разбросаны, которым лет по двести…

– Есть и такие, – солидно кивнул дед. – Только мы с ними почти не якшаемся. Точнее, они с нами. Вот ты бы, сынок, двести годков тайный устрой храня, стал бы с помоечниками дела вести?

Кузнецов не ответил.

Его так и подмывало обернуться на юрту, но он сдерживал себя, продолжая разыгрывать простачка. С одной стороны, его отточенная интуиция указывала – разведчик на месте, и никакие староверы ему не понадобятся. С другой – еще не существовало на Земле культа, не стремящегося себя как-то проявить. Знаками, символами, татуировками, религиозными постройками, наконец. Воля в этом плане на месторождение нового поверья не походила – ни оберегов, ни тайных имен, ни храма, в конце концов…

Может, след и вовсе был ложным? Ведь неспроста ни вудуисты, ни поднебесники уже третий месяц не могут найти ни единого доказательства существования странного верования, зародившегося в лесах. Однако Артем решительно отвергал трусливую гипотезу, что гоняется за миражом.

Конечно, всегда можно списать необычную атмосферу Воли на выхлопы мусора, не исключено, что токсичного, наваленного на самой окраине. На «карманы», что в тайге не редкость. Еще можно вспомнить про воду, которую пьют местные – что там, в ее составе? Да и вообще легко сойти с ума, живя отшельниками в коробках от вещей. Но Кузнецов отказывался принимать за основу массовое помешательство, пока не найдет тому неопровержимых доказательств. Неспроста же Горский так резко сменил тему, едва речь зашла о Врачующем! Не пытать же теперь деда?

Тот, вдосталь накурившись, повернулся к чужаку спиной. Махнул небрежно – пойдем, сынок, совсем стемнело, спать пора. И затопал по безлюдной улице, змеившейся так, как физически не способны изогнуться твердые жестяные контейнеры, составленные торец к торцу…

Вернулись к дому Степана. Причем Артем опять не запомнил дороги, но был готов поклясться, что двигались новым путем. В потемках вошли, причем от гостя не укрылось, что двери хозяин не запирает. Перемытая посуда была расставлена по местам, Марика ушла.

– Ты поднимайся, сынок, – наставлял Кузнецова дед,

стаскивая куртку, – там сестра белье приготовила, кровать застелила. Если надо, лампу вот возьми. Я бы помог устроиться, но мне по лестницам лишний раз сайгачить неловко, ревматизм…

Артем в точности выполнил инструкции Горского. Поднимался медленно, проверяя каждую ступень винтовой лестницы – не скрипит ли? Настроил «балалайку» на режим темноты, осмотрелся.

Второй этаж был меньше. А может, просто контейнер стоял не вдоль нижнего, и его половина использовалась соседской семьей с другим входом. Кузнецов изучил нехитрое убранство жилой комнаты, попробовал на прогиб жесткий деревянный топчан, застеленный неизменными шкурами. Сел, снимая рюкзак.

Осталось дождаться, когда старик устанет караулить любопытного постояльца. Пересидеть, выставив будильник «балалайки» на предрассветные сумерки. Впрочем, вспомнив, как чуть раньше его индивидуальный чип дал сбой, обманув со временем, Артем решил не рисковать. Лучше вовсе не спать, чем проснуться после хозяина и быть выпровоженным восвояси…

Сбросив куртку, Кузнецов сделал гимнастику. Надел чистые носки, перешнуровал ботинки. Аккуратно, чтобы лишний раз не клацнуть затвором, проверил оружие. Сжевал еще две пастилки, почувствовав прилив пьянящей бодрости. И снова сел на кровать, приготовившись к долгому ожиданию.

За стенами дома царила тишина. Такая глубокая и всеобъемлющая, что казалось – контейнер наглухо запечатали и опустили на дно озера. Ни звука, ни шороха.

Безмятежность деревенской ночи нарушала лишь подспудная тревога, снедающая Артема, – вдруг он ошибается? Вдруг вправду застанет в странной юрте лишь безумного машиниста, заживо догнивающего от последствий приема синдина? Получит в лицо заточкой, будет вынужден драться или стрелять? А потом бежать в тайгу, где притаилось нечто темное и первобытное…

Скрытная дверца в стене, которую Артему не удалось обнаружить при ознакомительном инспектировании комнаты, приоткрылась с беззвучным коварством. Обыкновенно так открываются двери, которыми пользуются часто, причем исключительно тайком, чтобы не услышали соседи или домочадцы.

Кузнецов, запоздало сообразив, что в комнате кроме него находится кто-то посторонний, пружиной оказался на ногах. Выхватил пистолет, снял с предохранителя. Прикрывая оружие бедром, отступил за грубо сколоченный шкаф.

Коленька, угольной тенью вступив в девичью спальню,

прикрыл за собой дверь, а затем шагнул к гостю, сбрасывая капюшон. Артем опешил.

Потому что тот, кого он принял за изуродованного китайца, пришедшего среди ночи по его душу, вдруг оказался Марикой. Улыбчивой, застенчивой, но от этого не менее настойчивой.

– Тише ты, дурачок, – прошептала она, и от этой попирающей запреты хрипотцы в душе Артема вдруг вспыхнуло вожделение. – Брата разбудишь, мне потом несдобровать…

И улыбнулась, поставив на прикроватную тумбу непрозрачную банку, которую принесла с собой. На цыпочках приблизилась к люку, ведущему на лестницу, осторожно расправила медвежью шкуру, закрывавшую лаз.

– Зачем ты здесь? – почти не слыша собственного голоса, выдавил Кузнецов величайшую из банальностей, какую только может сказать мужчина молодой особе, после полуночи пожаловавшей в его спальню.

Марика не ответила.

Вынула из тумбы два стакана, чуть обколотых по краям. Налила из банки, наполнив комнату яркими запахами меда. Уселась на жесткую кровать, легко прихлопнув по лежанке рядом с собой.

– Да не бойся ты, дурачок, не укушу, – хихикнув, шепнула она. – Иди лучше сюда. Настой медовый куда вкуснее степановского чая будет.

– Спасибо, я лучше… – Артем осекся, обнаружив, что ни стульев, ни табуретов в спаленке нет, – постою…

– Нет в ногах правды, Артем, – с совсем не юношеской серьезностью произнесла Марика. Щеки ее горели, она демонстративно отпила медовухи. – Иди, выпей со мной. Или, думаешь, отравить тебя пришла?

И, чтобы доказать несущественность таких опасений, сделала большой глоток. Кузнецов, незаметно спрятав пистолет, выдвинулся из-за шкафа. Его начинало потряхивать, и вовсе не от озноба.

– Думаю, тебе лучше уйти, – все тем же сдавленным шепотом выдавил он, глотая слюну – принесенный девушкой напиток сводил с ума богатым букетом ароматов. – Пожалуйста.

– Не тебе знать, что мне лучше, Артем, – все так же серьезно, но с оттенками лукавства, ответила Марика, наполовину расстегивая ветровку. – Взрослая уже, сама решить способна.

– Ты ведь знаешь, что завтра я уйду…

Он вдруг оказался рядом. Присел, себя не ощущая, но отчетливо чувствуя тепло ее бедра под вязаной юбкой. Принял стакан, недоверчиво глядя на блики расплавленного золота.

Девушка серебристо рассмеялась, пригубив и из его стакана. Ее ярко-синие глаза горели, сверкали, манили. А затем она провела рукой по мужской щеке – быстро, нежно, что и не перехватить, и не отшатнуться.

– А мне другого и не нужно…

Он выпил полстакана. Почти залпом, до того была вкусна волинская медовуха. А затем девчонка до конца расстегнула куртку, под которой не носила ничего. И когда Артем увидел открывшуюся красоту, ее молодую упругость, пьянящие изгибы и объем, уже не смог сдерживаться.

Глотая стоны, они повалились на топчан в объятия друг друга. Запечатали губы поцелуями, не давая вскрикнуть, хотя обоим очень этого хотелось, и не раз. Любовь их была жаркой, стремительной, томной и вороватой, лишь бы не разбудить сопящего внизу Горского.

Затем они разомкнули кольцо. Но лишь для того, чтобы сорвать с себя остатки одежды и без шума уложить их под кровать. И сплелись снова. А затем еще раз, уже на грани изнеможения и беспамятства.

А потом девушка ускользнула прочь. Тихо одевшись и столь же беззвучно прошмыгнув за секретную дверь в дальней стене. Проваливаясь в изнуренный, наполненный сладкой тоской сон, Артем догадался, что дурманящий токсин содержался вовсе не в медовухе или стаканах, а был нанесен на Марикины пальцы…

Проснулся рывком, почти поверив кошмару, в котором был окружен поднебесниками из Тобольска, зажат в камнях на озерном берегу, лишен патронов и возможности бежать. Какое-то время сидел в кромешной темноте и прохладе, чувствуя под собой меховую твердость слоеного матраса из коровьих одежек. Жадно глотал воздух. Вспоминал.

«Балалайка» каким-то образом отключилась, перепугав еще сильнее. Но едва в поле зрения всплыли активированные наноэкраны и восстановилось сумеречное зрение, от сердца отлегло – ночь едва вступала в свою самую темную пору, а с момента девичьего бегства прошло не больше двух часов.

И тут же хлопнуло по темечку, заставив проклинать себя на трех языках. Марика! Вот же развратница безудержная! Артема пробил холодный пот. Не важно, что теперь обнаружит он в юрте Штыря на центральной площади. Доброжелательных проводов чужаку не дождаться – узнают посельчане… да хоть бы только заподозрят, что истоптал петух залетный курочку молоденькую местную, схватки не избежать…

Кузнецов нагнулся, судорожно нащупывая штаны и проверяя ремень. Компактный пистолет, к его искреннему облегчению,

оказался на месте. И правда, видать, не травить и обворовывать приходила его сестра Горского… Спустившись с топчана на леденящий жестяной пол, Артем принялся одеваться. Произошедшее казалось сном, размытым и окутанным дымкой нереальности.

Оделся и обулся. Прожевал тонус-пластинку, вознес краткую молитву, но не нашел в душе и толики религиозного отклика, обыкновенно порождаемого заветной комбинацией слов. Стараясь журчать как можно тише, сходил в ночной горшок. Пальцы еще подрагивали, но любовные утехи все быстрее затягивались дремотной пеленой, словно покрывающееся инеем стекло.

Взять себя в руки. Сосредоточиться. Исполнить приказ.

Он справится. Он, Мэтью Фостер, один из лучших агентов-религиоведов Европейского епископата Католического Вуду, посланный на российско-сибирскую границу в поисках доказательств существования нового культа, обязательно выполнит задание. Даже если потребуется с боем уходить из Воли и стряхивать с хвоста не только поднебесников из конкурирующей организации, но и вооруженных вилами деревенских.

Собравшись, Мэтью скатал медвежью заслонку с люка в полу. Прислушался к безмятежному храпу Степана, начал спускаться. Перешагивал особенно капризные ступени, не отрывая ладони от пистолетной рукояти на поясе. Так же бесшумно и технично выскользнул на улицу, не позволив петлям заголосить.

Неоновые лампы погасли, но кромешная тьма не смогла взять Волю штурмом – августовское небо оказалось усыпано яркими, гипнотически мерцающими звездами. Постояв в тени и убедившись, что улица пуста, Фостер двинулся к центральной площади. Предстояло проверить юрту, зафиксировать все, что способно заинтересовать его высокое начальство, а затем навсегда покинуть деревню на свалке.

Площадь показалась ему огромной. Словно за время, что он провел, кувыркаясь с Марикой, окружавшие пятак контейнеры раздвинулись, отступив метров на десять каждый. Стараясь не задевать бочки и коробки, расставленные вдоль стен, и не наступать на детские игрушки, разбросанные повсюду, Мэтью направился к темному холму, густо устеленному коровьими шкурами. Остановился возле входа, с сомнением разглядывая тяжелый полог. Замешкался, обнаружив, что постройка не имеет дымохода.

И вдруг увидел их.

Он не знал, сколько всего народу жило в деревне. Но сейчас, с застрявшим в горле криком разглядывая сонные, ничего не

выражающие лица, Мэтью догадался, что на площадь пришло все население Воли. И даже дети, не мигая глядящие на чужака.

Фостер резко развернулся, выхватывая пистолет.

Взялся считать людей, окруживших юрту, на третьем десятке сбился. Закружился на месте, выискивая в живой стене хоть малейший просвет. Но лишь обнаружил, что теперь контейнеры определенно сдвинулись, превратив улочки-спицы в непролазные щели.

С губ разведчика сорвался сдавленный стон. Сердце, подстегнутое передозом энергетических пастилок, отбивало набат в сумасшедшем, грозящем инфарктом ритме. Стены домов вокруг площади выгнулись, затем завибрировали на низкой басовой ноте. Лица волевцев начали меняться. Потекли, будто восковые, стирая различия между мужчинами и женщинами, превращая толпу в скопище одинаковых манекенов. Мэтью попробовал закричать, чтобы хоть как-то расколоть охватившее его оцепенение, и не смог.

«Балалайка» Фостера захлебнулась помехами. Один за другим погасли глазные экраны, на повторную активацию чип не отреагировал. Боковым зрением вудуист заметил огромное дерево, возвышающееся над северным краем поселка и скрывающее звезды – вытянутый к небесам обсидиановый провал, в котором безвозвратно тонул свет. Живое кольцо, обступившее чужака и юрту, сделало шаг вперед, окончательно смыкая круг.

– Аре ратан! Аре маталла кир-ахор! – вдруг пропел в кошмарной тишине знакомый голос, в котором Мэтью узнал Степана Горского.

– Аре кир-ахор! – негромко, но чудовищно слаженно повторила за ним толпа.

И принялась раз за разом напевать речитатив, протяжно и вкрадчиво, отчего делалось еще страшнее. Дерево на северной границе Воли качнуло ветвями, на чужака налетел порыв обжигающе-холодного, космически-ледяного ветра. Мэтью скрутило, против его воли согнуло пополам, а затем резко и болезненно стошнило остатками обеда и медовухи.

– Ну вот чего тебе не спалось, сынок? – Безликий Степан, которого Фостер смог идентифицировать лишь по зажженной трубке в руке, вышел из людной стены, продолжая плавиться лицом. – Неужто наркотик твой чары любовные разрушить помог… Жаль, сынок, очень жаль. Дело сделал свое, ну и спал бы до утра. А теперь, Артемка, как же с тобой быть?

Справа от Фостера, утирающего губы от едкой желчи, появился Николай. Его лицо тоже перетекало из одного образа в другой, но вудуист узнал ненавистного поднебесника по

серебряному кулону на груди.

Обезображенный китаец протянул к чужаку руки, и Мэтью не сдержался – почти не целя выстрелил в нападавшего, продырявив бедро. Коленька – это напугало разведчика не меньше однотонных завываний на чужом языке или мимических трансформаций – упал на землю совершенно молча, словно всего лишь споткнулся, а не пулю получил. Остался лежать и только буравил недруга угольно-черным взглядом единственного глаза. Зрачок которого, что не без содрогания заметил Фостер, теперь растекся, заполнив всю склеру.

– Аре ратан! Аре маталла кир-ахор! – продолжала приглушенно голосить толпа. Лица волевцев все еще колыхались киселем, а одинаковые черные глаза выпучились, будто грозили взорваться изнутри. – Аре кир-ахор!

– Ой, зря ты так, Артемка, – с укором произнесло существо в войлочной шляпе и с трубкой в узловатой руке. – А еще добрым казался, правду рассказать хотел. Как бы мы не ошиблись, а то еще родит сестра дурного…

От нахлынувшего осознания Мэтью вдруг расхохотался. Громко, неестественно, надрывно и истерично, но в этом смехе, как при взрезании фурункула, выплеснулись и сдерживающий его морок, и леденящий ужас, и сопротивление рассудка увиденному. Его – человека, разоблачившего дюжину ложных культов по всему миру, – использовали как быка-осеменителя!

– Ах вы, сучье отродье, – прошипел он, мысленно вознося молитву Марии Лоа и призывая Богородицу простить ему прегрешения. – Девку под меня подложили и думали целыми остаться… Всех завалю!

– Не горячись, сынок, – с восковой улыбкой попросил Степан, затягиваясь из трубки. – Сколько патронов в оружии твоем? Двадцать? Да пусть хоть тридцать… А нас тут две сотни. Хочешь узнать, как быстро мы способны избавиться от попавшей в тело пули?

Краем глаза Фостер заметил, как стоящее на окраине Воли дерево снова качнулось под порывом ветра. И тут же понял, что сорокаметровая долговязая тень, перечеркнувшая звезды, – вовсе не дерево. Сознание мгновенно покрылось коркой льда – ударь покрепче, проломи, и навеки сломаешь.

Он сделал шаг назад, упираясь в основание юрты, и почувствовал, как роняет пистолет.

– Вы меня использовали, твари… – выдавил жалобно, будто это могло помочь в споре с существами, имевшими одно лицо на всю деревню. – Добрыми притворялись…

– Ты тоже, Артемка, – назидательно парировал старик с

черными нечеловеческими глазами. – Это мир притворщиков, верно? Но так было нужно, поверь. Хотел знать про Врачующего-И-Отнимающего? Про Того, Кто Ходит По Спиралям? Так знай, сынок, что он не только возвращает здоровье. Он требует новой крови, одновременно награждая наших мужчин проклятием бесплодия. Поможет это твоим епископам, если расскажешь?

Фостер окаменел, не в силах пошевелиться. Дед стоял в нескольких шагах от него, терпеливо чего-то ожидая. Жители поселка продолжали тянуть гипнотическую песнь. Огромная тень за деревней снова шевельнула конечностью, поседевшие волосы разведчика приласкал ветер.

– Нельзя ему уходить, – спокойно, без привычной злобы, сказал Коленька, все еще лежащий на земле. Шевелящиеся губы двумя червями переползли на левую щеку, где растворились под жидкой кожей. Через мгновение на лице раненого прорезался новый рот. – Видел слишком много.

– Да ничего он не видел, брат, – беззаботно отмахнулся Горский, и было сложно понять, то ли его лицо опять поплыло, то ли маска растянулась в улыбке. – На дурман все спишет, если умом не повредился. Есть еще шанс.

– Ты ошибаешься, брат, – рассудительно возразил подстреленный поднебесник. – Он – ищейка Церкви. Уничтожитель чудес. Отпустим, и через месяц Волю заполонят вудуисты, ученые и корпоративные ищейки. Не будет больше спокойной жизни, не будет новых детей…

Старик не ответил. Нахмурился, отчего брови перетекли на переносицу, растворяясь, а на их месте тут же проклюнулись новые. Непроницаемые вытаращенные глаза Степана стали еще больше, грозя вывалиться из глазниц. Он тяжело вздохнул.

– Заходи, Артемка, – наконец резюмировал Горский свое короткое раздумье, буравя шпиона чужой церкви тяжелым паучьим взглядом. – Узнай, о чем мечтал. А дальше пусть сам Врачующий решит, оставаться тебе или исчезнуть…

Сквозь парализующий холод, иглами пронзивший его разум и тело, Мэтью Фостер понял, что ему только что вынесли приговор. Он хотел протестовать, кричать, драться, бежать. Но вместо этого развернулся, действуя, как послушный запрограммированный робот. Отбросил тяжелый полог из шкур, зажмуриваясь от яркого янтарного света, ударившего из недр юрты. Пригнулся и нырнул внутрь.

Огромная глубоко-черная тень, нависавшая над Волей, плавно сместилась к востоку. От поступи Того, Кто Ходит По Спиралям, вздрогнула земля, а в домах-контейнерах жалобно забренчала посуда…

Внутри юрты Фостер замер. Машинально отдал «балалайке» приказ подстроиться под нестерпимый свет. С недоумением осознал, что умная техника по-прежнему не работает и отказывается подчиняться распоряжениям хозяина.

Мужчина прищурился, двигаясь едва ли не на ощупь, и тут же почувствовал, как кто-то заботливо подхватывает под локоть, не давая оступиться. Облако табачного дыма выдало Степана, и желудок Мэтью скрутил новый рвотный спазм, на этот раз ложный. За их спинами – толпа продолжала гудеть в одной тональности, раз за разом повторяя заклинание, от которого хотелось выть, – с меховым шелестом опустился полог юрты. Ветер стих.

Когда зрение привыкло к тепло-желтому свечению, после ночной мглы показавшемуся невыносимым, Фостер с опаской разглядел его источник. Огромный пень, способный принадлежать вековому дубу, занимал почти все пространство полусферической хижины, испуская мерное медовое сияние сквозь зигзагообразные изломы коры. Мэтью, в своей жизни повидавший немало фальшивых или искусно сымитированных чудес, ощутил, что у него отвисает челюсть – у вудуиста не осталось никаких сомнений, что он стоит на пороге величайшего открытия за всю свою жизнь…

– Значит, хотел знать про Врачующего-И-Отнимающего, сынок? – без издевки осведомился дед, притаившийся за правым плечом. – Смотри, чего уж там. Вот отпечаток того, кто открыл Дорогу. Вот наследие Восьмерых, служивших Милостивому Владыке Грядущего. Вот кир-ахор – основа нашей Семьи. Сердце Того, Кто Ходит По Спиралям…

– Этого не может быть, – второй раз за эту бесконечную ночь в Фостере оживилось нечто профессиональное, не до конца стреноженное дурманящей атмосферой Воли. Он, не мигая, уставился в середину пня, где на гладком янтарном срезе темнел отпечаток растопыренной пятерни. – Мутабор покинули планету… Прелаты погибли или переселились в иные миры… Храм Эволюции опустошен, его дети растворились в прошлом цивилизации…

– Ну, сынок, это как посмотреть… – совершенно по-дедовски, что никак не вязалось с оплывающим свечкой лицом, возразило существо, несколько часов назад попросившее называть его просто Степаном. – Не важно, что ты пересек – тайгу или жизнь, но след за собой оставляешь. И Восемь, даровавшие человечеству новый шанс, исключением не стали…

Фостер слушал, приоткрыв рот. Равномерный, теплый, по-домашнему уютный свет внутри юрты очаровывал его, заставляя

забыть о горестях и болезнях. Он нашептывал, звал, пульсом стучал в ушах и обещал покой. Задумчиво уставившись на свою правую ладонь, Мэтью вознес последнюю мольбу Марии Лоа. Но, как было и чуть раньше, снова не уловил отклика в сердце. Никто не поможет ему здесь, на земле адептов Владыки, – ни Мария, ни Иисус, ни Мбота или добросердечные духи.

Тогда мужчина протянул руку, занося ее над пнем и темным отпечатком. Будто хотел сравнить, не ему ли принадлежит след на срезе. Проваливаясь в неизвестное. Отрицая и готовясь принять. Все еще не веря и бесповоротно уверовав в черную тень на окраине деревни.

– Давай, сынок. Теперь можно, раз Врачующий-И-Отнимающий так решил, – миролюбиво кивнул старик за его спиной. – Семя брошено, долг исполнен. Пусть свершится воля Соруса Бинга. Добро пожаловать, брат.

Ладонь Фостера опустилась на черный ожог пятерни. В следующий миг все его тело пробило молнией, острой, будто акулий зуб, и долгожданной, как крик новорожденного. Сорокаметровая тень, дозором бродившая вокруг Воли, ворвалась в него, как жадно втянутый клуб табачного дыма. Заполнила без остатка, вытесняя чуждое и недружелюбное; взамен отдавая могучее, жаркое, достойное лишь избранных…

Оплавившись, из затылка Мэтью выпала перегоревшая «балалайка». Искусственные нервы, вживленные имплантаты, напыленные наноэкраны и искусственные органы – все это в один миг обратилось в прах, пыль, пепел, который вышел из судорожно раскрытого рта мужчины легким облачком выдоха.

Фостер упал на колени, сотрясаемый дикой болью. Его зрачки стали угольно-черными, затем кляксами разлились по всей радужке, а в следующую секунду побелели и остекленели, лишив зрения. Отрекшегося вудуиста, посланного изучить лжекульт, который кое-кто в Европе посчитал опасным и тлетворным, скрутило, оглушило, вывернуло наизнанку…

Степан присел рядом, бережно поглаживая нового брата по щеке.

– Ничего, брат, это пройдет… – бормотал он, попыхивая трубкой. – Все через это прошли, так уж повелось… Потерпи, брат, потерпи. Врачующий-И-Отнимающий милосерден, он обязательно вернет тебе то, что отняла бездушная Цифра…

Фостер, свернувшись в позу эмбриона среди корней янтарного пня, лишь стонал и трясся, потеряв возможность видеть, слышать или осязать. Но еще через миг, наполненный бесконечной болью и хрустом выворачиваемых суставов, он вдруг приобрел. Возможность видеть без глаз. Говорить без слов. Знать

без получения какого-либо знания…

Он видел восемь фигур, окруживших девятую – женскую, раскинувшую руки подле каменного алтаря, усеянного рунами. Молнии, побивавшие одного прелата за другим. Искрящуюся ультрамарином неудержимую энергию Копья, не всецело ушедшую на открытие Врат, а расплескавшуюся по всей планете. Ключи Арки, раскаленные настолько, что оставляли после себя черные отпечатки на сокровенной изнанке мироздания.

Мэтью потряс экстаз, пережитый Сорусом Бингом четыре года назад, на Великой Церемонии…

Он видел жженое клеймо огненного ключа, слишком долго пролежавшего на деревянной доске. Видел дымок, поднимающийся от ожога, чувствовал запах можжевельника. Восемь ключей – восемь отпечатков на теле планеты… Фостер нутром чувствовал высоченную фигуру Того, Кто Ходит По Спиралям, безликую ипостась, воплощение и отклик, бесплотный и могучий. Способный одарить плодовитостью любую из земных женщин и вытягивающий эту плодовитость у мужчин. Врачующий любую болезнь и Отнимающий самое ценное.

Еще Мэтью узрел всю свою семью – новую и нерушимую. Узнал про Тапани ибн Мякеля, проницательную корпоративную ищейку из Финляндии, еще на этапе возведения сибирской границы внедренного в первые «кротовьи» бригады. Про человека, рано постаревшего после заболевания проказой Рейгана, изгнанного искателями в тайгу и приготовившегося умереть в одиночестве. Но выжившего, ставшего Степаном Горским и коснувшегося тайны.

Увидел бледную полусонную Марику, с малолетства подсевшую на синдин и телом зарабатывавшую на жизнь. Теперь Фостер знал, что метелку три раза перепродавали из одного тюменского борделя в другой, пока в итоге она не оказалась в караване живого товара, везомого в Тобольск. Синдиновый кашель тогда стал кровавым, трахать подыхающую девку брезговали самые отмороженные работорговцы, и Марику сбросили с вездехода. Прямо на камни и мох. Встав с которых она и забрела в Волю, потому что ее призвал Тот, Кто Ходит По Спиралям…

Еще Мэтью видел Николая, которого когда-то звали Фэном. Воочию наблюдал его драку с гигантской лысой кошкой, питомцем зеленоглазой ведьмы; реки крови и вспышку ядерного взрыва, последствия которого сумел подавить Врачующий. Видел затяжной полет на скоростном конвертоплане со сбитым автопилотом. Крушение винтокрылой машины, пожар, спешащих на подмогу волевцев. И пусть китаец отныне не мог надолго

покидать деревню, при удалении терзаемый прогрессирующей лучевой болезнью, он остался жив и отныне стал братом Фостера…

Видел новообращенный и других – братьев и сестер, выживающих в диких условиях приграничья, почти не изменившегося за сотни лет. Видел судьбы и дороги, ведущие к этим судьбам, первых заблудших, привлеченных зовом иерарха. Слышал их, говорил с ними. Впитывал исповеди. Познавал, как первые волевцы на себе, примитивных волокушах и бычьих упряжках почти два года с упорством муравьев таскали бревна и пустые контейнеры со всей округи, чтобы окружить Отпечаток стеной, скрыть тайну от остального мира. Как рожали детей, как тщательно искали и призывали новых отцов; как безжалостно убивали бродячих бандитов, отнимая их технику, оружие и провизию. Как лечили туберкулез, синдиновую зависимость и рак. Лечили, вознося беспрестанную хвалу существу, отпечатавшемуся на фоне ночного неба на самой окраине поселка…

Вместе они были мощным, крепнущим с каждым днем организмом, способным обмениваться не только мыслями, но и телами, перемещая сознание в оболочку брата или сестры. Сотни жизней спаялись в дружный трудолюбивый улей, восхваляющий пожертвовавшего собой прелата Бинга словом Милостивого Владыки.

Растворяясь в этом человеческом рое, Мэтью Фостер, он же Артем Кузнецов и еще целая когорта когда-то живших в его теле личностей, улыбался.

Он чувствовал бережную теплоту Марики, действительно симпатизировавшей чужаку, и точно знал, что в начале мая девушка родит семье двойню. Ощущал сурово-извиняющиеся нотки угрюмого Николая. Чувствовал его желание на недолгий срок одолжить закаленное тело Фостера, чтобы на время покинуть Волю и отомстить врагам, едва поднебесник наберется духовной крепости и испросит благословения Врачующего.

Еще Мэтью слышал доброе бормотание седого старика, встретившего путника на замшелом склоне холма целую вечность назад. И понимал, что отныне его лицо тоже станет подвижным, текучим, способным в минуты общего транса принять образ их почитаемого господина. До тех пор, пока Волю защищает лабиринт из промышленных контейнеров, составленных тремя причудливыми спиралями. И тот, кто по этим спиралям бродит…

…Сидели бок о бок на плоском широком валуне, укутанном в ковер темно-зеленого мха. Степан строгал свистульку, которую не спешил закончить уже вторую неделю. Мэтью с опаской курил

дедову трубку, катая на языке приятный незнакомый вкус сушеных трав. Припекало, будто в июле.

– Идут злодеи по душеньку твою, – заботливо шлифуя ножом бочок игрушки, вполголоса произнес Горский, не поднимая алых глаз.

– Знаю, – отозвался Фостер, блаженно щурясь. Он еще не до конца освоил ментальную связь, потому предпочитал пользоваться голосом. – Двое, как ты и обещал.

Он лег набок, лениво перегнулся через край камня, протянул руку и оборвал тяжелую каплю голубики, рассыпанными бусами растущей у подножья.

– Сильные, – важно кивнул старик, по-прежнему не глядя на гребень холма, из-за которого должны были вот-вот показаться чужаки. – Плодовитые.

– Ага… А можно мне, брат?

Дед опустил руки, стряхивая с колена тонкие бежевые завитки стружек. Поразмыслил, почесал нос.

– Чего бы и нет? Пробуй… Только не переигрывай. И про артрит да ласковое слово не забывай, а то заподозрят еще неладное супостаты.

И вдруг качнулся назад, заваливаясь на спину, но в последний момент сохранив равновесие. Мэтью, опасливо завладевший телом Горского, неуверенно поднялся на ноги. Забрал у самого себя корявую массивную трубку, поправил на белой копне старенькую войлочную шляпу.

– Ты бы пока схоронился, брат, – не узнавая голоса, которым говорило чужое тело, посоветовал Фостер. – А то люд тобольский резок и горяч, увидят лицо мое – сразу в драку.

– Да без проблем, – ответил Степан устами младшего брата, разминая сильные широкие плечи. – Отосплюсь хоть…

И быстрым пружинистым шагом направился к поселку, стараясь держаться в низине. Мэтью спрятал клинок в ножны, сунул неоконченную свистульку в карман куртки. Еще раз затянулся дымом и насмешливо прищурился туда, где с каменистого склона за ним в электронный бинокль наблюдали двое поднебесников.